БК.10
Б 40
Вып. 3

Безобразов В. П.

Народное хозяйство России

Часть 3

С.-Петербург.
1889

Уч. Б-ка
338 (473)
3616/80
БК
10
Б40

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

В. П. БЕЗОБРАЗОВА,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

МОСКОВСКАЯ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ) ПРОМЫШЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ.

ЧАСТЬ III.

(КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНІЯ).

ЦЕСАРЕВИЧА
ШКОЛА
Р. С. Ф. С. Р.
по просвѣщенію.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1889.

У. 566. т.

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
23616 ИКП
Историческая

ИЗДАНІЕ
Департамента Торговли и Мануфактуръ.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 23616

Въ типографіи В. Безобразова и Комп. (Вас. Остр., 8 линія, № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ

III ЧАСТИ.

ГЛАВА VI.

СТР.

Костромская губернія 1

Общій очеркъ Костромской губерніи. — Мѣсто, занимаемое ею на территоріи Россіи.—Ея заселеніе.—Отличительныя черты Костромской исторіи и народнаго характера.—Три различныя полосы въ Костромской губ.—Пространство.—Почва, климатъ и другія физико-географическія условія.—Народонаселеніе, его распредѣленіе, движеніе и составъ.—Землевладѣніе.—Пути сообщеній.—Народное хозяйство; разные виды промышленной дѣятельности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Наблюденія и соображенія В. П. Безобразова относительно дѣйствія новыхъ фабричныхъ узаконеній и фабричной инспекціи 1

I. Вступленіе . . . . . —

II. Общій законъ о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы 3 Іюня 1886 г. 26

стр.

III. Правила о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ 3 Іюня 1886 г. (введенныя въ дѣйствіе въ губерніяхъ С.-Петербургской, Московской и Владимірской) 50

IV. Постановленія о несовершеннолѣтнихъ и женщинахъ, работающихъ на фабрикахъ 88

V. Общее заключеніе 109

II. Очеркъ условій благосостоянія и заработковъ сельскаго народонаселенія въ Костромской губерніи В. Г. Пирогова 129

VI.

КОСТРОМСКАЯ ГУБЕРНІЯ *).

Общій очеркъ Костромской губерніи. — Мѣсто, занимаемое ею на территоріи Россіи.— Ея заселеніе.—Отличительныя черты костромской исторіи и народнаго характера — Три различныя полосы въ Костромской губ. — Пространство. — Почва, климатъ и другія физико-географическія условія. — Народонаселеніе, его распредѣленіе, движеніе и составъ.—Землевладѣніе.—Пути сообщеній.—Народное хозяйство; разные виды промышленной дѣятельности.

Въ хронологической послѣдовательности нашихъ разъѣздовъ съ 1879 г., за описанною нами передъ симъ Яро-

*) Литературные источники для изученія Костромской губерніи довольно многочисленны. Мы назовемъ здѣсь лишь важнѣйшія изданія, которыя относятся до всей губерніи и которыми мы пользовались для настоящаго нашего очерка. Сочиненія, относящіяся къ отдѣльнымъ мѣстностямъ и предметамъ будутъ названы въ своемъ мѣстѣ. Полная библіографія Костромской губ. до 60-хъ годовъ находится въ Географическо-Статистическомъ Словарѣ Россійской Имперіи *П. П. Семенова*, Т. II, 1865 г. («Костромская губернія») и въ сочиненіи *Я. Крживоблоцкаго*, Костромская губернія, Спб. 1861 г. (Матерьялы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами Генеральнаго Штаба), стр. I—II.

Вышеупомянутая статья въ *Геогр.-Статис. Словарѣ* заключаетъ въ себѣ краткое, но полное описаніе Костромской губ. во всѣхъ отношеніяхъ. Сочиненіе *Я. Крживоблоцкаго*, принадлежитъ къ наилучшимъ статистическимъ работамъ офицеровъ Генеральнаго Штаба и представляетъ собою самое подробное описаніе Костромской губ. со всѣхъ сторонъ. Хотя оно отстало отъ изслѣдованій, сдѣланныхъ въ этой губерніи въ послѣднее 25-лѣтіе, и

лавскою губерніей, *) слѣдуетъ ближайшая и родственная ей Костромская. Согласно принятому нами порядку, мы должны сдѣлать сперва общій очеркъ природы, исторіи и народной жизни Костромской губ. Этотъ очеркъ мы представимъ въ самомъ краткомъ видѣ, лишь на сколько онъ необходимъ, чтобы служить почвою и рамкою для описанія нашего путешествія и нашихъ личныхъ наблюденій, составляющихъ главную задачу настоящаго изданія. Мы укажемъ при этомъ только на отличительныя особенности Костромской губ., какъ въ московской области, такъ въ сродственной группѣ губерній (Московская, Ярославская, Владимірская, Костромская); общія черты ихъ, свойственныя также и этой гу-

---

отъ нынѣшняго ея экономическаго положенія, но по многочисленности собранныхъ въ немъ всякаго рода данныхъ, оно служитъ до сихъ поръ важнымъ источникомъ свѣдѣній о Костромской губерніи. Не столь подробное, но полное описаніе Костромской губ., въ новѣйшее время, сдѣлано *М. Раевскимъ* въ «Спискѣ населенныхъ мѣстностей» (изд. Центр. Статист. Комитета), «XVIII, Костромская губ., 1877 г.». Этотъ трудъ отличается многими достоинствами. *С. М. Соловьева*, Исторія Россіи.—*Д. Иловайскаго*, Исторія Россіи, Т. I, ч. 2, и Т. II, Москва 1880—1884.—*Забѣлина*, Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія (Историческій Вѣстникъ, 1881).—*Замысловскаго*, Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи, съ приложеніемъ матерьяловъ для историко-географическаго атласа Россіи XVI в.—Матерьялы для Статистики Костромской губерніи, издаваемые Костромскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, подъ редакціей его Секретаря *В. Г. Пирогова*, семь выпусковъ, Кострома, 1870—1887. Это изданіе, принадлежащее къ наилучшимъ въ Россіи мѣстнымъ статистическимъ работамъ, доставляетъ нынѣ не только самый драгоцѣнный матерьялъ для изученія Костромской губ., но также важное пособіе для ознакомленія съ народнымъ бытомъ и условіями промышленности всей московской области. Кромѣ трудовъ самаго *г. Пирогова*, одного изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ нашихъ статистиковъ, въ этомъ изданіи помѣщаются работы многихъ другихъ мѣстныхъ наблюдателей и дѣятелей. Свѣдѣнія, издаваемыя Костромскимъ Статистическимъ Комитетомъ, цѣнны въ особенности потому, что они собираются не обыкновеннымъ оффиціальнымъ и полицейскимъ путемъ, а основаны большею частью на личныхъ наблюденіяхъ мѣстныхъ жителей и спеціалистовъ. Сверхъ того, они неограничиваются сухими цифрами и таблицами, а представляютъ много общихъ выводовъ, обобщеній и описаній, которыя годны не для однихъ справокъ, подобно большинству нашихъ статистическихъ работъ, а

*) См. Т. II, стр. 328.

берніи, были описаны нами раньше *). Свѣдѣнія, излагаемыя въ этомъ очеркѣ должны также пополнить общую картину губерніи относительно тѣхъ мѣстностей, которыя мы не успѣли лично посѣтить. **).

Мѣсто, занимаемое Костромскою губ. (между 56° 39′ и 59° 39′ сѣверной широты и между 57° 51′ и 65° 37′ восточной долготы) на территоріи Россіи, характеризуется тѣмъ, что она принадлежитъ къ прибрежнымъ губерніямъ Волги, на пространствѣ верхняго ея теченія (до устья Оки) и къ самымъ кореннымъ великорусскимъ краямъ, — къ землямъ, занятымъ Славянами при первыхъ князьяхъ.

Между составными частями московской промышленной области, Костромская губ. всего болѣе простирается на сѣ-

---

также читаются съ интересомъ. Многолѣтняя дѣятельность г. Пирогова тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, что онъ располагаетъ для нея самыми не значительными денежными средствами; костромское земство не слѣдуетъ доброму примѣру другихъ земствъ, тратящихъ значительныя суммы на статистическія изслѣдованія своихъ губерній и ничего не расходуетъ на статистику, кромѣ обязательныхъ 2,000 рубл. въ годъ на содержаніе Губерн. Статистич. Комитета. Къ настоящему изданію прилагается составленный для насъ В. Г. Пироговымъ въ 1879 г. и пересмотрѣнный имъ нынѣ промышленный очеркъ Костромской губ. Сверхъ того, см. *В. Г. Пирогова*, Очеркъ состоянія земледѣльческой промышленности въ Костромской губ. (въ Статист. Сборникѣ А. С. Гацисскаго, Нижній-Новгородъ, 1875). — Описаніе Кустарной промышленности Костромской губ. разныхъ авторовъ въ Трудахъ Коммиссіи Кустарной промышленности, Вып. IX, 1883. *А. Тилло*, Кустарная промышленность Костромской губ., въ томъ же изданіи, Вып. XIII и XIV, 1885. Этотъ послѣдній обширный и превосходный трудъ, основанный на личныхъ мѣстныхъ изысканіяхъ, исчерпываетъ свѣдѣнія обо всѣхъ кустарныхъ промыслахъ Костромской губ.— *Побѣдоносцева и Бабста*, Письма о путешествіи Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Москва, 1864, Гл. V, VI и VII. — *Виктора Рагозина*, Волга, С.-Петербургъ, 1880, Т. I.—*Нейгардта*, Путеводитель по Волгѣ. Спб. 1862 г. — Отчеты Костромской Губернской и Уѣздныхъ Земскихъ Управъ. — *О. Ф. Штукенберга*, Статистическіе труды, описаніе Костромской губ. Спб., 1858 г. (тутъ резюмированы всѣ печатные источники до 1858 г.).—*Haxthausen*, Etudes etc. IV. Ch. IX (изъ всѣхъ посѣщенныхъ имъ губерній, авторъ всего менѣе говоритъ о Костромской).

*) См. ч. I гл. 1 и ч. II гл. V стр. 243—250.

**) Поэтому объ этихъ мѣстностяхъ будетъ сказано нами въ общемъ очеркѣ нѣсколько болѣе, чѣмъ о посѣщенныхъ нами краяхъ, подробное описаніе которыхъ будетъ сдѣлано впослѣдствіи въ разсказахъ о нашихъ поѣздкахъ.

веръ ея; сѣверо-восточная часть составляетъ самую сѣверную окраину этой области, даже выходящую, и по своей природѣ (лѣсной) и по народному быту, за ея общіе географическіе и экономическіе предѣлы. Поэтому Костромская губ. есть во многихъ отношеніяхъ переходная полоса между центральною промышленною областью и крайнимъ сѣверомъ Россіи, ея лѣсною областью (Вологодскою и Архангельскою губ.), которая собственно уже начинается въ сѣверо-восточной части Костромской губ.

Большая ея часть (кромѣ сѣв.-вост. края) принадлежала къ ростово-суздальской землѣ, къ этому первоначальному историческому зерну, изъ котораго выросло Московское Государство. Юго-западная ея часть, по правую сторону Волги (уѣзды Нерехотскій и Юрьевецкій, и расположенные на этой сторонѣ части уѣздовъ Костромскаго и Кинешемскаго), старѣйшая относительно славяно-русской колонизаціи, входила издавна въ составъ ростово-суздальской области. Но все таки даже въ древнѣйшихъ своихъ частяхъ (юго-западной и с.-западной) Костромская губ. представляется исторически самымъ молодымъ, позже населеннымъ и позже обрусеннымъ краемъ ростово-суздальской области. Здѣсь вовсе нѣтъ, на памяти исторіи, такихъ первобытныхъ центровъ населенія и исторической жизни, какими славилась эта область, въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Ярославской и Владимірской, на первоначальной финской и позднѣйшей славяно-русской почвѣ (каковы Ростовъ, Суздаль, Муромъ). И долго послѣ, во всемъ дальнѣйшемъ историческомъ ходѣ русскаго государства, территорія Костромской губ., по крайней мѣрѣ, въ большей ея части, была исторически отсталою сравнительно съ его главными историческими и торговыми центрами. Даже на своей картѣ Московіи XVI столѣтія, Герберштейнъ обозначаетъ на всемъ пространствѣ Костромской губ. только одинъ городъ Кострому. Хотя въ позднѣйшее время она тѣсно примкнула къ Московскому Государству, прини-

мала близкое участіе въ важнѣйшихъ его событіяхъ и нынѣ большая часть ея народонаселенія живетъ самою бойкою фабричною и промышленною жизнью Россіи, однако до сихъ поръ ея сѣверо-восточные лѣсные края такіе глухіе и мало населенные, какихъ уже давно нигдѣ больше не найдется въ московской промышленной области; въ нихъ до сихъ поръ продолжается колонизація, о которой давно нигдѣ нѣтъ болѣе помину въ нашей области. Здѣсь въ этихъ пустынныхъ с.-в. краяхъ Костромской губ. еще продолжаются расчистка лѣсовъ и заселеніе, которыя напоминаютъ о давно прошедшемъ, за нѣсколько столѣтій назадъ, всего ростово-суздальскаго края,—этой лѣсной полосы Россіи того времени, къ которой принадлежала большая часть всей московской области.

Поэтому ничего подобнаго соціально-экономическимъ явленіямъ, происходящимъ въ Костромской губ. (на ея лѣсномъ пространствѣ), нельзя встрѣтить нигдѣ въ другой мѣстности московской промышленной области. Эти явленія культуры и народнаго хозяйства, которыя мы ближе узнаемъ впослѣдствіи и которыя давно исчезли не только въ западной Европѣ, но и во всѣхъ другихъ краяхъ этой полосы Россіи, — ближайшей по промышленному характеру и быту массы ея народонаселенія къ западной Европѣ, — эти явленія придаютъ особую физіономію Костромской губерніи въ ряду всѣхъ губерній нашей центральной области.

При разнородности физико-географическихъ, отчасти и историческихъ, элементовъ вошедшихъ въ составъ этой губерніи, она подобно большинству нашихъ губерній, не представляетъ собою цѣльной и обособленной естественной географической и бытовой единицы. Поэтому ея территорія дѣлилась неоднократно въ исторіи между разными административными единицами Россіи. Однако бо́льшая часть нынѣшняго пространства Костромской губерніи довольно однородна въ географическомъ и историческомъ отношеніяхъ, и бо́льшая

часть ея народонаселенія составляетъ исторически выработавшійся, путемъ общаго экономическаго быта и также совмѣстной административной жизни, однородный этнологическій типъ; хотя этотъ типъ одинаковый съ народонаселеніемъ другихъ губерній московской области, — въ особенности Ярославской, Владимірской и Московской,—но онъ имѣетъ свои нѣкоторыя особыя черты, о которыхъ свидѣтельствуетъ уже костромской народный говоръ, весьма различный со смежными губерніями.

Мы коснемся исторіи Костромской губ. лишь въ самыхъ крупныхъ ея чертахъ,— на сколько она, съ одной стороны, была обусловлена природою страны и потому ее характеризуетъ, а съ другой стороны, на сколько эта исторія, своими общими результатами, имѣла вліяніе на нынѣшнюю жизнь губерніи и ея народную дѣятельность.

Вмѣстѣ со всею московскою областью, первобытная историческая почва пространства, занимаемаго Костромскою губ. была *финская*. Это пространство, также какъ и Ярославская, Владимірская и Московская губерніи, было заселено народомъ финскаго племени, называвшемся *Мерею*, который вмѣстѣ со всѣми отраслями этого племени славяне прозывали *чудью*. Оба слова и «меря» и «чудь», также какъ и финскіе или мерянскіе корни и звуки встрѣчаются во множествѣ разныхъ географическихъ названій по всей этой губерніи. Названіе «Кострома» признаютъ финскаго происхожденія. Эта столь отдаленная отъ насъ историческая почва, только весьма недавно подвергшаяся изслѣдованіямъ и обѣщающая много любопытныхъ открытій въ будущемъ, имѣетъ не одно только научное значеніе, а должна объяснить многое въ нынѣшней жизни нашего народа. Изъ сочетанія (ассимиляціи) финскаго и славянскаго племенъ, произшедшаго тѣмъ или другимъ путемъ, образовались тотъ великорусскій племенной типъ и языкъ, которые всего чище и ярче проявляются въ Костромской и смежной съ нею группѣ губерній. Хотя во

всемъ народонаселеніи Костромской губ., безусловно великорусскомъ (за исключеніемъ ничтожныхъ инородческихъ поселеній позднѣйшаго времени,—300 Татаръ подъ Костромою, переселенныхъ сюда изъ Ярославской губ.въ 1761 г., и 2000 черемиссъ, вѣроятно забредшихъ сюда изъ Казанской и Вятской губ.), не замѣтно ни малѣйшихъ финскихъ элементовъ, но во многихъ народныхъ обычаяхъ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ находятъ до сихъ поръ слѣды мерянскаго быта.

Не только о доисторическомъ финскомъ періодѣ этого края, но даже и о позднѣйшихъ временахъ его обрусенія и даже о среднихъ его вѣкахъ (X—XIV), когда Костромская губ. вошла непосредственно въ русло исторіи ростово-суздальской области, и затѣмъ Владимірскаго и Московскаго княжествъ, сохранилось несравненно менѣе историческихъ извѣстій и документовъ (напр. совсѣмъ нѣтъ мѣстныхъ лѣтописей, кромѣ незначительныхъ галицкихъ), чѣмъ по всѣмъ другимъ краямъ московской области. Многое происходившее на территоріи Костромской губ. даже въ средніе вѣка, въ исторіи Костромскаго и Галицкаго княжествъ, напр. въ генеалогіи ихъ князей, остается темнымъ и совсѣмъ неизвѣстнымъ.

Эта скудость историческихъ свѣдѣній едва ли случайная и едва ли она не объясняется культурною отсталостью костромскаго края и блѣдною ролью, которую онъ игралъ не только въ доисторической, но и въ первоначальной исторической жизни какъ ростово-суздальской земли, такъ и московской области, и даже гораздо позднѣе. Если приволжскія мерянскія поселенія здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ верхней и средней Волги, вели, какъ предполагаютъ, оживленную торговлю между Новгородомъ, ростово-суздальскими городами и Болгарами, то нѣтъ извѣстій о сколько нибудь значительныхъ здѣсь мерянскихъ центрахъ и городахъ. Предположеніе о томъ, что нынѣшнее предмѣстье Костромы, на

правомъ берегу Волги, называемое *Городищемъ*, откуда будто бы была Кострома перенесена (Юріемъ Долгорукимъ?) на лѣвый берегъ, было сперва мерянскимъ городомъ, — все это предположеніе весьма гадательно; въ первые вѣка русской государственной исторіи и ославяненія костромскаго края, и даже гораздо позже онъ долго остается на самомъ заднемъ планѣ нашей главной исторической сцены. Еще въ XIV столѣтіи было на сѣверѣ Костромской губ. много язычниковъ, надъ обращеніемъ которыхъ въ христіанство трудились сподвижники православной церкви (Св. Авраамій Чухломскій). Наиболѣе древніе центры населенія и города Костромской губ., — Кострома, Нерехта, Галичъ, очевидно названный по имени южнаго славянскаго Галича, — дѣлаются извѣстны только въ XIII столѣтіи. Какъ уже было нами говорено, берега Волги, опустошаемые въ тѣ времена всякаго рода хищниками, — новгородскою повольницею, Болгарами, часто посѣщавшими костромскія прибрежья, — были неудобны для возникновенія многолюдныхъ и торговыхъ центровъ; они возникали и богатѣли, хотя и вблизи отъ Волги, но въ сторонѣ отъ нея, въ болѣе спокойныхъ мѣстахъ. Потому самыя значительныя средоточія и финновъ (мерянъ) и первоначальныхъ славянъ были расположены внутри Ярославской и Владимірской губерній.

Большая или меньшая древность культуры и народонаселенія страны есть сама по себѣ, независимо отъ всякихъ другихъ условій ея природы и жизни, факторъ ея большей или меньшей цивилизованности, — какъ мы неоднократно объ этомъ говорили. Дѣйствіе этого фактора отзывается въ теченіи многихъ вѣковъ и даже тысячелѣтій. Чѣмъ долѣе продолжается заселеніе страны и экстензивность ея культуры, тѣмъ медленнѣе успѣхи ея просвѣщенія и народнаго хозяйства. Мы настаиваемъ на этомъ вопросѣ по отношенію къ Костромской губерніи потому, что имъ многое объясняется въ нынѣшнемъ ея положеніи и въ характерѣ ея на-

родонаселенія. Она заселилась и промышленные и административные ея центры (за исключеніемъ не большой юго-западной окраины, на правомъ берегу Волги) развились гораздо позднѣе всѣхъ другихъ краевъ московской области. Только къ XVII вѣку народонаселеніе распространилось по всѣмъ частямъ Костромской губ. *). Только въ XVIII вѣкѣ образовались города (Ветлуга и Варнавинъ) въ глухомъ приветлужскомъ краѣ. Нѣкоторыя его части заселяются еще до сихъ поръ и въ нихъ еще продолжается экстенсивная первобытная культура, — вырубка, выжиганіе и корчеваніе лѣсовъ подъ пашни. Позднѣйшій ходъ историческихъ событій также мало благопріятствовалъ успѣхамъ костромской земли. Потому то, надо думать, что не смотря на самое тѣсное историческое сродство, сосѣдство и сходство костромскаго народонаселенія съ владимірскимъ и ярославскимъ, первое отличается, при иныхъ нравственныхъ своихъ преимуществахъ, грубостью, простотою, такъ называемою *сѣростью* и нѣкоторою меньшею умственною развитостью (за исключеніемъ бывалыхъ людей въ мѣстностяхъ отхожихъ промысловъ). Тѣмъ не менѣе, при всѣхъ этихъ оттѣнкахъ, это народонаселеніе все-таки того-же типа и стоитъ вообще на томъ-же высокомъ уровнѣ физическихъ и душевныхъ силъ, принадлежа къ одному и тому-же племенному корню и получивъ уже нѣкоторые задатки культуры на родинѣ первыхъ насельниковъ Костромской губ.

Первоначальное славянское населеніе было здѣсь несомнѣнно тождественное съ Ростово-Суздальскимъ и потому новгородскаго происхожденія **). Переселенцы, охочіе люди, шли сюда отчасти прямо съ верховьевъ Волги, изъ Новго-

*) См. подробныя свѣдѣнія о заселеніи края въ статьѣ г. *Раевскаго* (въ спискѣ населенныхъ мѣстностей). Мы извлекаемъ преимущественно изъ нея настоящія наши данныя.

**) См. въ ч. II, гл. V настоящаго изданія о колонизаціи ростово-суздальской земли.

родскихъ владѣній, главнѣйше же вѣроятно изъ ростово-суздальской земли, непосредственною частью которой представляется изначала юго-западная окраина Костромской губ., на правомъ берегу Волги, согласно всѣмъ извѣстіямъ ранѣе всѣхъ заселеннал. Исконное сродство костромскаго края съ ростово-суздальскимъ доказывается нѣкоторыми общими въ нихъ географическими названіями и общими промышленными занятіями жителей, существующими издревле въ южной и юго-западной частяхъ Костромской г., напр. ткачествомъ.

Впослѣдствіи колонизація продолжалась въ западной и сѣверо-западной частяхъ губерніи, по сѣвернымъ притокамъ Волги, которыхъ здѣсь много,—главнѣйше по Костромѣ,—проникая далѣе въ пригалицкій край, черезъ притокъ Костромы Вексу, вытекающую изъ галицкаго озера.

Позднѣе колонизація распространилась все болѣе и болѣе на востокъ, слѣдуя также по теченію рѣкъ,—Немдѣ, Унжѣ и наконецъ Ветлугѣ. Эта колонизація шла по этимъ рѣкамъ едва ли не преимущественно съ Сѣвера на Югъ, къ Волгѣ, въ которую онѣ впадаютъ. Въ этомъ послѣднемъ движеніи, кромѣ ростовцевъ и суздальцевъ, шедшихъ сюда такъ сказать обходомъ черезъ сѣверныя части губерніи (съ юго-запада къ сѣверо-востоку и оттуда обратно къ югу, къ Волгѣ) позже принимаютъ также участіе совершенно однородные по племени переселенцы съ сѣвера, изъ новгородскихъ владѣній, изъ Устюга (по Сухонѣ), вошедшаго впослѣдствіи въ Ростовское Княжество, и изъ Вятки (по Ветлугѣ). Воды были какъ извѣстно главными, или даже исключительными, путями для насельниковъ въ древней Россіи. Теченіемъ рѣкъ и ближайшими къ нимъ мѣстами опредѣлялся тогда выборъ наиболѣе удобныхъ или наиболѣе выгодныхъ земель; при этомъ первомъ условіи, принималась конечно въ соображеніе и болѣе плодоносная почва. Въ этомъ порядкѣ, слѣды котораго очевидны до сихъ поръ въ Костромской губ., идетъ ея заселеніе въ теченіи вѣковъ. Къ этимъ первоначальнымъ и

главнымъ условіямъ, направлявшимъ колонизацію, присоединились позже другія причины возникновенія населенныхъ мѣстъ въ другихъ направленіяхъ (см. ниже).

Если мы нѣсколько распространяемся относительно этихъ историческихъ указаній на ходъ колонизаціи въ давно прошедшее время, то это не потому только, что они интересны для теоріи первоначальнаго заселенія новыхъ странъ, для исторіи поземельной собственности и ренты, но также и потому, что историческая послѣдовательность заселенія Костромской губ. обусловила собою, какъ послѣдовательность приближенія разныхъ ея мѣстностей однихъ за другимъ къ центрамъ историческаго движенія торговли и культуры, такъ и большую или меньшую населенность и степень промышленнаго развитія разныхъ ея частей до самаго настоящаго времени. Нынѣшняя общая картина большей или меньшей плотности населенія въ разныхъ уѣздахъ Костромской губ. вполнѣ соотвѣтствуетъ въ общихъ чертахъ той-же ея картинѣ въ XVI столѣтіи, когда опредѣлились результаты главныхъ первоначальныхъ токовъ колонизаціи. Въ общемъ, ходѣ ея сперва заселилась юго-западная окраина губерніи, потомъ западъ, сѣверъ и наконецъ востокъ.

Сверхъ описаннаго наиболѣе древняго заселенія края добровольными переселенцами или охочими людьми, искавшими новыхъ земель и болѣе простора, шла какъ вездѣ у насъ, еще колонизація княжеская, военная, и также монастырская. Та и другая не вполнѣ и не вездѣ совпадаютъ съ первоначальнымъ движеніемъ заселенія. Князья строили города, какъ центры управленія и также и главнѣйше какъ укрѣпленныя мѣста противъ набѣговъ хищниковъ, — сперва Болгаръ и потомъ Татаръ, и собирали народъ въ эти мѣста. Впрочемъ построеніе князьями городовъ и укрѣпленій также сосредоточивалось большею частью въ наиболѣе населенныхъ мѣстностяхъ. Такъ возникли Кострома и Галичъ. Монастыри-же, которые сдѣлались съ XIV столѣтія значительными спо-

собами заселенія, сперва доставляя убѣжище противъ грабителей и военныхъ набѣговъ, а впослѣдствіи дѣлаясь средоточіями торговли и селившихся около нихъ слободъ, строились преимущественно въ глухихъ, пустынныхъ мѣстахъ. Такъ, возникло нѣсколько монастырей на крайнемъ сѣверѣ Костромской губ., напр. вблизи отъ Чухломскаго озера, обитель построенная Св. Авраамiемъ, ученикомъ Пр. Сергія Радонежскаго, прославившемся въ костромской исторіи. Достопамятнымъ въ исторіи всего нашего сѣверо-востока Св. Макаріемъ построенъ монастырь въ лѣсныхъ дебряхъ на Унжѣ, сдѣлавшійся въ XVIII вѣкѣ городомъ (Макарьевомъ); г. Варнавинъ, на Ветлугѣ первоначально былъ монастыремъ. Въ Костромской губерніи было построено вообще много монастырей, и между прочимъ въ особенности учениками и сподвижниками Пр. Сергія. Это послѣднее обстоятельство безъ сомнѣнія много содѣйствовало сближенію костромской земли съ московскою, въ которой обитель Пр. Сергія (Троице-Сергіевская Лавра) играла первенствующую не только духовно-церковную, но и политическую роль, и которой костромская земля такъ легко и быстро подчинилась. Сооруженіе монастырей много содѣйствовало къ заселенію и просвѣщенію отдаленныхъ и пустынныхъ пространствъ Костромской губ.

Гораздо позже, —съ XVII столѣтія, —возникла еще колонизація особаго рода: стали укрываться въ непроходимыхъ лѣсахъ восточной части Костромской губ. (напр. по р. Керженцу) *) раскольники и бѣглые крѣпостные люди. Наконецъ, въ новѣйшее время, до освобожденія крестьянъ, дѣйствовалъ еще другой особый видъ заселенія: помѣщики принудительно переселяли своихъ крестьянъ на пустопорожнія земли также преимущественно въ наименѣе населенной восточной части.

---

*) Эта мѣстность составляетъ продолженіе описаннаго нами ранѣе (см. ч. II, гл. IV) лѣснаго раскольничьяго края въ Нижегородской губ. Семеновскомъ уѣздѣ.

Всѣ упомянутые особые виды переселеній и возникновенія новыхъ поселковъ и центровъ общественной жизни хотя и были весьма отличны, по своимъ мотивамъ и направленіямъ, отъ первоначальнаго главнаго движенія переселенцевъ, совершенно добровольнаго, побуждаемаго цѣлями промышленными, — исканіемъ новыхъ, болѣе просторныхъ земель, — зачавшагося въ доисторическое время и продолжающагося въ Костромской губ. до сихъ поръ, но всѣ упомянутые другіе виды переселеній нисколько не нарушали главнаго движенія, отклонялись отъ него только въ отдѣльныхъ пунктахъ, по разнымъ неправильнымъ и кривымъ линіямъ, подобно всѣмъ явленіямъ жизни. Въ общемъ своемъ результатѣ всѣ эти отклоненія колонизаціи соотвѣтствовали общему историческому ходу заселенія Костромской губерніи отъ юго-запада и запада къ востоку. Согласно этому общему ходу заселенія костромской земли, издавна образовалось въ ней, какъ было видно выше, два главныхъ центра народонаселенія и исторической жизни, — Кострома и Галичь, — на двухъ оконечностяхъ ея главнаго первоначальнаго воднаго пути (отъ Волги по р. Костромѣ и Вексѣ до Галичскаго озера), соединяющаго сѣверъ губерніи съ югомъ и съ Волгою и проходящаго по самой заселенной изстари и нынѣ западной части губерніи, ближайшей къ главнымъ средоточіямъ московской области и русскаго государства, — къ Москвѣ и Петербургу. Эти два центра, — Кострома и Галичъ, — остаются и до сихъ поръ первенствующими въ двухъ важнѣйшихъ, наиболѣе промышленныхъ и наиболѣе заселенныхъ полосахъ губерніи.

Государственная исторія костромскаго края возникла въ началѣ XII вѣка, съ переходомъ сѣверо-восточной Руси или ростово-суздальской земли, — въ удѣлъ Юрія Долгорукаго, сына Владиміра Мономаха (еще при жизни послѣдняго). Юрій Долгорукій, надо думать, былъ первымъ устроителемъ костромскаго края, хотя слѣды его дѣятельности здѣсь не такъ

исторически замѣтны и достовѣрны какъ въ другихъ краяхъ ростово-суздальской земли. Ему приписывается основаніе Костромы (по мнѣнію Татищева въ 1152, но это опровергнуто), какъ города (см. выше), и съ еще меньшею достовѣрностью основаніе Галича. Кострома въ первые упоминается въ лѣтописяхъ только подъ 1214 г., и около того-же времени Галичь. Въ теченіи долгаго времени, около столѣтія, послѣ водворенія рода Юрія Долгорукаго въ сѣверо-восточной области, до начала XIII столѣтія нѣтъ помину о костромскомъ краѣ въ ходѣ историческихъ событій. Въ началѣ XIII вѣка, Кострома и Галичъ были вмѣстѣ съ Ростовомъ отданы Великимъ Княземъ Владимірскимъ Всеволодомъ III (Большое Гнѣздо) въ удѣлъ сыну его Константину и потому вошли формально въ территорію Княжества Ростовскаго. Впослѣдствіи образовалось, какъ особый удѣлъ, въ томъ-же княжескомъ родѣ самостоятельное Костромское Княжество, раздѣлившееся потомъ (около половины XIII столѣтія) на два отдѣльныхъ княжества,—Костромское и Галицкое; между ними раздѣлились всѣ волости приблизительно на юго-западѣ губерніи и с.-западѣ; востокъ былъ еще неизвѣстенъ.

Насъ не можетъ интересовать внѣшняя исторія костромской земли въ періодъ такъ называемый удѣльный, весьма сходная своими княжескими усобицами съ исторіею всѣхъ другихъ земель московской области. Мы укажемъ только на внутреннее содержаніе костромской исторіи, на сколько оно выражаетъ собою общій историческій характеръ этой земли.

Внѣшняя исторія Костромскаго и Галичскаго княжествъ,—политическая и военная,—до окончательнаго торжества Москвы и устройства Московскаго государства совершенно однородна съ исторіей всѣхъ другихъ удѣльныхъ княжествъ, окружавшихъ Москву: тѣже споры и междуусобныя войны князей за старѣйшинство въ родѣ, за первенствующій великокняжескій столъ (сперва Владимірскій,

потомъ Московскій), тѣ-же войны противъ владычества Татаръ и Москвы. Но Костромскіе и Галицкіе князья скорѣе только участвовали во всѣхъ этихъ браняхъ вмѣстѣ съ другими удѣльными князьями, нежели предводительствовали ими или сами подымали ихъ для своихъ собственныхъ личныхъ цѣлей. Они выказали несравненно менѣе энергіи и честолюбія, чѣмъ другіе сосѣдніе съ Москвою князья; въ борьбѣ съ нею они не проявили собою ничего подобнаго замысламъ и притязаніямъ княжествъ Тверскаго, Рязанскаго, Нижегородскаго, даже Ярославскаго. Потому на территоріи Костромской губ. не произошло ничего подобнаго ожесточеннымъ княжескимъ боямъ, рѣшавшимъ судьбы русскаго государства, какіе мы видѣли (см. ч. II, между прочимъ стр. 259) въ ростово-суздальской земли, въ предѣлахъ Ярославской и Владимірской губ. Только однажды костромской князь (Василій Ярославовичъ), и то случайно, по праву старшинства въ родѣ, по мимо прямой своей воли и на самое короткое время (въ теченіи шести лѣтъ 1270—1276) занималъ великокняжескій (Владимірскій) престолъ, и Кострома, изъ которой онъ не выѣзжалъ, была въ теченіи этихъ 6 лѣтъ столицею великокняжескою, — столицею сѣверо-восточной Руси или «всея Россіи» того времени (Кіевъ отступилъ уже тогда на задній планъ исторіи). Это краткосрочное величіе Костромы прошло безъ всякаго слѣда и забыто. Послѣ этого Костромское Княжество принадлежало къ разнымъ удѣламъ; нѣсколько болѣе продолжительную самостоятельность выказало Галицкое княжество. Ранѣе и легче всѣхъ другихъ земель сѣверо-восточной Руси, Костромское и Галицкое Княжества вошли въ составъ Великаго Княжества Московскаго при Іоаннѣ Калитѣ, первомъ собирателѣ земли русской и основателѣ Московскаго Государства (1328—1341 гг.); Галичъ былъ имъ просто купленъ, какъ Угличъ и Бѣло-озеро. Пріобрѣтеніе всего пространства костромскихъ и галицкихъ волостей, — около

средняго теченія Волги,—было весьма важно для усиленія могущества Калиты, такъ какъ оно занимало срединное положеніе, лежало между Тверью и Нижнимъ Новгородомъ, княжествами верхней и нижней Волги, которыя упорно держались, въ то время, своей государственной самостоятельности и добивались даже господства; сверхъ того, это пространство открывало для Москвы свободный путь къ далекимъ сѣвернымъ краямъ *). Въ Костромѣ и Галичѣ хотя и оставались удѣльные князья, но безъ всякой политической самостоятельности, какъ подручные Великихъ Князей Московскихъ, подобно многимъ другимъ князьямъ.

Въ видѣ совершеннаго исключенія изо всей своей исторіи, костромская земля, цѣлое столѣтіе спустя, выступила, и то въ лицѣ Галицкихъ князей, а не Костромскихъ, и города второстепеннаго значенія, на первую сцену междоусобныхъ княжескихъ браней, посреди которыхъ сложилось Московское Государство,—выступила съ притязаніями на московскій престолъ. Мы говоримъ объ ожесточенной борьбѣ (1433—1450) В. К. Василія Темнаго съ своимъ дядей, княземъ Галицкимъ Юріемъ Дмитріевичемъ (сыномъ Дмитрія Донскаго получившаго отъ него въ удѣлъ Галичъ) и его сыномъ Дмитріемъ Шемякою, оставившаго по себѣ навсегда злую память въ преданіяхъ русскаго народа (Шемякинъ судъ). Эта эпоха, вмѣстѣ съ гораздо позднѣйшею, — поставленіе, на царство Михаила Ѳедоровича (въ Ипатьевскомъ монастырѣ подъ Костромою), — единственныя, въ которыхъ событія мѣстной костромской исторіи были всероссійскими. Упомянутая борьба Галицкихъ князей съ Василіемъ Темнымъ, завершившаяся сраженіемъ подъ Галичемъ, была тѣмъ болѣе знаменательна въ нашей исторіи, что она была послѣднимъ междоусобіемъ въ родѣ московскихъ князей (Іоанна Калиты) и послѣднею изъ удѣльныхъ распрей, въ уничто-

*) См. *Забѣлина*, Взгляды на Московское единодержавіе стр. 509.

женіи которыхъ заключалось торжество московскаго единодержавія. Галицкіе князья боролись за принципъ удѣльнаго періода, — право на великокняжескій престолъ старшаго въ родѣ, родовое начало, — противъ новаго московскаго начала наслѣдованія по прямой линіи (отъ отца къ старшему сыну). Историческая сила этого новаго начала и историческая смерть стараго всего явственнѣе выказались въ этой послѣдней борьбѣ: Галицкіе князья послѣ своихъ неоднократныхъ побѣдъ надъ московскими войсками, несмотря на свои союзы съ другими удѣльными князьями и землями, могли удержаться на московскомъ престолѣ только на мѣсяцы и даже только дни (Шемяка). В. К. Московскій Василій Темный одолѣлъ ихъ, не обладая никакими особенными личными дарованіями и даже послѣ своего ослѣпленія. За него и за новый государственный порядокъ стояла земля, всѣ лучшіе элементы русскаго общества того времени, имѣя во главѣ своей духовенство. Отъ удѣльныхъ междоусобій давно устала русская земля, въ особенности сѣверо-восточная, всего больше нуждавшаяся въ гражданскомъ мирѣ для своего промышленнаго труда (какъ мы говорили объ этомъ ранѣе).

Историческіе памятники (едва ли не единственные), сохранившіеся въ Костромской губ. послѣ всѣхъ бывшихъ въ ней опустошеній, — развалина дворца Дмитрія Шемяки въ Галичѣ и Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ, — въ двухъ главныхъ историческихъ ея пунктахъ, до сихъ поръ составляющихъ два главныхъ средоточія ея жизни, въ двухъ разнородныхъ ея полосахъ, свидѣтельствуютъ о двухъ единственныхъ историческихъ событіяхъ, принадлежащихъ къ ряду первенствующихъ событій нашей исторіи, совершившихся на костромской территоріи. Мы разумѣемъ «единственныхъ» лишь въ томъ смыслѣ, что на самой костромской территоріи произошли рѣшающія дѣйствія этихъ событій и что въ нихъ костромскому народонаселенію при-

шлось играть самую видную роль, но какъ оно, такъ и его земля (по крайней мѣрѣ наиболѣе населенная западная и юго-западная половина) *участвовали* во всѣхъ историческихъ движеніяхъ и удѣльнаго періода и московскаго. Интересно, что эти два событія, на сколько въ нихъ дѣйствовали костромскіе (въ томъ числѣ галицкіе) люди были совсѣмъ противуположнаго историческаго свойства (см. еще объ этомъ ниже): въ одномъ, давалась центробѣжными силами Руси послѣдняя битва противъ ея государственнаго единства, въ другомъ, это единство и могущество центростремительныхъ силъ нашего народа заявили себя самымъ торжественнымъ образомъ. Но тутъ только наружное противурѣчіе.

Споръ Галицкихъ князей, Юрія Дмитріевича и его сыновей, съ Московскимъ княземъ, въ серединѣ XV вѣка, былъ рѣзкимъ и единственнымъ исключеніемъ изъ общаго теченія всей многовѣковой исторіи костромской земли. Вмѣстѣ со всею ростово-суздальскою областью, она принимала близкое участіе во всѣхъ движеніяхъ и потрясеніяхъ какъ удѣльнаго, такъ и московскаго періодовъ нашей исторіи, но это участіе было болѣе пассивное, чѣмъ активное. Это отчасти согласно съ господствующимъ характеромъ костромскаго народонаселенія, менѣе энергичнаго и менѣе предпріимчиваго, сравнительно съ сосѣдними краями того-же племени и типа. Костромская земля составляла къ тому-же самую сѣверную окраину ростово-суздальской области, отдаленную отъ главнаго театра исторіи тѣхъ временъ. Удѣльныя междоусобія, предпріятія князей въ разныхъ областяхъ Руси, тотъ или другой характеръ ихъ дѣятельности нельзя объяснять исключительно ихъ личными свойствами: общее направленіе ихъ дѣйствій много, если и не исключительно, зависѣло отъ окружающей среды и природы. Мы уже говорили раньше о рѣзкомъ различіи характера дѣятельности князей того-же рода и крови въ южной Россіи, и сѣверо-восточной, въ Кіевѣ,

Суздалѣ и Владимірѣ. Окружающія условія природы и общества тѣмъ болѣе должны быть принимаемы въ соображеніе при объясненіи дѣйствій князей въ разныхъ княжествахъ и областяхъ, что принадлежа къ одному и тому-же роду они безпрерывно переходили съ одного стола на другой. Поэтому внѣшняя исторія Костромскаго и Галицкаго Княжествъ не маловажна для характеристики внутренней жизни и народонаселенія костромской земли. Упомянутая бурная эпоха галицкой исторіи едва-ли даже составляетъ исключеніе въ общемъ теченіи этой жизни, если принять въ соображеніе, что Галицкій князь Юрій Дмитріевичъ, получившій Галичъ въ удѣлъ отъ своего отца Дмитрія Донскаго, и отличавшійся вообще предпріимчивымъ духомъ (его походъ на Казань) и его буйные сыновья были здѣсь пришлецами и никоимъ образомъ не могли заимствовать свои наклонности отъ окружающаго общества. Къ тому-же, на сколько можно судить по историческимъ описаніямъ этой эпохи, само мѣстное народонаселеніе не принимало живаго участія въ подвигахъ своихъ князей и легко покорилось московской власти, какъ безпрекословно покорялось ей и раньше и позже.

Общій *пассивный* ходъ костромской исторіи объясняется, можетъ быть, прежде всего, характеромъ самаго народонаселенія, его покорнымъ и смиреннымъ духомъ, также какъ этотъ послѣдній объясняется отчасти общимъ характеромъ историческихъ событій здѣсь совершившихся. Упомянутый народный духъ былъ обусловленъ можетъ быть также тѣмъ, что хотя костромское народонаселеніе одного и того-же новгородскаго корня вмѣстѣ съ ростово-суздальскимъ, но оно не прямо сюда перешло изъ Новгорода, а уже значительно переродилось въ ростово-суздальской землѣ, откуда главнѣйше колонизировался костромской край. Общее направленіе политическихъ событій заключалось здѣсь въ ударахъ, наносившихся костромскому краю изъ другихъ земель,

а не въ ударахъ и враждебныхъ дѣйствіяхъ, исходившихъ изъ этого края за его предѣлы. Здѣсь вообще не шло той борьбы, какая была въ другихъ сосѣднихъ краяхъ, а только испытывались народомъ ея опустошенія. Оба историческихъ элемента,—самыя событія, слагающіяся изъ причинъ и внѣшнихъ и внутреннихъ, и народный характеръ, — находятся между собою во взаимодѣйствіи. Въ связи съ исключительными бурными катастрофами, разразившимися изъ Галича въ XV вѣкѣ, должно упомянуть о народномъ характерѣ всей тяготѣющей къ нему сѣверо-западной части Костромской губ.; онъ гораздо болѣе боекъ, чѣмъ въ другихъ ея частяхъ, и главнѣйше обусловленъ издавна господствующими здѣсь отхожими промыслами. Слабость активной борьбы въ костромской странѣ во время средневѣковаго броженія и противъ новыхъ государственныхъ началъ, зачинавшихся во Владимірѣ и потомъ въ Москвѣ, едва ли не слѣдуетъ объяснить всего болѣе отсутствіемъ здѣсь самыхъ дѣятельныхъ элементовъ нашей средневѣковой борьбы: вѣчъ и строптиваго боярства, которое то помогало князьямъ въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ, то сопротивлялось имъ. Объ этихъ двухъ историческихъ элементахъ ничего не слышно въ историческихъ извѣстіяхъ объ этой странѣ. Гораздо позже среднее помѣстное дворянство сильно размножилось въ Костромской губ., но оно мало имѣетъ общаго съ древнимъ боярствомъ.

Можно сказать, что центростремительный государственный духъ и патріотическая безмятежная преданность общему русскому отечеству и законной власти издавна отличали костромское народонаселеніе, неизмѣнно продолжались въ теченіи вѣковъ и запечатлѣлись во многихъ событіяхъ костромской исторіи. Не случайно, а вѣроятно вслѣдствіе особенной вѣрности костромскихъ гражданъ, Кострома служила неоднократно убѣжищемъ для московскихъ государей, посреди разныхъ опасностей, хотя было много другихъ болѣе

безопасныхъ и скрытыхъ мѣстъ. Такъ, удалился въ Кострому съ своимъ семействомъ и дворомъ В. К. Дмитрій Донской въ 1383 г. во время похода Тохтамыша на Москву; точно также удалился сюда В. К. Василій Дмитріевичъ, въ 1409 г., во время похода Эдигея на Москву; и наконецъ Кострома прославилась, доставивъ убѣжище родоначальнику нынѣ царствующаго дома. И въ новѣйшее время, тотъ-же духъ преданности престолу и самоотверженія на пользу отечества воодушевляли всегда всѣ слои костромскаго народонаселенія; какъ съ самаго начала государственной жизни въ сѣверо-восточной Россіи, такъ и до самыхъ новѣйшихъ дней, костромичи не колеблясь противустояли всѣмъ врагамъ Россіи, участвовали во всѣхъ патріотическихъ движеніяхъ къ ихъ отраженію и воспринимали на себя всѣ ихъ удары. Какъ костромскія полчища бились во всѣхъ бояхъ Руси противъ Татаръ (въ Куликовской битвѣ) и потомъ Казани, противъ Поляковъ и Самозванцевъ въ смутную эпоху начала XVII стол., въ возстаніи и походѣ Минина и Пожарскаго къ освобожденію Москвы, съ такимъ-же усердіемъ ставили они ополченія въ новѣйшія войны императорскаго періода (въ 1812 г. и въ первую восточную войну при Императорѣ Николаѣ I, въ 1855 г.). Во время хаотическаго состоянія русскаго общества, въ смутную эпоху начала XVII стол., Кострома только на одно мгновеніе была вовлечена обманомъ въ руки Тушинскаго вора (втораго Самозванца), но за то вслѣдъ за тѣмъ, въ 1612 г., она энергически воспротивилась повелѣнію московской боярской думы признать власть королевича Владислава и выслала въ Москву свое ополченіе противъ Поляковъ. Какъ только въ 1774 г. распространился слухъ о возстаніи Пугачева, такъ все населеніе Костромскаго уѣзда, куда можно было ожидать его набѣга по Волгѣ, вооружилось по собственному почину и образовало настоящее войско для отпора ему.

Однородныхъ чертъ въ этомъ направленіи много въ костромской исторіи.

Въ силу того-же характера миролюбія и государственной благонадежности народонаселенія Костромской губ., сохранившагося до нашихъ дней, въ ея отдаленные и глухіе города были ссылаемы новѣйшіе наши бунтари и злоумышленники противъ государственнаго порядка. Ничего не было слышно о какихъ-либо подобныхъ злоумышленіяхъ и агитаціяхъ въ средѣ самого костромскаго народонаселенія. Посреди тишины и спокойствія, господствующихъ повсемѣстно въ этомъ краѣ, не смотря на бойкія приволжскія мѣстности, не было ни въ массѣ народонаселенія, ни въ высшихъ сословіяхъ ни малѣйшихъ противуправительственныхъ движеній или порывовъ.

Упомянемъ здѣсь кстати, мимоходомъ, что вслѣдствіе случайностей исторіи, какъ и всякой дѣйствительной жизни, съ Костромскою губерніей, вопреки ея основному историческому характеру, связаны, кромѣ Дмитрія Шемяки, еще два историческихъ имени, оставившихъ за собою память о самыхъ смутныхъ событіяхъ и потрясеніяхъ нашей исторіи.

Чернецъ Чудовскаго московскаго монастыря Гришка (въ міру Юрій) Отрепьевъ, прославленный или лучше обезславленный (впрочемъ по заблужденію времени) *), подъ именемъ Дмитрія Самозванца, былъ боярскій сынъ Костромской губ. и уроженецъ Галича.

Первый извѣстный предокъ Бориса Годунова татарскій мурза Четъ водворился въ 1330 г. въ Костромѣ, подлѣ которой на правомъ берегу р. Костромы, построилъ обитель во имя живоначальной Троицы съ придѣлами Св. Ипатію и Апостолу Филипу. Исторической судьбѣ угодно

*) Новѣйшими историческими извѣстіями кажется окончательно доказано, что подъ именемъ царевича Дмитрія (Самозванца) было подослано Польшей совсѣмъ другое лицо.

было, чтобы именно въ этой Ипатьевской обители, объ устроеніи и украшеніи которой усердно заботились родъ Годуновыхъ и самъ Борисъ Годуновъ (а съ него началась смута въ Россіи), послужилъ убѣжищемъ для перваго государя дома Романовыхъ, поставленіемъ котораго здѣсь на царство закончилось смутное время.

Вслѣдствіе всего описаннаго выше хода исторической жизни этой губерніи и ея особеннаго срединнаго мѣстоположенія, она едва-ли не сильнѣе всѣхъ другихъ краевъ Московской области подвергалась, въ теченіи многихъ вѣковъ, всякимъ вражескимъ и разбойничьимъ опустошеніямъ (за исключеніемъ нашествія Наполеона въ 1812 г.). Послѣ новгородскихъ, болгарскихъ и всякихъ другихъ хищническихъ набѣговъ (преимущественно на волжскіе берега), она много пострадала отъ войнъ удѣльнаго періода, въ особенности же отъ раззореній татарскихъ полчищъ (считаютъ 15 татарскихъ нашествій), казанскихъ татаръ, легко проникавшихъ по многочисленнымъ протокамъ Волги въ глубь страны, и наконецъ поляковъ и литовцевъ и всякаго разбойничьяго сброда, сопутствовавшаго имъ и самозванцамъ въ смутную эпоху XVII столѣтія. Всѣ эти погромы, продолжавшіеся въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, парализировали развитіе народнаго хозяйства и просвѣщенія; благоустройство городовъ, неоднократно разрушенныхъ, могло начаться только съ конца XVII столѣтія. Не уцѣлѣло памятниковъ и сооруженій старины, кромѣ нѣкоторыхъ ихъ развалинъ и болѣе или менѣе вѣроятныхъ слѣдовъ (подобно дворцу Шемяки въ Галичѣ и дому Михаила Ѳедоровича въ с. Домнинѣ).

Всѣ историческіе факты, относящіеся къ Костромской губ. (интересующіе только спеціалистовъ, за исключеніемъ развѣ крамолы Дмитрія Шемяки, принадлежащей скорѣе къ московской, чѣмъ къ мѣстной исторіи), совершенно подавлены великимъ событіемъ принятія всероссійскаго престола Михаиломъ Ѳедоровичемъ, 14 Марта 1613 г.,

въ Ипатьевскомъ монастырѣ, куда къ нему явилась депутація изъ Москвы отъ всенароднаго собора, избравшаго его на царство. Съ этимъ событіемъ, составившимъ переломъ въ исторіи русскаго государства и его возродившимъ, соединены неразрывно и на вѣки Кострома и Костромская губ. въ понятіяхъ всякаго русскаго, даже совсѣмъ не образованнаго. Воспоминаніе объ немъ живо до сихъ поръ въ сознаніи каждаго костромича и оно какъ будто всюду носится въ костромскомъ воздухѣ. Соединеніе этого событія съ именемъ Костромы и Костромской земли не случайно. Въ Костромской губ. были вотчины Романовыхъ и ихъ было кажется нѣсколько. Въ эпоху всеобщей смуты и войны, отрокъ Михаилъ Ѳедоровичъ съ своею матерью нашли вѣрное убѣжище въ одной изъ этихъ вотчинъ (с. Домнинѣ въ южной части Буйскаго уѣзда, близъ притока Костромы Шачи) и потомъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ посреди, безмятежнаго и преданнаго престолу костромскаго народонаселенія. Слишкомъ извѣстный подвигъ Ивана Сусаннина, крестьянина д. Деревнищъ (нынѣ Деревенки), сосѣдней съ Домнинымъ (близъ с. Молвитина на р. Мечѣ, въ Буйскомъ уѣздѣ) оправдалъ надежду на безопасность этого убѣжища. Послѣ избранія Михаила Ѳедоровича, польскія шайки (по мнѣнію С. М. Соловьева *), воровскія казачьи, дѣйствовавшія подъ рукою поляковъ) розыскивали его, для его убѣенія; Сусанинъ, взятый ими въ проводники, завелъ ихъ въ противуположную отъ Домнина сторону, въ непроходимое до нынѣ Исуповское болото, около границъ Галицкаго уѣзда, и былъ ими за это убитъ **). Этотъ геройскій подвигъ олицетворяетъ

*) Костомаровымъ было выражено мнѣніе, что этотъ подвигъ не историческій фактъ, а мѣстная легенда, вслѣдствіе которой состоялись будто бы царскія грамоты, одарившія потомство Сусанина; это мнѣніе было опровергнуто, между прочимъ С. М. Соловьевымъ. До сихъ поръ, на мѣстѣ живы народныя преданія о Сусанинѣ и его подвигѣ.

**) Исторія Россіи, Т. IX, стр. 7.

собою, вмѣстѣ съ общимъ русскимъ народнымъ духомъ, въ частности историческій характеръ костромскаго народонаселенія. Геніяльное произведеніе Глинки, положившее начало самостоятельной и строгой русской музыкальной школы, обезсмертило на всегда самоотверженіе Сусанина; опера «жизнь за Царя» безпрерывно, въ самыхъ очаровательныхъ формахъ, рисуетъ передъ публикой, не только русской, но теперь и всесвѣтной, картину костромской сельской жизни.

Грамотами Михаила Ѳедоровича въ 1619 г. внуки Сусаннина (сыновья единственной его дочери Антониды Сабининой) со всѣмъ ихъ нисходящимъ потомствомъ подъ наименованіемъ «бѣлопашцевъ» *) (сосѣди зовутъ ихъ бѣлянами) были пожалованы землею (половиною д. Деревнищъ) въ ихъ собственность и освобождены отъ всякихъ государственныхъ податей и повинностей, съ тѣмъ, чтобы къ нимъ и къ ихъ селенію не прикасались ни какія власти: «ни воеводамъ ни сыщикамъ не въѣзжать, и ни кому ни для какихъ дѣлъ не посылать своихъ посланныхъ». Въ 1633 г. с. Домнино и Деревнищи были отданы московскому Новоспасскому монастырю на поминовеніе души Царицы Марфы (матери Михаила Ѳедоровича), а потомки Сусаннина были переселены въ Костромской уѣздъ, въ пожалованную имъ пустошь *Коробово*, гдѣ они живутъ до сихъ поръ въ деревнѣ этого наименованія, размножившись до 200 душъ. Всѣ упомянутыя привиллегіи потомковъ Сусанина были впослѣдствіи подтверждены Императорами Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами, Екатериною II и наконецъ Николаемъ I (въ 1837 г.), который пожаловалъ имъ еще казенной земли, вслѣдствіе ихъ постоянныхъ жалобъ на свою нищету **). Селеніе по-

*) Т. е., обѣлены отъ податей.

**) См. подробныя историческія свѣдѣнія о потомкахъ Сусаннина въ статьѣ *В. И. Вешнякова* «Бѣлопашцы и обѣльные вотчинники и крестьяне» (Журн. Мин. Госуд. Имуществъ, 1859 г. № 5). Къ сожалѣнію, намъ не удалось посѣтить с. Коробово, въ которомъ могутъ быть сдѣланы весьма любопытныя наблюденія; но мы имѣемъ вѣрныя объ немъ свѣдѣнія отъ лицъ его знающихъ.

томковъ Сусаннина, какъ бы совсѣмъ выдѣленное изъ государства, пользуется безусловною автономіей, не только административною, но почти государственною; единственное исключеніе сдѣлано въ новѣйшее время въ пользу воинской повинности, которая на него распространена. Никакихъ властей это селеніе не знаетъ, кромѣ костромскаго Губернатора, личному наблюденію котораго оно поручено. Въ высшей степени интересно и поучительно, что совсѣмъ привилигированное государственное положеніе этого поселенія и щедрыя милости Государей, внушенныя весьма естественнымъ чувствомъ, не послужили ему къ пользѣ: посреди всего окружающаго народонаселенія Коробово отличается особенною нищетою, лѣностью и нравственною испорченностью своихъ жителей и совершенною неурядицею въ ихъ бытѣ. И это не случайно, а какъ нельзя болѣе натурально.

Въ основаніе описанія Костромской губерніи, къ которому мы теперь переходимъ, нужно положить раздѣленіе ея на нѣсколько разнородныхъ естественныхъ полосъ, не вполнѣ совпадающихъ съ границами ея 12-ти уѣздовъ (Костромской, Нерехотскій, Кинешемскій, Юрьевецкій, на юго-западѣ; Солигаличскій, Чухломскій, Буйскій, Галичскій, на с.-западѣ, и Кологривскій, Макарьевскій, Варнавинскій и Ветлужскій, на востокѣ), на которые нынѣ она дѣлится въ административномъ отношеніи. Эти полосы нужно всегда имѣть въ виду при всякомъ взглядѣ на эту губернію. Разнородность ея частей, уже явствовавшая изъ историческаго ея сложенія, была причиною тому, что эти полосы долго принадлежали къ разнымъ административнымъ единицамъ государства. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ, на нынѣшней территоріи губерніи были двѣ области (или чети?) Галицкая (преимущественно сѣверная часть) и Костромская (южная и приволжская). При раздѣленіи Россіи въ 1708 г., на 9 громадныхъ губерній, разныя части Костромской губ. были отнесены къ губерніямъ:

Московской, Архангелогородской (большая часть) и Казанской. При вторичномъ раздѣленіи на одинадцать губерній въ 1719, сохранилось тоже дѣленіе (за исключеніемъ Кинешмы, приписанной къ С.-Петербургской губерніи въ составѣ ея Ярославской провинціи); части вошедшія въ Московскую губ. названы Костромскою провинціей, а вошедшія въ Архангелогородскую — Галицкою. Во всѣхъ этихъ дѣленіяхъ отражается древненіе разграниченіе Галицкихъ и Костромскихъ волостей. Въ 1778 г., образовано безусловно въ нынѣшнихъ предѣлахъ Костромской губерніи, Костромское намѣстничество, переименованное впослѣдствіи (въ 1797 г.) въ губернію.

Не пускаясь въ дробныя дѣленія, какихъ можно сдѣлать множество и какія излишни для общаго обозрѣнія Костромской губ., ее должно раздѣлить на три полосы: *) юго-западную, сѣверо-западную и восточную. Эти три полосы рѣзко между собою различны, по совокупности признаковъ: главнѣйше народно-хозяйственныхъ, также историческихъ и отчасти физико-географическихъ. *Первая*, юго-западная, полоса занимаетъ все пространство губерніи по правую сторону Волги, распространяясь на нѣкоторомъ, но недалекомъ разстояніи отъ нея, и на лѣвомъ берегу. Сюда входятъ весь Нерехотскій уѣздъ, южныя половины Костромскаго и Кинешемскаго и Юрьевецкій. Эта полоса, примыкающая къ Владимірской губ. и къ Ярославской совершенно сливается съ ними характеромъ и занятіями жителей; въ ней господствуютъ, даже въ сельскомъ народонаселеніи, *фабричная промышленность* и разные кустарные деревенскіе промыслы. Нѣкоторыя здѣсь мѣстности (Вичугскій край въ Кинешемскомъ уѣздѣ и Нерехотскій), съ которыми мы ближе ознакомимся впослѣдствіи, принадлежатъ къ *самымъ фабрично-промышленнымъ* въ Россіи. Народная жизнь и занятія

*) Ср. Очеркъ *В. Г. Пирогова.* (Прилож. II).

на самыхъ берегахъ Волги подобны тому, что уже было сказано нами объ этихъ берегахъ на всемъ ея среднемъ теченіи. *Ко второй*, сѣверо-западной, полосѣ принадлежатъ преимущественно Буйскій, Галичскій, Солигаличскій и Чухломскій уѣзды; ея самую характеристическую черту составляютъ *отхожіе промыслы*, издавна здѣсь существующая. Въ этой полосѣ, въ эпоху крѣпостнаго права, было особенно много помѣщичьихъ имѣній, съ тяжкими барщинами и высокими оброками, для взиманія которыхъ помѣщики содѣйствовали развитію отхожихъ промысловъ; они, съ одной стороны, облегчали для крестьянъ уплату высокихъ оброковъ, а съ другой, служили имъ средствомъ избѣгать барщинскія работы. Эта полоса, вслѣдствіе дальнихъ отхожихъ промысловъ, имѣетъ, въ отличіе отъ первой, мало сродства съ сосѣдними губерніями и тяготѣетъ къ другимъ краямъ Россіи, главнѣйше къ столицамъ, и въ особенности къ Петербургу. Между этими двумя полосами должно отличить не обширную промежуточную мѣстность, въ сѣверной части Костромскаго уѣзда, и, средней и сѣверной Буйскаго, занимающуюся главнѣйше хлѣбопашествомъ. Наконецъ, *третья*, восточная полоса, *лѣсная*, занимаетъ бо́льшую половину губерніи,—уѣзды Макарьевскій, Кологривскій, Ветлужскій и Варнавинскій. Здѣсь народонаселеніе занимается преимущественно, а во многихъ мѣстностяхъ исключительно, *лѣсными* промыслами, и отчасти земледѣліемъ. Само собою разумѣется, что между всѣми этими полосами не можетъ быть въ точности опредѣленныхъ границъ и что онѣ различаются только по характеристическимъ чертамъ, господствующимъ въ *большей части* земель, въ нихъ входящихъ. Въ каждой полосѣ, найдутся особыя мѣстности, отличныя отъ общаго ея характера. Такимъ образомъ, есть во всѣхъ полосахъ мѣстности, въ которыхъ народонаселеніе занимается преимущественно хлѣбопашествомъ; напр., кромѣ вышеобозначенныхъ, въ уѣздѣ Кологривскомъ, по р. Межѣ, и въ Ветлужскомъ, около границъ

хлѣбороднаго Яранскаго уѣзда Вятской губ. Есть особыя *льноводныя* мѣстности преимущественно въ уѣздахъ Костромскомъ, Нерехотскомъ, Кинешемскомъ, Юрьевецкомъ и Макарьевскомъ. Много другихъ характеристическихъ чертъ, кромѣ выше указанныхъ, отличаютъ части губерніи, въ большей или меньшей степени входящія въ эти три ея полосы: первая, какъ мы уже видѣли, исторически старѣйшая и наиболѣе густо населенная; за нею слѣдуетъ въ этомъ отношеніи вторая, и наконецъ — самая юная и наименѣе населенная третья, до сихъ поръ заселяющаяся. Въ Костромской губерніи много рѣзкаго разнообразія и даже контрастовъ природы и народнаго быта (по крайней мѣрѣ въ нынѣшнемъ ихъ видѣ); напр. фабричный Вичугскій районъ, составляющій продолженіе Иваново-Шуйскаго (во Владимірской губ.) и преисполненный крайняго индустріализма или оживленныя пристани на Волгѣ и дѣвственные непроходимые лѣса *) и пустыни въ Приветлужьѣ. Однако-же эта губернія составляетъ одно цѣлое, несовсѣмъ искусственно соединенное въ одну административную единицу: она была въ самомъ началѣ своей исторической жизни нераздѣльною костромскою землею, какъ особая колонія ростово-суздальской области, и теперь она составляетъ своеобразное переходное пространство между центральною фабричною и сѣверною лѣсною областями Россіи,—уже давно сжившееся вмѣстѣ. Какъ она ни обширна и разнообразна, ее было бы почти невозможно раздѣлить, за исключеніемъ развѣ южной части, на правомъ берегу Волги, которая гораздо болѣе родственна Владимірской губ., чѣмъ всѣмъ остальнымъ частямъ Костромской.

Теперь мы сдѣлаемъ бѣглый очеркъ физико-географическихъ и соціяльныхъ (въ томъ числѣ главнѣйше экономическихъ) условій жизни этой губерніи.

---

*) Лѣса эти однако сильно истреблены и разрѣжены въ послѣднее время.

Костромская губернія, занимая 74.423 кв. версты (84.694 кв. километра), принадлежитъ къ крупнымъ губерніямъ. Изъ 50 губерній Европейской Россіи, только двѣнадцать обширнѣе Костромской; но изъ этихъ 12 крупнѣйшихъ нашихъ губерній иныя (каковы Архангельская, Астраханская, Вологодская, Оренбургская, Пермская) заключаютъ въ себѣ громадныя пространства совсѣмъ не населенныя. Костромская губ. самая обширная между губерніями, плотно населенными (отъ 50 до 10 душъ на кв. версту), за исключеніемъ только Новгородской губ. Между губерніями московской промышленной области, Костромская губернія далеко превосходитъ пространствомъ всѣ прочія; иныя—почти вдвое (Владимірскую, Рязанскую, Ярославскую, Смоленскую), другія (Калужскую, Московскую, Тульскую)—даже почти втрое. Можно сказать, что не только въ московской области, но во всей своей категоріи губерній,—центральныхъ и промышленныхъ, — Костромская губернія самая обширная. Въ этомъ просторѣ одна изъ немаловажныхъ ея особенностей, обусловливающихъ собою какъ дальнѣйшее ея экономическое развитіе, такъ и управленіе. Пространство Костромской губ. почти втрое больше Бельгіи, въ два съ половиною больше Нидерландовъ и не много менѣе Португаліи.

Пространство каждаго ея уѣзда весьма неодинаково; самые обширные уѣзды—Кологривскій, Ветлужскій, Макарьевскій и Варнавинскій,—далеко, въ нѣсколько разъ, превосходятъ всѣ прочіе. Вслѣдствіе этихъ-то уѣздовъ, составляющихъ наиболѣе юную, восточную лѣсную часть Костромской губ., характеръ которой нами былъ описанъ, и происходитъ необыкновенная обширность этой губерніи.

Вся поверхность Костромской губ. представляетъ собою равнину, типически выражая собою нашу сѣверо-восточную равнину Европы. То что народъ называетъ здѣсь горами ничто иное какъ незначительные холмы, тянущіеся, по обы-

чаю нашихъ рѣкъ, на правыхъ берегахъ Волги, Унжи и Ветлуги и также около Галицкаго озера. Эти послѣднія, такъ называемыя Галицкія высоты (Свиныя горы), обращаютъ на себя вниманіе своею крутостью въ иныхъ мѣстахъ, придающею имъ живописность. Эти высоты отроги возвышенностей, идущихъ отъ Алаунскаго подъема на востокъ къ Уралу, подъ названіемъ сѣверныхъ увалов, около границъ Костромской губ. по Вологодской и составляющихъ водораздѣлъ между бассейнами С. Двины и Волги. Такимъ образомъ Костромская губ., и въ орографическомъ отношеніи составляетъ сѣверную окраину нашей центральной равнины.

Въ геологическомъ отношеніи *), Костромская губернія принадлежитъ почти вся къ *Пермской* (или лучше тріасовой) формаціи, вмѣстѣ съ Ярославскою и Нижегородскою (также Вологодскою, Вятскою и Пермскою), въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ губерній московской области, лежащихъ на каменноугольной формаціи. Юрская формація входитъ клиномъ съ сѣверо-востока, начинаясь отъ Ледовитаго океана и доходя до Волги (въ Кинешемскомъ и Юрьевецкомъ уѣздахъ); она преимущественно тянется безпрерывною узкою полосою по теченію Унжи, встрѣчаясь въ видѣ исключенія и въ другихъ мѣстахъ. Какъ главныя породы пермской формаціи являются красныя *глины*, послужившія во многихъ мѣстностяхъ къ развитію горшечнаго производства, остающагося впрочемъ въ первобытномъ видѣ. Къ той же формаціи принадлежатъ многочисленные соляные источники, которыми прежде славились многія мѣста въ Костромской губ. (между прочимъ, какъ видно изъ самыхъ названій, Посадъ Большія Соли на р. Солоницѣ, притокѣ Волги въ Костромскомъ уѣздѣ, другія мѣста по теченію этой рѣки и г. Солигаличъ);

*) См. *Пикторскаго*, Геологическія экскурсіи по губ. Ярославской и Костромской (Труды Яросл. Стат. Ком., вып. VI).

но по неизвѣстнымъ причинамъ разработка ихъ прекратилась еще въ началѣ XVIII столѣтія. Въ новѣйшее время въ разныхъ мѣстахъ той-же формаціи открыты минеральные цѣлебные источники, но изъ нихъ только одинъ (соляной и слабый желѣзный) въ Солигаличѣ послужилъ къ устройству лѣчебнаго заведенія въ 1858 г. Черезъ 8 лѣтъ заведеніе это было закрыто, вслѣдствіе весьма ограниченнаго пріѣзда иногородныхъ въ такое отдаленное мѣсто, при крайне плохихъ дорогахъ Костромской губ. Къ пермской же фаунѣ принадлежитъ отличный извѣстнякъ, отправляемый въ значительномъ количествѣ изъ Солигалича, по Костромѣ и Волгѣ, въ разные города; извѣстковый промыселъ издавна даетъ заработки значительному числу Солигаличскаго крестьянскаго народонаселенія *). Юрскія породы изобилуютъ, въ Макарьевскомъ и Кинешемскомъ у., сѣрнымъ колчеданомъ, давшимъ поводъ къ устройству вблизи химическихъ заводовъ.

Почва Костромской губ. вообще не плодородна; въ ней господствуетъ суглинокъ съ разными оттѣнками глинистой, песчаной и болотной земли. Эта почва благопріятна только для хвойнаго лѣса.

Согласно географическому положенію Костромской губ. (сѣверному и восточному) и общимъ климатологическимъ условіямъ восточной Европы, климатъ этой губерніи вообще значительно суровѣе (средняя годовая температура Костромы $+2^1/_2{}^0$), чѣмъ всей остальной части московской области, и даже суровѣе, чѣмъ ближайшихъ къ ней Ярославской и Владимірской губерній. Различіе разумѣется заключается главнѣйше въ средней годовой и зимней температурѣ, нежели въ лѣтней, которая почти одинакова во всей московской области. Въ климатическомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, Костромская губ. составляетъ переходъ

*) См. *В. Митинскаго*, Извѣстковый промыселъ въ Солигаличскомъ уѣздѣ. Матерьялы для статистики Костром. г., Вып. VI, 1884).

отъ центральной къ сѣверной Россіи. Но этимъ характеромъ отличаются преимущественно сѣверная часть губерніи и также восточная, которая преимущественно вслѣдствіе своихъ лѣсовъ гораздо холоднѣе остальныхъ частей, въ особенности юго-западной (на правомъ берегу Волги), совсѣмъ сходной съ Ярославскою и Владимірскою губерніями. Эти климатическія условія, гораздо менѣе благопріятныя, въ большей части губерніи, чѣмъ въ другихъ краяхъ московской области, вліяютъ на растительность почвы и на все развитіе хозяйства.

Вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій почвы и климата флора Костромской губ. весьма не богата; ей свойственны только самыя грубыя растенія, какъ домашнія, такъ и дикія. Даже хлѣбопашественныя произведенія, обычныя во всей нашей центральной области,—рожь, овесъ, ячмень, ленъ,—возращаются здѣсь съ малымъ успѣхомъ, зависящимъ впрочемъ также отъ плохаго состоянія земледѣлія. Плодовыя деревья требуютъ здѣсь особенно тщательнаго ухода и сбереженія на зиму. Господствующія лѣсныя породы главнѣйше хвойныя: ель (въ особенности) и сосна, и также отчасти береза и осина. Всѣ другія болѣе нѣжныя породы попадаются только изрѣдко и спорадически.

Главное естественное богатство края составляютъ лѣса. Хотя они значительно истребляются (см. ниже) въ новѣйшее время, но ничего, подобнаго, даже приближающагося къ обилію лѣсныхъ запасовъ Костромской губ., нѣтъ во всѣхъ прочихъ краяхъ московской области (даже въ Нижегородской губ.). Вслѣдствіе промышленнаго развитія этой губерніи и близости ея лѣсовъ отъ притоковъ Волги, они составляютъ важное ея преимущество въ промышленномъ отношеніи передъ всѣми другими краями Россіи и передъ другими губерніями московской области. Кромѣ трехъ самыхъ лѣсныхъ губерній Европейской Россіи, — Олонецкой, Архангельской, Вологодской, — составляющихъ нашу сѣверную лѣсную область, Костромская губернія вмѣстѣ съ Вятскою имѣетъ наибольшее

количество лѣсовъ сравнительно со своимъ общимъ пространствомъ; въ Костромской губ. они исчисляются приблизительно въ 67% всего пространства (въ Вятской 68%). *) Эта цифра вѣроятно далеко отстоитъ отъ дѣйствительности. Послѣ всѣхъ бывшихъ лѣсоистребленій,—къ тому же самыхъ безпорядочныхъ (см. ниже)—продолжающихся доселѣ, нѣтъ точныхъ опредѣленій занимаемыхъ лѣсами площадей. Кромѣ опустошенныхъ мѣстъ, есть мѣста вновь заросшія. Какъ уже было упомянуто, густота лѣса и количество его относительно пространства непрерывно возростаютъ отъ запада къ востоку, въ трехъ районахъ, болѣе и болѣе лѣсныхъ: 1) приблизительно въ западныхъ частяхъ Кологривскаго и Макарьевскаго уѣздовъ, до р. Унжи,—унженскій край; 2) въ восточной части двухъ названныхъ уѣздовъ и западныхъ Варнавинскаго и Ветлужскаго, до р. Ветлуги, и 3) въ восточной полосѣ этихъ двухъ уѣздовъ,—Заветлужьѣ. Этотъ послѣдній край самый лѣсной и всего менѣе изслѣдованный; въ немъ могутъ найтись мѣстности, совсѣмъ непосѣщенныя людьми. Такова вообще сѣверная, самая лѣсистая часть Заветлужья, покрытая дремучимъ боромъ, наименѣе тронутымъ вслѣдствіе своей отдаленности отъ Волги и рынковъ.

Фауна обыкновенная, свойственная сѣверной Россіи. Количество звѣрей (бѣлка, заяцъ, медвѣдь, лисица, волкъ, и на восточной окраинѣ, лось и олень) и птицъ (тетеревъ, рябчикъ, куропатка, утка, куликъ, бекасъ), еще значительно, хотя оно стало уменьшаться съ истребленіемъ лѣсовъ. Замѣчаютъ, что количество рыбы, которою были богаты многочисленныя воды Костромской губ., уменьшилось вслѣдствіе развитія пароходства.

Лѣса Костромской губ. поддерживаютъ обиліе ея водъ, которыя составляютъ другое важное ея естественное богат-

*) См. *Вильсона*, Объясненіе къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи (М-ва Гос. Имущ.). Спб. 1869, стр. 479.

ство, въ особенности нынѣ съ развитіемъ пароходства. Вся она лежитъ въ рѣчной системѣ Волги и ея притоковъ (наиболѣе многочисленныхъ и значительныхъ съ сѣвера). Количество всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ, протекающихъ по губерніи, насчитывается до 300. Но сверхъ значительности этого количества водъ, сѣть которыхъ покрываетъ всю губернію, это водное ея богатство усиливается еще тѣмъ, что черезъ нее протекаютъ, пересѣкая все ея пространство отъ сѣвера къ югу, два изъ важнѣйшихъ, почти первоклассныхъ притока Волги,— Унжа (около 500 верстъ теченія) и Ветлуга (около 700). Къ значенію ихъ для Костромской губ. близко подходитъ р. Кострома (около 300 в.), омывающая всю западную ея часть, отъ сѣвера къ югу. Изъ всей массы костромскихъ рѣкъ шесть вполнѣ судоходны, — Волга, Кострома и притокъ ея Векса, Унжа и ея притокъ Нея, и Ветлуга. Такое обиліе рѣчныхъ сообщеній имѣютъ немногіе наши края. Изъ остальныхъ рѣкъ многія другія имѣютъ только сплавное судоходство. Съ развитіемъ гидротехническихъ работъ, которыя у насъ пока въ забвеніи, многія рѣки, кромѣ названныхъ, могутъ сдѣлаться также вполнѣ судоходными. Нѣсколько значительныхъ волжскихъ притоковъ пересѣкаютъ паралельными линіями все пространство Костромской губ. и связываютъ ее и черезъ нее крайній сѣверъ Россіи со всѣми ея центрами; ихъ притоки наполняютъ всю губернію густою рѣчною сѣтью. Изъ другихъ водъ должны быть упомянуты Галицкое озеро (67,9 квадр. верстъ; 20 в. длины, 7 в. ширины), служащее вслѣдствіе изобилія своихъ рыбъ источникомъ важнѣйшаго рыбнаго промысла въ губерніи, и менѣе значительное Чухломское озеро, при г. Чухломѣ (42 кв. в., 9 в. длины и 6 в. ширины). Въ разныхъ мѣстахъ губерніи много болотъ, препятствующихъ сообщеніямъ и земледѣлію.

Отъ физико-географическихъ элементовъ народной жизни переходимъ къ общественнымъ, на первомъ мѣстѣ которыхъ стоитъ *народоселеніе*, служащее среднимъ звѣномъ между тѣми и другими элементами.

Наличное количество народонаселенія *) Костромской губ. исчисляется приблизительно въ 1.290.400 об. п. душъ (595.950 муж. п. и 694.450 женск.) **).

Въ этихъ цифрахъ обращаетъ на себя вниманіе необычайный перевѣсъ женскаго пола надъ мужскимъ; первый относится ко второму какъ 116 къ 100. Этотъ фактъ замѣчается въ этой губерніи уже давно; подобный перевѣсъ женщинъ встрѣчается въ Россіи только въ Ярославской губ. Онъ объясняется отхожими промыслами, которые играютъ такую значительную роль въ обѣихъ этихъ губерніяхъ и которыми занимаются почти исключительно мужчины, — однако объясняется *невполнѣ*, ибо перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами, хотя и всего значительнѣе въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуютъ отхожіе промыслы, но все таки онъ встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ, совсѣмъ чуждыхъ этимъ занятіямъ. Дальнѣйшія статистическія изслѣдованія надъ относительною рождаемостью обоихъ половъ должны выяснить этотъ фактъ, несовсѣмъ благопріятный для народной нравственности ***).

---

*) Для сообщаемыхъ нами свѣдѣній о народонаселеніи Костромской губ., мы пользовались слѣдующими источниками: Статистическія Таблицы Россійской Имперіи Центральнаго Статист. Комитета, 1858; *Штукенберга*, описаніе Костромской губ., 1858; *Крживоблоцкаго*, Костромская губ. (матерьялы собранные офицерами Генеральнаго Штаба), Спб. 1861; Матерьялы для статистики Костромской губ. (изд. Костромск. Губ. Стат. Комитета), Вып. I, 1870, Вып. II, 1872, Вып. VI, 1884, Вып. VII, 1887; Статистическій Временникъ (Изд. Центр. Стат. Комит.), 1871 г., «статистическое обозрѣніе Костромской губ. на основаніи переписи 1867 г.; Статистическій Временникъ, Серія III, Вып. 8, 1886; Обзоръ Костромской» губ., приложенный ко всеподданнѣйшему отчету Костромскаго губернатора за 1885 г.; *Воронецкаго*, Географическій очеркъ Костромской губ. (Труды Коммиссіи по кустарной промышленности, Вып. IX, 1883); Списки населенныхъ мѣстностей Костромской губ. (общія свѣдѣнія), 1877.

**) За 1883 г., въ послѣднемъ Статист. Времен. 1886 г., по вычисленіямъ Костр. Губ. Ст. Комитета.

***) Въ то время какъ мы писали эти строки, мы получили вычисленія Костромскаго Губ. Стат. Ком. относительно наличнаго народонаселенія Костромской губ. за 1885 г. Оно опредѣляется въ 1.315.484 д. (609.053 муж. п. и 706.431 женск. п.). Чрезвычайное превосходство женскаго пола продолжается.

Гораздо важнѣе абсолютной цифры народонаселенія ея отношенія къ пространству.

По средней цифрѣ (17 жителей на 1 кв. версту) населенности Костромской губ., она гораздо менѣе населена всѣхъ остальныхъ губерній московской области; къ ней нѣсколько приближается только Смоленская губ. (24 жит. на 1 кв. в.) *). Но средняя цифра пропорціи всего народонаселенія этой губерніи ко всему ея пространству не имѣетъ здѣсь никакого значенія, ибо населенность разныхъ краевъ Костромской губ. весьма различна и заключаетъ въ себѣ даже контрасты. Въ то время какъ мѣстности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (главнѣйше Нерехотскомъ и Юрьевецкомъ) принадлежатъ къ плотно населеннымъ, а иныя даже почти къ самымъ населеннымъ краямъ Россіи, восточная окраина (въ уѣздахъ Кологривскомъ, Варнавинскомъ и Ветлужскомъ) должна быть отнесена къ наименѣе населеннымъ краямъ Европейской Россіи (отъ одного до десяти жителей на одну кв. в.), какіе находятся только на ея крайнемъ сѣверѣ (въ Архангельской, Вологодской и отчасти Олонецкой губ.) и на крайнемъ юго-востокѣ (въ губ. Астраханской и Войскѣ Донскомъ).

Какъ уже было раньше упомянуто наиболѣе густо населена юго-западная полоса Костромской губ., по правую сторону Волги (приблизительно 35 ж. на кв. в.), и наименѣе сѣверо-восточная, лѣсная (6 ж. на 1 кв. в.); сѣверо-западная полоса составляетъ нѣчто среднее между двумя первыми (6 ж. на 1 кв. в.). Въ этихъ цифрахъ, только приблизительныхъ и даю

---

*) Всѣ приводимыя цифры относительно народонаселенія Костромской губ. весьма мало точны и даютъ только общія понятія, довольно впрочемъ вѣрныя по вопросамъ для которыхъ онѣ служатъ. Центральный Статистическій Комитетъ говоритъ въ своемъ Временникѣ 1886 г., что многія его цифры расходятся съ цифрами Губернскихъ Статистическихъ Комитетовъ. Такова вся наша статистика народонаселенія, пока не будетъ сдѣлано общей по государству народной переписи.

щихъ лишь понятіе о сравнительной населенности разныхъ полосъ, не принято въ соображеніе городское населеніе, которое не составляетъ фактора общей населенности края. Впрочемъ и города въ сѣверо-восточной полосѣ гораздо ничтожнѣе, чѣмъ въ двухъ остальныхъ. Но и внутри сѣверо-западной и сѣверо-восточной полосъ густота народонаселенія (сельскаго) весьма различна. Вообще очень ровно населена юго-западная полоса; наибольшею густотою отличаются Нерехотскій и Кинешемскій уѣзды, около средоточій ткацкой промышленности. Въ сѣверо-западной полосѣ населеніе дѣлается рѣже, въ направленіи къ сѣверу, къ Вологодской губ., и къ востоку, къ лѣсной полосѣ. Въ этой послѣдней гуще населена юго-восточная часть Макарьевскаго уѣзда, приближающаяся въ Волгѣ, и всего рѣже Заветлужье, а въ немъ всего рѣже сѣверная его часть. Тутъ самыя пустынныя мѣстности губерніи. Въ лѣсной полосѣ населеніе вообще сосредоточено, какъ издавна, преимущественно около теченія рѣкъ.

Сельскіе пункты населенія или поселки вообще мелки (подобно Ярославской губ.); среднимъ числомъ приходится отъ 13 до 17 дворовъ на селеніе. Большія села, какія существуютъ въ другихъ губерніяхъ составляютъ здѣсь рѣдкое исключеніе. Всего крупнѣе поселки въ юго-западной полосѣ, въ особенности въ фабричныхъ центрахъ; менѣе крупны въ лѣсной полосѣ, гдѣ обширныя лѣсныя пространства вынуждаютъ народонаселеніе къ скученности, и всего менѣе — въ сѣверо-западной. Сверхъ того, замѣчается во всей Костромской губ. на лѣвомъ берегу Волги, возрастаніе размѣровъ поселковъ отъ сѣвера къ югу; съ приближеніемъ къ Волгѣ жители находятъ менѣе и менѣе выгоднымъ выселяться и терять удобства близости отъ нея. На восточной окраинѣ, дѣйствуетъ въ томъ-же направленіи относительная древность поселеній: чѣмъ они ближе къ крайнему сѣверу Ветлужскаго уѣзда, тѣмъ они новѣе и мельче. Величина дворовъ вездѣ

одинаковая, — средняя отъ 5,7 до 6,7 душъ; въ лѣсной полосѣ дворы многодушнѣе, вслѣдствіе характера быта.

Въ статистикѣ народонаселенія, его *движеніе* составляетъ элементъ наиболѣе существенный для характеристики народной жизни и народнаго благосостоянія. Благодаря трудамъ Костромскаго губернскаго статистическаго Комитета, мы имѣемъ довольно точныя данныя относительно движенія народонаселенія по этой губерніи за новѣйшее время *) (съ 1871 по 1885 г.), но къ сожалѣнію, не имѣемъ для сравненія выводовъ, безъ котораго они не имѣютъ достаточно значенія для упомянутой цѣли, такихъ же точныхъ данныхъ за предыдущее время по Костромской губ. и также за новѣйшее время по всѣмъ другимъ краямъ Россіи.

По даннымъ Костромскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, средній *ежегодный* естественный приростъ народонаселенія (превышеніе рожденій надъ смертными случаями) былъ:

въ десятилѣтіе 1871—1880 г. по всей губерніи.	0,85
по уѣздамъ (безъ городовъ)	0,91
въ пятилѣтіе съ 1881—1885 г. по всей губерніи.	1,00
по уѣздамъ (безъ городовъ)	1,03

За предыдущее время, по даннымъ гораздо болѣе шаткимъ нашихъ ревизій, мы имѣемъ за періодъ съ 1851 по 1867 г. ежегодный приростъ:

по всей губерніи около.	0,75
по уѣздамъ (безъ городовъ)	0,67

Болѣе значительное усиленіе въ новѣйшее время прироста уѣзднаго или сельскаго народонаселенія объясняется упраздненіемъ крѣпостнаго права (см. ниже).

---

*) См. таблицы движенія народонаселенія въ Матерьялахъ для статистики Костромской губ. Вып., VI и VI. Весьма любопытныя соображенія относительно движенія народонаселенія въ Костромской губ. въ трудѣ *Н. Д. Жбанкова*, Вліяніе отхожихъ заработковъ на движеніе народонаселенія Костромской губ. (Матерьялы, Вып. VII).

Хотя всѣ приведенныя цифры указываютъ на общій приростъ костромскаго народонаселенія во второй половинѣ XIX столѣтія весьма *не сильный*, но онъ сходенъ съ приростомъ во всей сѣверной половинѣ Россіи (сѣвернѣе 55%), и къ тому-же въ общемъ итогѣ постоянно возрасталъ въ новѣйшее время (1871—1885 г.). Возвышеніе процента прироста въ 1871—1880 гг. и еще болѣе сильное въ 1881—1885 гг. (въ уѣздахъ съ 0,67 до 1.03) сравнительно съ 1851 по 1867 должно главнѣйше объяснить упраздненіемъ крѣпостнаго права, послѣдствія котораго могли проявиться только позже. Этотъ фактъ еще явственнѣе подтверждается другими данными.

Весьма интересны, для характеристики разнородныхъ условій народной жизни, различія въ движеніи народонаселенія по разнымъ полосамъ губерніи. Самое выдающееся здѣсь явленіе, то что во всѣ безъ изъятія упомянутые періоды съ 1850 по 1885 г. отличалась *наисильнѣйшимъ* приростомъ народонаселенія (уѣзднаго, безъ городовъ) *лѣсная* полоса. Къ тому-же, этотъ приростъ непрерывно усиливался: *средній* ежегодный приростъ въ пятилѣтіе 1871—1875, 1,12; въ 1876—1880—1,24; въ 1881—1885—1,38. Это явленіе объясняется какъ относительно болѣе благопріятными для народнаго здравія условіями лѣсной жизни и лѣсныхъ промысловъ, такъ и большею рѣдкостью населенія въ этомъ краѣ. Это еще подтверждается тѣмъ, что самымъ сильнымъ приростомъ вообще (хотя и съ нѣкоторыми отклоненіями по временамъ) отличались самые пустынные и самые лѣсные уѣзды,—Варнавинскій и Ветлужскій. Въ двухъ остальныхъ полосахъ,—югозападной (фабричной) и сѣверо-западной (отхожепромышленной) общее движеніе прироста народонаселенія было во всѣ періоды вообще слабѣе, чѣмъ въ лѣсной, но оно сопровождалось въ разныя эпохи разными видоизмѣненіями. Наибольшая слабость прироста проявилась въ сѣверо-западной полосѣ, съ 1851 по 1867 г. Въ періодѣ

1851 — 1867 г. произошла въ сѣверо-западной полосѣ, въ общемъ итогѣ, даже *убыль* народонаселенія. Вся эта убыль должна быть отнесена на счетъ *крѣпостнаго народонаселенія*, котораго было всего болѣе въ губерніи именно въ этой полосѣ (въ уѣздахъ Буйскомъ, Солигаличскомъ, Галичскомъ и Чухломскомъ), и въ этой-же полосѣ угнетенія крѣпостнаго права (барщина и оброки) были наиболѣе тяжки. Это явленіе дѣлается еще болѣе разительнымъ, если сравнить цифры народонаселенія въ этой полосѣ за 1851 и 1858 гг. (по двумъ ревизіямъ), въ періодѣ исключительно крѣпостнаго права и движеніе народонаселенія за этотъ періодъ по разнымъ сословіямъ: убыль за это время оказывается только въ сословіи помѣщичьихъ крестьянъ. Число крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ (всего сильнѣе число первыхъ) возрасло даже и за это время *). Въ первые годы (до 1867) послѣ освобожденія крестьянъ, угнетающее дѣйствіе крѣпостнаго права на движеніе народонаселенія не было ясно, ибо съ одной стороны вліяніе новыхъ условій труда и жизни не могло тотчасъ выказаться, и съ другой стороны, значительное число помѣщичьихъ дворовыхъ людей перешло въ города, и на столько уменьшилось количество сельскаго народонаселенія. Это послѣднее обстоятельство подтверждается чрезвычайнымъ возростаніемъ городскаго (мѣщанскаго) народонаселенія въ Костромской губ. за это время. Въ періодѣ 1871—1885 гг., прежняя убыль сельскаго народонаселенія сѣверозападной полосы превращается въ ежегодный приростъ 1,03. Въ разныхъ другихъ уѣздахъ, съ большимъ или меньшимъ крѣпостнымъ народонаселеніемъ (по другимъ полосамъ), такое-же дѣйствіе крѣпостнаго права оказывается, въ большей или меньшей степени, подлѣ другихъ причинъ, обусловливавшихъ

*) См. Статистическое обозрѣніе Костромской губ. на основаніи переписи 1867 г., стр. 218—221.

движеніе народонаселенія. Это явленіе, которое только одинъ изъ безконечнаго множества подобныхъ ему фактовъ въ исторіи крѣпостнаго права *), заслуживаетъ вниманіе новѣйшихъ мыслителей и публицистовъ, повѣствующихъ о благахъ этой исторіи.

Однако, въ сѣверо-западной полосѣ Костромской губерніи есть еще другая причина, пагубно дѣйствовавшая изстари и дѣйствующая до сихъ поръ на движеніе народонаселенія; это — отхожіе промыслы. Это вліяніе отхожихъ промысловъ на уменьшеніе прироста народонаселенія происходитъ отъ причиняемой ими безсемейной жизни, порчи нравовъ какъ отсутствующихъ мущинъ, такъ и остающихся дома женщинъ и большой смертности мущинъ **). Тѣмъ не менѣе въ полосѣ отхожихъ промысловъ приростъ народонаселенія былъ все-таки и въ десятилѣтіе 1871—1880 гг. (въ 1871—1875—1,08; въ 1876—1880 — 0,86) и въ пятилѣтіе 1880—1885 (0,95) сильнѣе чѣмъ въ юго-западной фабричной полосѣ (0,66, 0,86 и 0,82), съ тою только разницею, въ пользу послѣдней полосы, что въ ней процентъ прироста сдѣлался нѣсколько выше въ послѣднемъ періодѣ, чѣмъ въ предыдущемъ, а въ сѣверо-западной полосѣ напротивъ нѣсколько понизился. Кромѣ неблагопріятныхъ для народнаго здравія условій фабричной работы и также наибольшей густоты народонаселенія въ юго-западной полосѣ, существенною причиною наислабѣйшаго въ ней прироста народонаселенія былъ безъ сомнѣнія недостатокъ мѣстнаго хлѣба, отъ котораго всего болѣе страдаетъ этотъ край въ Костромской губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сѣверо-западной полосѣ, которая имѣетъ наибольшій избытокъ хлѣба, онъ долженъ въ извѣстной степени парализировать вредное вліяніе отхожихъ промысловъ на размноженіе народонаселенія. Вышеупомяну-

*) Извѣстно, что вся масса крѣпостнаго народонаселенія Россіи убывала естественнымъ путемъ или медленно вымирала.

**) См. упомянутый выше трудъ *г. Жбанкова* (врача).

тому наибольшему приросту въ лѣсной полосѣ, въ особенности въ хлѣбопашественномъ юго-восточномъ углу Варнавинскаго и Ветлужскаго уѣздовъ, содѣйствовалъ достатокъ хлѣба, который средній въ этой полосѣ относительно всей губерніи. Мы по необходимости коснулись здѣсь вопроса объ условіяхъ народнаго благосостоянія въ Костромской губ., который всего болѣе возбуждается движеніемъ народонаселенія; ниже будутъ сообщены еще другія свѣдѣнія и соображенія по этому вопросу.

Мы говорили до сихъ поръ исключительно объ уѣздномъ или сельскомъ народонаселеніи, такъ какъ городское въ сравненіи съ нимъ ничтожно въ Костромской губ. Въ 20 городахъ (12 уѣздныхъ и 8 безъуѣздныхъ) всего 72.000 жителей при общемъ итогѣ народонаселенія губерніи 1.290.000 (въ 1883 г.). Движеніе городскаго народонаселенія въ Костромской губ., за новѣйшее время, послѣ упраздненія крѣпостного права, которое угнетало сельское народонаселеніе, было еще гораздо печальнѣе, чѣмъ движеніе послѣдняго. Городское народонаселеніе въ общемъ итогѣ по всей губерніи, было въ пятилѣтіе 1871—1875, въ *убыли* на 0,09 (по средней годовой цифрѣ), въ 1876—1880, было въ прибыли на ничтожный процентъ 0,1 и въ 1881—1885 — въ незначительной прибыли на 0,38. Въ общемъ итогѣ движеніе городскаго народонаселенія нѣсколько улучшилось въ послѣднемъ пятилѣтіи (хотя оно всетаки гораздо слабѣе сельскаго), но этотъ итогъ распредѣляется весьма неравномѣрно между отдѣльными городами; народонаселеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ возростало на весьма ничтожный процентъ, а иныхъ убывало. Вообще, также какъ и относительно сельскаго народонаселенія, замѣчается сильнѣйшій приростъ въ городахъ восточной лѣсной полосы, хотя и съ исключеніями. Самое мрачное явленіе это непрерывное, въ теченіи 15 лѣтъ (1870—1885), хотя и нѣсколько ослабѣвшее въ послѣднее десятилѣтіе, убываніе народонаселенія г. Костромы (за три

пятилѣтія: —0,65, —0,23 и —0,01). Если бы это продолжалось, то безъ прилива жителей изъвнѣ, этотъ городъ долженъ былъ бы вымерѣть. Мы будемъ говорить объ этомъ ниже при описаніи Костромы.

По мнѣнію мѣстныхъ изслѣдователей, число незаконнорожденныхъ въ Костромской губ. ниже, чѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи, — за исключеніемъ однако мѣстностей, въ которыхъ господствуютъ отхожіе промыслы, — но этотъ предметъ недостаточно у насъ статистически изслѣдованъ, чтобы можно было придти къ сколько нибудь точнымъ заключеніямъ.

Этнологическій или *племенной* составъ Костромскаго народонаселенія, принадлежащаго, какъ уже было объяснено, къ коренному великорусскому типу, чрезвычайно однороденъ. Мнѣніе иныхъ *) о сохранившихся будто бы въ типѣ народонаселенія нѣкоторыхъ мѣстностей (преимущественно восточныхъ) слѣдахъ первобытнаго финскаго (мерянскаго) элемента едва ли справедливо: этотъ элементъ давно безслѣдно поглотился въ великорусскомъ типѣ народонаселенія Костромской губ., подобно всему сосѣднему ей ростово-суздальскому краю, — историческому зерну московской области. Нѣкоторыя, почти неуловимыя черты отличія костромскаго народонаселенія отъ этого общаго историческаго типа, — мѣстныя черты отличія, существующія въ самыхъ однородныхъ племенныхъ типахъ, — имѣютъ характеръ не племенной или этнологическій, а скорѣе соціальный или мѣстный, т. е. сложившійся подъ вліяніемъ особенныхъ мѣстныхъ условій природы и жизни (занятій). Такія различія весьма выпуклы и въ самой Костромской губ., между ея лѣсными жителями, приволжскими, отхожепромышленниками (напр. питерщиками), фабричными рабочими, и т. д. Костромское народонаселеніе всего ближе подходитъ къ Ярославскому; нѣсколько грубѣе его, но за то и гораздо простодушнѣе и прямѣе. Въ его пра-

*) См. *Крживоболоцій*, Матерьялы, и проч. стр. 168.

вильномъ великорусскомъ говорѣ, которымъ простонародье мало отличается отъ высшаго класса, слышится нѣкоторый какъ бы пѣвучій, акцентъ, который весьма замѣтенъ, когда переѣзжаешь изъ Ярославской губ. въ Костромскую. При этомъ о произносится всегда какъ о (и не переходитъ въ а) даже образованными Костромичами. Въ Костромской губ. существуютъ только два, совсѣмъ оторванныя отъ всего окружающаго народонаселенія, совсѣмъ незначительныя инородческія поселенія: *татары* (около 300 душъ), переселенные въ 1761 г. изъ Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда Ярославскаго уѣзда, и образующіе особую слободу подъ Костромою, и *Черемиссы* (около 2000 душъ) въ Ветлужскомъ уѣздѣ. Эти Черемиссы едва ли составляютъ обломокъ первобытной финской почвы, а скорѣе забрели сюда въ позднѣйшее время изъ Вятской и Казанской губерній. Они живутъ совсѣмъ особнякомъ отъ русскихъ, мало сообщаются, крайне рѣдко вступаютъ съ ними въ браки, и держутся своихъ обычаевъ и обрядовъ. Такихъ явленій въ Россіи не мало; они интересны тѣмъ, что доказываютъ какъ затруднителенъ, въ періодъ цивилизаціи, процессъ ассимиляціи племенъ, совершающійся быстро и легко въ періоды варварства (когда слились тѣ-же финскія племена съ славяно-руссами, въ началѣ нашей исторіи).

Иностранцевъ проживаетъ въ разныхъ мѣстахъ Костромской губ. самое ничтожное число.

Въ соціяльномъ составѣ народонаселенія надо прежде всего различить *городскихъ* и *сельскихъ* жителей. Не смотря на развитіе фабричной промышленности въ нѣкоторой части Костромской губ. и на довольно значительное число ея городовъ, количество городскаго ея населенія совершенно ничтожно (72.367 душъ об. пол. по свѣдѣніямъ 1883 г.) *), въ сравненіи съ сельскимъ (1.218.032); на общую цифру

*) См. Статистич. Временникъ 1886 г.

народонаселенія губерній оно составляетъ немного болѣе 5%. Изъ этого факта можно видѣть въ какой сильной степени сельскій или крестьянскій бытъ господствуетъ у насъ надъ городскимъ даже въ промышленныхъ краяхъ. Впрочемъ такая малочисленность горожанъ не обычна даже при повсемѣстной ихъ малочисленности въ центральной и восточной Россіи. Они многочисленнѣе въ другихъ губерніяхъ московской области (кромѣ полуземледѣльческой Рязанской). При этомъ однако нужно имѣть въ виду, что мы привели, за неимѣніемъ другихъ, цифры только *оффиціяльнаго* городскаго и сельскаго населеній, т. е., людей *приписанныхъ* къ поселеніямъ, оффиціяльно числящимся «городами и деревнями». Это узаконенное различеніе людей не соотвѣтствуетъ дѣйствительному, по занятіямъ городскимъ и сельскимъ или земледѣльческимъ. Такимъ образомъ, массы фабричныхъ рабочихъ въ юго-западной части Костромской губ. числятся крестьянами, также какъ всѣ ея фабричные центры, гораздо болѣе многолюдные, чѣмъ многіе мелкіе ея города и имѣющіе городской характеръ, называются селами и деревнями. Огромное число сельчанъ занимаются, кромѣ работы на фабрикахъ, кустарною промышленностью. Массы оффиціяльныхъ крестьянъ, постоянно проживающіе въ городахъ, на отхожихъ промыслахъ, имѣютъ совсѣмъ городской типъ. Съ другой стороны, жители нѣкоторыхъ мелкихъ городовъ занимаются хлѣбопашествомъ. Всѣ города Костромской губ. весьма немноголюдны и незначительны. Всего 20 городовъ: губернскій—Кострома; уѣздные—Буй, Варнавинъ, Ветлуга, Галичь, Кинешма, Кологривъ, Макарьевъ, Нерехта, Солигаличъ, Чухлома и Юрьевецъ; безъуѣздные—Кадый, Лухъ, Плесъ, Судиславъ, и Унжа; посады: Большія Соли, Парфентьевъ, и Пучежъ. Даже губернскій городъ, самый крупный и имѣющій около 30 тысячъ жителей, не составляетъ исключенія. Послѣ Костромы самый значительный городъ *Галичъ*—около 5800 ж., затѣмъ Макарьевъ—около 5500, Кинешма—около 4000, Ветлуга—

около 4300 Юрьевецъ—около 3000. Всѣ остальные уѣздные заштатные и безъуѣздные города имѣютъ отъ 1000 до 3000 ж.; многіе изъ нихъ походятъ скорѣе на села. Иные безъуѣздные города (Плесъ, Лухъ, Пучежъ, посадъ Большія Соли) значительнѣе нѣкоторыхъ уѣздныхъ.

Большую часть (около $^2/_3$) сельскаго народонаселенія составляютъ бывшіе помѣщичьи крестьяне (болѣе 600.000 д.); въ остальную часть входятъ главнѣйше бывшіе государственные крестьяне (болѣе 226.000) и за тѣмъ бывшіе удѣльные (болѣе 140.000). По величинѣ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, Костромская губ. принадлежитъ къ высшимъ категоріямъ; размѣры этихъ надѣловъ значительнѣе только въ 6 слабо населенныхъ губерніяхъ (Астраханской, Оренбургской, Уфимской, Самарской, Таврической и Вологодской). Они наивысшіе здѣсь сравнительно со всею московскою областью, и вообще съ плотно населенными нашими краями. Средняя величина земельнаго надѣла у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ юго-западной полосѣ 4 десят. на ревизскую душу, въ сѣверо-западной $4^1/_2$—6 и въ восточной— 5—6; у госуд. крестьянъ—въ ю.-з. полосѣ—3—$5^1/_2$, въ с. з.—4—6, и въ в.—$7^1/_2$—10; удѣльные крестьяне получили средніе надѣлы между помѣщичьими и государственными.

Свѣдѣнія о числѣ жителей Костромской губ. *по сословіямъ* только *приблизительны*, какъ всѣ вообще свѣдѣнія объ ея народонаселеніи. Основаніемъ ихъ служитъ перепись, произведенная губернскимъ статистическимъ Комитетомъ въ 1867 г., дополненная данными, собранными Комитетомъ-же о родившихся и умершихъ по 1870 г. *) Впрочемъ по многимъ другимъ губерніямъ не имѣется у насъ даже и такихъ приблизительныхъ свѣдѣній.

Какъ по числу бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, такъ и по числу дворянъ, Костромскую губернію можно было, до упразд-

*) См. Матерьялы для статистики Костромской губ. Вып. II, 1872.

ненія крѣпостнаго права, считать принадлежащею къ категоріи *дворянскихъ губерній*. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, она имѣла и по своему быту дворянскій типъ. Этотъ характеръ однако сильно поблѣднѣлъ въ новѣйшее время (см. ниже), въ особенности въ юго-западной промышленной полосѣ, какъ съ развитіемъ фабричной промышленности, такъ и съ освобожденіемъ крестьянъ. Дворянъ потомственныхъ считалось къ эпохѣ освобожденія около 5000; личныхъ около 3000 *). Около той же цифры опредѣлялось число потомственныхъ дворянъ за 1870 г. (4967). Это доказываетъ убыль дворянства послѣ упраздненія крѣпостнаго права.

За исключеніемъ г. Костромы, всего болѣе было дворянъ ($^2/_5$ всего числа по губерніи) въ сѣверо-западной полосѣ и всего менѣе въ восточной (всего менѣе на крайнемъ востокѣ, — въ уѣздахъ Варнавинскомъ и Ветлужскомъ), гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ находятся наиболѣе крупныя дворянскія имѣнія. Тоже самое остается и въ новѣйшее время. Костромская губернія имѣетъ характеръ дворянскій собственно по *количеству* дворянскихъ родовъ и имѣній, а не по знатности родовъ и богатству имѣній, за исключеніемъ нѣсколькихъ крупныхъ владѣній въ восточной полосѣ. Въ сѣверо-западной полосѣ было множество дворянъ по Кржвоболоцкому (около 600 семействъ), не владѣвшихъ вовсе крестьянами или дворянскими имѣніями и приближавшихся, по своему образованію, бѣдности и образу жизни къ крестьянамъ. И теперь изъ общей цифры 5000 дворянскаго народонаселенія только 3.103 землевладѣльца (разумѣется при этомъ нужно имѣть въ виду малолѣтнихъ). Передъ освобожденіемъ исчисляли всю годовую сумму доходовъ отъ дворянскихъ имѣній Костромской губ. въ 3 милліона рублей; **) раздѣленная на число дворянъ,

*) См. *Кржвоболоцкаго*, Матерьялы и проч. с. 189. Отсюда мы почерпаемъ и другія данныя о дворянствѣ за то время.

**) См. *Кржвоболоцкій*, с. 191.

эта сумма составляла средній доходъ 600 р. на душу. Эта цифра была еще значительно ниже вслѣдствіе многочисленныхъ долговъ, лежавшихъ на имѣніяхъ. Всѣ эти цифры очень далеки отъ точности; онѣ могутъ дать нѣкоторое понятіе только о преувеличенности существующихъ на мѣстѣ толковъ относительно прежняго богатства костромскаго дворянства и нынѣшняго его оскудѣнія (послѣ освобожденія крестьянъ). Конечно, не смотря на свою несостоятельность, большинство дворянъ, владѣвшихъ крѣпостными людьми, могли, посредствомъ отягощенія послѣднихъ барщиной и оброками (чѣмъ отличалась преимущественно сѣверо-западная полоса) легче удовлетворять своимъ потребностямъ, чѣмъ послѣ упраздненія крѣпостнаго права. Упадокъ костромскаго дворянства имущественный и общественный, въ новѣйшее время, знаменуется преимущественно въ быстромъ и постоянно возрастающемъ переходѣ массы его земель въ собственность другихъ сословій, главнѣйше купечества. Поэтому и вліяніе дворянства въ мѣстной жизни значительно ослабло (см. ниже). Экономическія условія дворянства и другихъ сословій выясняются еще ниже, при обзорѣ распредѣленія поземельной собственности.

Сословіе *духовенства*, какъ во всѣхъ старыхъ и коренныхъ русскихъ губерніяхъ, многочисленно въ Костромской губ. Въ началѣ 60-хъ годовъ считалось бѣлаго духовенства (по Крживоболоцкому) до 30.000 душъ об. п. Въ 1870 г. до 19.000 *). Вслѣдствіе многочисленности духовенства относительно народонаселенія, большая его часть обезпечена весьма скудно; впрочемъ обезпеченіе весьма неравномѣрно **). Числомъ православныхъ монастырей (19) и монашествующихъ

*) Тутъ очевидная ошибка въ цыфрахъ,—всего вѣроятнѣе въ первой, а не послѣдней, вычисленной Губ. Статист. Комитетомъ.

**) См. статью «Къ статистикѣ содержанія духовенства» въ матерьялахъ Костр. губ. Ст. К. вып. VII.

(къ 1 Января 1887 г. мужск. п. 299 и женск. п. 512, всего 811) *) Костромская губ. превосходитъ большую часть нашихъ губерній, и уступаетъ весьма немногимъ (только шести). Въ числѣ монастырей нѣтъ основанныхъ ранѣе XIV столѣтія; четыре основаны въ царствованіи Александра II.

Въ купеческомъ сословіи считалось въ 1870 г. около 4860 душъ об. п.; съ тѣхъ поръ оно вѣроятно возросло **). Самое старинное купечество, считающее себя въ этомъ званіи въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, находится въ гг. Костромѣ и Галичѣ. Но самое богатое, и быстро нажившееся въ новѣйшее время, съ помощью фабричнаго производства, находится въ юго-западной полосѣ. Многіе изъ этихъ послѣднихъ капиталистовъ вышли изъ крѣпостныхъ людей.

По вѣроисповѣданію костромское народонаселеніе, какъ коренное великорусское, принадлежа къ православной церкви, представляетъ самый однородный составъ, по крайней мѣрѣ *оффиціально*. При ничтожномъ числѣ иностранцевъ нѣтъ и слѣда иностранныхъ исповѣданій, кромѣ упомянутаго поселенія Татаръ-мусульманъ. Но въ Костромской губ. существуетъ не мало раскольниковъ и разныхъ русскихъ отщепенцевъ отъ православной церкви, число которыхъ, при скрытности большей ихъ части, даже приблизительно неуловимо. Случаются напримѣръ приходы, въ которыхъ только одна четвертая часть прихожанъ *дѣйствительно* принадлежитъ къ православной церкви и исполняетъ ея обряды.

Отъ народонаселенія переходя къ его дѣятельности, мы должны прежде всего сдѣлать обзоръ распредѣленія поземельной собственности. Въ тѣхъ или другихъ юридическихъ отношеніяхъ народонаселенія и его различныхъ классовъ къ

*) См. Монастыри въ Россійской имперіи, Спб. 1887 (Статистическій Временникъ Россійской Имперіи, серія III, вып. 18).

**) Съ купечествомъ какъ сословіемъ не должно смѣшивать количество торговыхъ свидѣтельствъ, о которыхъ будетъ ниже.

землѣ заключается самый первобытный актъ всякой его дѣятельности, главный факторъ народнаго хозяйства и также первенствующій элементъ въ характеристикѣ его быта и культуры. Мы укажемъ только на самыя характеристическія черты распредѣленія поземельной собственности въ Костромской губ. *).

Костромская губернія принадлежитъ къ той категоріи 15 губерній, въ которой *частная* собственность (личная и компанейская) весьма сильно развита сравнительно съ собственностью общинъ, казны, удѣла и разныхъ вѣдомствъ. Первая составляетъ вообще по всей губерніи 40% на все землевладѣніе (различаясь въ разныхъ мѣстностяхъ отъ 18% до 52%). Болѣе сильный процентъ частной собственности только въ 8 губерніяхъ (преимущественно западныхъ), нѣсколько менѣе сильный (отъ 30% до 40%) почти во всей остальной части Московской промышленной области и гораздо болѣе слабый во всѣхъ прочихъ краяхъ Европейской Россіи. Въ этой частной собственности (всего 2.907.000 десятинъ) земли компаній и товариществъ составляютъ самое ничтожное количество (4047 д.), какъ впрочемъ и во всей Россіи.

Хотя во всей остальной не частной поземельной собственности земли крестьянскихъ общинъ занимаютъ первое мѣсто (33% на все землевладѣніе), далеко превосходящее земли казны (почти 19%) и удѣла (6%), но по количеству общинныхъ земель (относительному къ прочему землевладѣнію) Костромская губернія стоитъ въ самыхъ послѣднихъ категоріяхъ; менѣе этихъ земель только въ 5 губерніяхъ и гораздо болѣе (отъ 40% до 76%) во всей остальной Россіи, и въ томъ числѣ въ большей части Московской области (отъ 50% до

*) Мы пользуемся для этого превосходнымъ изданіемъ центральнаго статистическаго Комитета: «Поземельная собственность Европейской Россіи 1877—78 г., разработано *г. Ершовымъ*, Спб. 1888». Въ данныхъ этого изданія можно найти въ высшей степени любопытную характеристику народнаго хозяйства и быта Россіи по разнымъ классамъ и краямъ.

66%). Между тѣмъ Костромская губ. принадлежитъ къ губерніямъ, въ которыхъ крестьянскіе надѣлы были довольно крупны (крупнѣйшіе въ Московской области) и, сверхъ того, къ такимъ, въ которыхъ крестьяне наиболѣе прикупили земель въ собственность общинъ, кромѣ полученныхъ ими по выкупу (болѣе 1% на послѣднія) *). Эта относительная малость пространства, занимаемаго въ Костромской губ. общинными землями, объясняется обширностью личной частной поземельной собственности и также отчасти казенной. Въ Костромской губ. казенныя земли составляютъ почти 20% всего землевладѣнія, почти высшую цифру во всѣхъ Европейскихъ губерніяхъ (отъ 0,2% до 20%), кромѣ крайнихъ сѣверныхъ (Вятской, Пермской, Казанской и Курляндской). Количество всѣхъ прочихъ земель удѣльныхъ, городскихъ, монастырскихъ и церковныхъ и разныхъ учрежденій совсѣмъ незначительно сравнительно съ вышеупомянутыми (частными, общинными, крестьянскими и казенными).

Интересно взглянуть на распредѣленіе *частной* и *личной* поземельной собственности по сословному характеру землевладѣльцевъ, всего болѣе характеризующему бытъ народонаселеній.

Въ личной поземельной собственности Костромской губ. остается до сихъ поръ главнымъ элементомъ *дворянскій;* хотя число (3.103) землевладѣльцевъ дворянъ относительно землевладѣльцевъ всѣхъ прочихъ сословій, незначительно (14,4%), но количество или пространство дворянскаго землевладѣнія (2 мил. 3 тысячи десятинъ) превосходитъ все остальное личное землевладѣніе, составляя на это послѣднее до 69% (очевидно, вслѣдствіе мелкости поземельной собственности всѣхъ прочихъ сословій). Такой элементъ дворянской поземельной собственности можетъ показаться иностранцамъ, въ

*) Безъ всякаго содѣйствія крестьянскаго банка, не распространившаго пока своихъ операцій на Костромскую губ.

новѣйшее время возрастанія и обогащенія среднихъ и промышленныхъ классовъ, *чрезвычайно сильнымъ*, если не принимать въ соображеніе общаго сильнаго развитія дворянскаго землевладѣльческаго элемента въ Европейской Россіи сравнительно съ современною Западною Европой, за исключеніемъ Великобританіи. Но сравнительно съ остальною Европейскою Россіей дворянское землевладѣніе въ Костромской губ. представляется нынѣ *весьма слабымъ*. Оно слабѣе по *числу* землевладѣльцевъ-дворянъ сравнительно съ землевладѣльцами всѣхъ другихъ сословій только въ 5 губерніяхъ (Ярославской 9% на все остальное частное землевладѣніе, Тверской 8,7%, Вологодской 4,7%, Вятской 3,1% и Архангельской 0,1%). Во всей остальной Россіи число землевладѣльцевъ-дворянъ составляетъ: въ 12 губерніяхъ отъ 20% до 30% (въ томъ числѣ въ Московской 21,1%), въ 13 губ. — отъ 30% до 40%, въ 3 губ. отъ 40% до 50% и въ 8 губ. отъ 50% до 81,7% (послѣдняя Эстляндская). А по *количеству* землевладѣнія, дворянское землевладѣніе въ Костромской губ. слабѣе только 11 губерній (Тверской, Вятской, Псковской, Ярославской, Новгородской, Самарской, Таврической, Вологодской, Владимірской, Олонецкой и Архангельской). Даже и въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ, кромѣ Архангельской (0,7) дворянское землевладѣніе составляетъ отъ 68% до 51%. Хотя самый значительный контингентъ дворянской поземельной собственности принадлежитъ къ губерніямъ земледѣльческимъ и западнымъ, гдѣ (какъ въ краяхъ бывшихъ подъ польскимъ владычествомъ, такъ и въ остзейскихъ) дворянскій элементъ гораздо сильнѣе развитъ, чѣмъ въ губерніяхъ центральныхъ и восточныхъ и хотя всѣ остальныя губерніи Московской промышленной области приближаются въ этомъ отношеніи къ Костромской губ., но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ этой области (Нижегородской, Московской, Смоленской, и въ полуземледѣльческихъ Рязанской и Тульской) дворянское землевладѣніе гораздо значительнѣе

чѣмъ въ Костромской. Слабая пропорція поземельной собственности дворянъ относительно другихъ сословій въ Костромской губ. и въ другихъ самыхъ промышленныхъ нашихъ мѣстностяхъ объясняется новѣйшимъ возрастаніемъ въ нихъ фабричной промышленности на счетъ сельскаго хозяйства и обогащеніемъ другихъ недворянскихъ общественныхъ классовъ (если не именно обѣдненіемъ дворянства и удаленіемъ его изъ этихъ мѣстностей). Это всего явственнѣе на Владимірской, Ярославской, Московской и Тверской губ., въ которыхъ дворянское землевладѣніе, въ старое время, довольно значительное, дошло нынѣ до minimuma въ Россіи (кромѣ губерній Архангельской, Вологодской, Вятской и Олонецкой, почти не имѣвшихъ никогда помѣстнаго дворянства).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о дворянскомъ землевладѣніи за старое время, но указанное явленіе въ промышленныхъ краяхъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ слишкомъ извѣстны многочисленныя въ нихъ (въ томъ числѣ и въ Костромской губ.) продажи дворянскихъ земель купцамъ и крестьянамъ. Приведенныя цифры относятся къ 1878 г., позже котораго мы не имѣемъ данныхъ; надо думать, судя по продолжающейся продажѣ дворянскихъ земель, что съ тѣхъ поръ дворянское землевладѣніе еще болѣе умалилось. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что не смотря на сокращеніе у насъ дворянскаго землевладѣнія въ новѣйшее время, оно даже въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ оно наиболѣе слабо и въ которыхъ всего сильнѣе сократилось въ послѣдніе годы, все-таки превосходитъ своими размѣрами (болѣе 50%) совокупность землевладѣнія всѣхъ прочихъ сословій. Въ губерніяхъ-же, въ которыхъ дворянское землевладѣніе наиболѣе сильно и ихъ 19-ть, оно составляетъ отъ 80% до 90% (Симбирская) и поземельная собственность прочихъ сословій составляетъ подлѣ него совсѣмъ ничтожную долю. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіи послѣдняго десятилѣтія (послѣ

эпохи собиранія приведенныхъ данныхъ) дворянское землевладѣніе въ Костромской губ. сократилось, какъ почти повсемѣстно у насъ.

Послѣ дворянъ, всего значительнѣе въ Костромской губ. по числу личныхъ землевладѣльцевъ, *крестьяне* (16.633 съ 291.814 десят., кромѣ общинныхъ крестьянскихъ земель), а по количеству землевладѣнія *купцы* (на 546.000 дес. число купцевъ землевладѣльцевъ только 511). Землевладѣніе мѣщанъ, по числу землевладѣльцевъ (1.196) несравненно слабѣе крестьянскаго, а по количеству землевладѣнія (59.504 дес.) слабѣе всѣхъ сословій, подобно всей остальной Россіи (кромѣ западной).

Хотя *купеческое* землевладѣніе, сравнительно со всѣмъ остальнымъ (на общее число землевладѣльцевъ 2,4% и на общее количество землевладѣнія 18,8%) представляется слабымъ въ Костромской губ., но она принадлежитъ къ губерніямъ, въ которыхъ купеческое землевладѣніе, вообще еще слабое въ Россіи, наиболѣе сильно.

Весьма выдается въ Костромской губерніи значительное число *личныхъ* крестьянъ землевладѣльцевъ (сверхъ земель, находящихся во владѣніи крестьянскихъ общинъ). Только три губерніи (Тверская, Ярославская и Новгородская) превосходятъ въ этомъ отношеніи Костромскую, а всѣ остальныя, даже и съ сильнымъ личнымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, стоятъ ниже. Такъ какъ несомнѣнно, что почти вся эта масса крестьянскихъ земель пріобрѣтена послѣ упраздненія крѣпостнаго права, въ теченіи весьма краткаго времени, 15—17 лѣтъ (съ 1861 по 1878 г.), и къ тому-же безъ содѣйствія правительства (крестьянскаго банка), то этотъ одинъ фактъ свидѣтельствуетъ о нѣкоторой зажиточности костромскаго крестьянскаго народонаселенія. Въ теченіи послѣдняго десятилѣтія количество личной крестьянской собственности вѣроятно возросло, ибо крестьяне продолжаютъ покупать земли у дворянъ.

Между разными свойствами землевладѣнія тѣ или другіе *размѣры* личной поземельной собственности имѣютъ большое значеніе; ими много обусловливаются характеръ пользованія землею, направленіе народнаго хозяйства и народный бытъ, хотя при этомъ не слѣдуетъ терять изъ виду, что въ нашихъ великороссійскихъ губерніяхъ, при громадной массѣ общинныхъ крестьянскихъ земель этотъ элементъ личной поземельной собственности не играетъ такой значительной роли въ земледѣліи и народномъ хозяйствѣ, какъ въ другихъ странахъ. Средняя цифра поземельной собственности въ Костромской губ. на одного землевладѣльца 135 десятинъ; въ Московской области, она меньшая, чѣмъ въ Смоленской губ. (170 д.), одинаковая съ Нижегородской губ., бо́льшая чѣмъ въ Московской (115 д.), Калужской (99 д.) и Владимірской (93 д.) и гораздо бо́льшая, чѣмъ во Владимірской (93 д.), Тверской (58 д.) и Ярославской (46 д.). Такимъ образомъ въ предѣлахъ Московской области, за исключеніемъ Смоленской губ., поземельная собственность оказывается въ Костромской губ. наиболѣе крупною. Это отчасти объясняется тѣмъ, что Смоленская и Костромская губ. вообще наименѣе населенныя въ Московской области. Сравнительно со всею остальною Европейскою Россіей, средняя поземельная собственность Костромской губ. есть средняя между гораздо болѣе мелкою въ однихъ губерніяхъ и гораздо болѣе крупною въ другихъ. Но средняя цифра тутъ мало выражаетъ; нужно взглянуть на факторы, произведшіе эту среднюю цифру по разнымъ категоріямъ землевладѣльцевъ, и разнымъ мѣстностямъ. Въ этихъ факторахъ много разнообразія и даже контрастовъ.

Абсолютное число самыхъ мелкихъ собственниковъ (10 десятинъ и менѣе) въ Костромской губ. чрезвычайно велико (болѣе 12.000); оно у насъ больше только въ 4 губерніяхъ: двухъ промышленныхъ—Тверской (29.000) и Ярославской (24.500) и двухъ малороссійскихъ — Полтавской (28.000) и Курской (21.700). Въ третьей малороссійской — Черни-

говской тоже число. Почти тоже положеніе занимаетъ Костромская губ. и по числу мелкихъ землевладѣльцевъ высшей категоріи отъ 10 до 100 десят. (7.176). И по относительному числу мелкихъ землевладѣльцевъ (пропорціонально всей массѣ землевладѣльцевъ) Костромская губ. также стоитъ въ самомъ первомъ ряду. Но *количество мелкаго землевладѣнія* (до 100 десят.) составляетъ въ Костромской губ. относительно всей массы землевладѣнія только 9%, и она совершенно различествуетъ въ этомъ отношеніи съ губерніями, съ которыми стоитъ въ одной категоріи по числу мелкихъ землевладѣльцевъ; это происходитъ отъ значительнаго количества въ ней средняго и крупнаго (въ особенности самаго крупнаго) землевладѣнія, какого нѣтъ въ этихъ губерніяхъ, и въ этомъ ея особенность.

Что касается *средней* поземельной собственности (отъ 100 до 1000 десят.), то по *абсолютному* числу этого рода землевладѣльцевъ (1.336) Костромская губ. принадлежитъ къ категоріи губерній, въ которыхъ они наиболѣе многочисленны, но по *относительному* числу ихъ (9,3%) сравнительно съ остальными размѣрами землевладѣнія и по пространству средняго землевладѣнія (22,1%), она стоитъ весьма низко, вслѣдствіе значительной совокупной массы мелкой (главнѣйше) и крупной поземельной собственности.

Наконецъ *крупная* поземельная собственность (отъ 1000 до 10,000 десят. и свыше) представлена въ Костромской губ. вообще такъ, какъ въ большей части Россіи и какъ во всей московской промышленной области. Абсолютное число костромскихъ крупныхъ собственниковъ (409) среднее сравнительно со всѣми другими губерніями, также какъ и абсолютное пространство ихъ земли (2.011,736 дес.). По относительному числу (1,9%) крупныхъ землевладѣльцевъ сравнительно со всею массою землевладѣльцевъ, Костромская губернія принадлежитъ также къ разряду большей части губерній (отъ 1% до 5%) и именно къ общему уровню

Московской области. По относительному же пространству крупнаго землевладѣнія (68,5%) она стоитъ нѣсколько выше другихъ губерній Московской области, кромѣ Нижегородской (72,8%), вслѣдствіе необыкновенно значительнаго въ Костромской губ. количества *самой крупной* поземельной собственности (отъ 5000 дес. и свыше). Этотъ послѣдній фактъ составляетъ *особенность* Костромской губ.

Костромская губ. принадлежитъ къ весьма немногочисленнымъ губерніямъ, въ которыхъ *самая крупная* поземельная собственность (свыше 5000 дес.) имѣетъ такое сильное значеніе въ общей массѣ землевладѣнія. Во всѣхъ-же другихъ краяхъ собственно Московской промышленной области, за исключеніемъ Нижегородской, самая крупная собственность представлена несравненно слабѣе. Кромѣ Костромской губ., у насъ только шесть губерній (Вятская, Пермская, Минская, Уфимская, Оренбургская и Астраханская), которыя не имѣютъ съ нею ничего общаго въ географическомъ отношеніи и въ которыхъ самая крупная собственность имѣетъ, подобное Костромской, преобладающее значеніе въ кругу крупнаго землевладѣнія. Въ Костромской губ. 46 землевладѣльцевъ, имѣющихъ земли отъ 5001 до 10,000 дес. и 45—свыше 10,000. Поземельная собственность первыхъ составляетъ 10,2% всей массы костромскаго землевладѣнія, а вторыхъ—цѣлыхъ 35,5%, т. е., *болѣе одной трети.* Нѣчто подобное встрѣчается въ Московской области только въ Нижегородской губ. (отъ 5001 до 10,000 дес. — 16,5% и свыше 10,000 дес.—31,5%). Во всѣхъ прочихъ подмосковныхъ губерніяхъ поземельная собственность свыше 10,000 дес. составляетъ отъ 2,4% (Тульская губ.) до 17,3% (Владимірская). Вся эта крупная и самая крупная поземельная собственность сосредоточена въ восточной лѣсной полосѣ Костромской губ., главнѣйше въ Ветлужскомъ уѣздѣ, гдѣ *средняя величина* владѣнія достигаетъ *громадной цифры* 1,261 дес. Даже въ Нижегородской губ.,—единственной въ Мос-

ковской области, сходной въ этомъ отношеніи съ Костромскою, — средняя величина владѣнія въ Семеновскомъ уѣздѣ (лѣсномъ) наиболѣе сходномъ съ Костромскою лѣсною полосою и имѣющемъ наиболѣе крупную въ губерніи поземельную собственность, составляетъ *только половину* Ветлужской — 640 дес. Среднія величины поземельной собственности, не только превосходящія Ветлужскую, но даже ей равныя и къ ней приближающіяся можно найти въ Европейской Россіи только въ западномъ краѣ и остзейскомъ, отличающихся отъ всей остальной Россіи аристократическимъ характеромъ землевладѣнія и также на малонаселенныхъ и недавно заселенныхъ восточныхъ и южныхъ окраинахъ.

Какъ ни сильно развилось въ Костромской губ. купеческое землевладѣніе, но значительное большинство крупныхъ собственниковъ все-таки *дворяне*. Изъ 40 владѣльцевъ имѣній отъ 5.001 до 10.000 дес., дворянъ 29 и купцевъ 11. Изъ 36 владѣльцевъ имѣній свыше 10.000—дворянъ 26 и купцевъ 10. Мѣщане и крестьяне совсѣмъ не участвуютъ въ крупномъ землевладѣніи, за единственнымъ исключеніемъ одного крестьянина владѣющаго 12.746 дес. Въ крестьянской поземельной собственности господствуетъ мелкая, хотя не мало среднихъ и даже довольно крупныхъ личныхъ крестьянъ-собственниковъ. Всего крестьянъ, владѣющихъ землями до 10 десят.—11.271, отъ 11 до 100 д.—4.971, отъ 101 до 500 д.—353, отъ 501 до 1.000 д.—12 и отъ 1.001 до 5.000—12. Само собою разумѣется, что эти крупные крестьяне-собственники только по оффиціальному своему званію крестьяне, а въ дѣйствительности торговцы, промышленники или вообще принадлежатъ къ разнымъ профессіямъ нашего средняго класса. По своему умственному образованію и образу жизни они принадлежатъ къ *низшему* классу, какъ впрочемъ и купцы Костромской и всѣхъ центральныхъ нашихъ губерній. Указанныя сословныя отношенія въ кругу крупной поземельной собственности Костром-

ской губ. вѣроятно измѣнились въ теченіи послѣдняго десятилѣтія въ томъ направленіи, что купеческое и крестьянское землевладѣніе расширилось на счетъ дворянскаго.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше данныхъ относительно землевладѣнія въ Костромской губ. можно вывести общее заключеніе, что характеръ его вообще сходенъ съ землевладѣніемъ другихъ, въ особенности сосѣднихъ губерній Московской области, какъ иначе и быть не можетъ, вслѣдствіе общности ихъ исторіи. Самая рѣзкая особенность Костромской губ. не только въ сравненіи съ другими краями Московской области, но можетъ быть и со всею остальною Европейскою Россіей, это соединеніе чрезвычайно сильнаго развитія самой мелкой и къ тому-же преимущественно крестьянской поземельной собственности съ такимъ же чрезвычайнымъ развитіемъ самой крупной и по преимуществу дворянской собственности. Это явленіе, — сходное со многими другими ему подобными въ жизни Костромской губ., съ другими ея разнородностями и противоположностями, — объясняется особенностями ея исторіи и географіи, отличныхъ во многихъ отношеніяхъ отъ исторіи и географіи другихъ, даже ближайшихъ частей Московской области, при всемъ ихъ единствѣ. Костромская губ. занимаетъ переходное пространство между нашею центральною промышленною областью и сѣверною лѣсною. Къ этой послѣдней почти еще принадлежитъ значительная сѣверо-восточная полоса Костромской губ.; такою, какова эта полоса теперь, была когда то вся Московская область и ею еще не вполнѣ овладѣла промышленная культура, которою въ самой крайней степени объята юго-западная, исторически старѣйшая полоса. И этотъ сѣверо восточный, лѣсной край еще нынѣ продолжающій заселяться, производитъ въ отношеніи къ землевладѣнію вышеотмѣченную особенность; въ немъ сосредоточена крупная поземельная собственность, какой уже нѣтъ въ другихъ полосахъ Костромской губ. Другое явленіе въ разнородности сѣверо-

восточной полосы сравнительно съ остальными по отношенію къ землевладѣнію, это крайне сильное въ этихъ послѣднихъ развитіе общинныхъ крестьянскихъ земель (свыше 50% всего землевладѣнія) и крайне слабое (отъ 15% до 35%) въ первой полосѣ. Это различіе также соотвѣтствуетъ различію историческаго возраста всѣхъ этихъ частей Костромской губ.

Прежде чѣмъ говорить о народномъ хозяйствѣ Костромской губерніи, нужно упомянуть объ одномъ изъ главныхъ его условій, — *путяхъ сообщенія*. Только одинъ путь, пересѣкающій эту губернію, имѣетъ всероссійское значеніе; это — Волга. Всѣ остальныя и сухопутныя и водяныя ея сообщенія, даже ея желѣзныя дороги, имѣютъ только мѣстный характеръ; они служатъ для соединенія административныхъ и промышленныхъ пунктовъ и жителей Костромской губ. какъ между собою, такъ и съ центрами и съ рынками внѣ губерніи. Въ прежнія времена, въ особенности въ періодѣ московскаго государства, черезъ территорію Костромской губерніи проходили сухопутныя дороги, связывавшія Москву и другіе края Россіи съ ея Сѣверо-восточными странами,—съ Вяткою, Пермью, Устюгомъ и черезъ него съ Сѣверною Двиною и Архангельскомъ. Съ упадкомъ Архангельскаго порта, съ *передвиженіемъ* нашей иностранной торговли къ западу и югу и съ устраненіемъ всей сѣверной Россіи (по Волгѣ) отъ желѣзно-дорожной сѣти, Костромская губернія (за исключеніемъ Волги) утратила всякое прежнее свое значеніе промежуточнаго звѣна въ системѣ всероссійскихъ сообщеній. Даже двѣ проходящія черезъ юго-западную ея полосу желѣзныя дороги, — Иваново-Кинешемская и Ярославско-Костромская, — имѣютъ почти исключительно мѣстный или губернскій характеръ.

Всѣ пролегающія черезъ Костромскую губ. дороги служатъ, какъ мы говорили, исключительно для сообщеній между ея городами и промышленными пунктами, и также между

ними и сосѣдними краями. Главнѣйшее направленіе грузовъ и пассажировъ по этимъ дорогамъ идетъ изъ Сѣверной и Сѣверо-восточной частей губерніи къ Югу и отчасти къ Юго-западу и къ Сѣверо-западу,—т. е., къ Волгѣ (изъ всѣхъ заволжскихъ частей губерніи), къ желѣзнымъ дорогамъ (къ Иваново-Кинешемской и Московско-Ярославской, соединяющимся со всею сѣтью рельсовыхъ путей), къ Москвѣ и Петербургу — это направленіе соотвѣтствуетъ всѣмъ тяготѣніямъ экономической и общественной жизни этой губерніи. Всѣ эти дороги, и почтовыя и торговыя, находящіяся на попеченіи земства, находятся въ крайне плачевномъ состояніи, въ особенности въ заволжскихъ краяхъ, хотя земство и тратитъ ежегодно на ихъ исправленіе до 68 тысячъ рублей въ годъ. По всей Костромской губерніи не существуетъ ни одного шоссированнаго пути. Съ давнихъ поръ, во всѣхъ описаніяхъ Костромской губ. и путешествіяхъ по ней, излагаются жалобы на ея дороги; и до сихъ поръ онѣ нисколько не улучшились. Какъ ни приходится, посреди многочисленныхъ путешествій по Россіи, привыкнуть къ этому явленію, но мы все-таки были поражены дорогами въ Костромской губерніи и въ особенности несостоятельностью земскихъ работъ по ихъ исправленію. Въ иныя времена года и при иныхъ условіяхъ погоды прерывается на долго всякое сообщеніе между уѣздными городами, преимущественно Сѣверо-западными (въ томъ числѣ съ Галичемъ, въ который мы лично два раза, въ 1885 и 1887 гг., при всемъ нашемъ желаніи, не могли проѣхать). Бываютъ почти непроѣзжаемыя дороги подъ самимъ губернскимъ городомъ, какъ мы это лично испытали. Когда это такъ часто видишь въ нашемъ отечествѣ, то не можешь себѣ представить какъ можетъ не только процвѣтать, но продолжаться народное хозяйство, при техническихъ и коммерческихъ условіяхъ нашего времени. Первобытное состояніе нашихъ мѣстныхъ дорогъ, нужда въ которыхъ дѣлается еще болѣе настоятельною съ желѣзными путями, составляетъ несомнѣн-

ное препятствіе для успѣховъ нашей промышленности; у насъ слишкомъ привыкли всегда говорить о дальнѣйшихъ болѣе утонченныхъ условіяхъ этихъ успѣховъ, совсѣмъ пренебрегая первоначальными и элементарными.

Снѣгъ (санный путь) и многочисленныя рѣки Костромской губ. до нѣкоторой степени и на нѣкоторую часть года восполняютъ эти затрудненія гужевыхъ дорогъ. Въ особенности важно пароходство, устроившееся въ послѣдніе годы, кромѣ Волги, на рр. Костромѣ и Унжѣ (см. ниже). Эти двѣ рѣки пересѣкаютъ губернію на всемъ ея протяженіи отъ Сѣвера до Юга (до Волги). Но при отсутствіи заботъ объ усовершенствованіи нашихъ рѣкъ и случающейся скудости ихъ водъ, эти пароходныя сообщенія прерываются часто даже во время краткаго нашего навигаціоннаго періода. При бо̀льшихъ заботахъ о нашихъ водахъ, пароходство могло бы устроиться еще и на другихъ рѣкахъ. О Волгѣ и ея судоходствѣ мы достаточно говорили прежде, чтобы нужно было упоминать объ нихъ здѣсь.

Обѣ желѣзныя дороги, пролегающія черезъ Костромскую губернію, не имѣютъ самостоятельнаго значенія, а суть только вѣтви соединяющія эту губернію, преимущественно юго-западную ея полосу (на правой сторонѣ Волги), съ желѣзно-дорожною сѣтью, — собственно съ Москвою и съ примыкающими къ ней линіями: Ярославско-Костромская дорога — вѣтвь Московско-Ярославской; Иваново-Кинешемская — конецъ Шуйско-Ивановской вѣтви Московско-Нижегородской линіи. Обѣ дороги пересѣкаютъ самую промышленную полосу Костромской губерніи, экономически принадлежащую къ фабричному району Ярославской и Владимірской губ.; доходя только до праваго берега Волги, онѣ служатъ главнѣйше, и въ товарномъ отношеніи, и въ пассажирскомъ, почти исключительно этой полосѣ; по перевозкѣ пассажировъ, въ особенности въ зимнее время, онѣ полезны для всей губерніи. Объ Иваново-Кинешемской дорогѣ, проходящей черезъ фабричный

вычугскій край и соединяющей его съ Иваново-Вознесенскомъ, главнымъ фабричнымъ центромъ Владимірской губ., мы будемъ говорить въ описаніи этой губерніи и Иваново-Шуйской дороги. Ярославско-Костромская дорога (60 верстъ) проходитъ черезъ г. Нерехту, по Нерехотскому и Костромскому уѣздамъ. Она открыта такъ недавно (17 Декабря 1887 г.), что судить о движеніи по ней еще нельзя. Главное ея назначеніе соединеніе дотолѣ оторванной отъ желѣзнодорожной сѣти Костромы и весьма промышленной Нерехотско-Костромской (преимущественно по отношенію къ льняному дѣлу) мѣстности съ Ярославлемъ, Москвою, Петербургомъ и всѣми нашими рынками.

При незначительности Костромы, какъ центра населенія и торговли, были сомнѣнія въ надобности этой дороги, тѣмъ болѣе, что въ теченіи навигаціоннаго періода, Кострома соединена съ Ярославлемъ въ изобиліи сообщеніями волжскаго пароходства. Но какъ бы мало обще-государственнаго или всероссійскаго значенія ни имѣла эта дорога, можно только радоваться ея сооруженію, такъ какъ она проведена компаніей Московско-Ярославской желѣзной дороги безъ всякаго пособія со стороны правительства и несомнѣнно полезна для Ярославской и Костромской губ. Мы имѣемъ свѣдѣнія о движеніи по ней со дня открытія (17 Декабря 1887 г.) по 13 Іюля 1888 г. За это время, среднее количество грузовъ отправленныхъ съ Костромской станціи было 2150 пудовъ въ день; прибывшихъ на эту станцію грузовъ 1400 пуд. Отправляющіеся товары главнѣйше хлѣбные (вѣроятно преимущественно привозимые въ Кострому не изъ Костромской губ., а изъ другихъ мѣстностей), ленъ и мѣстныя мануфактурныя произведенія (преимущественно льняныя). Прибывавшіе въ Кострому грузы были главнѣйше разные предметы потребленія, не производимые въ Костромской губ. Ярославль и Москва были главные пункты, куда направлялись и откуда отправлялись всѣ грузы по этой дорогѣ. Весьма печально

для Костромской губерніи и также для доходности ея желѣзныхъ дорогъ, что обѣ онѣ останавливаются тупикомъ на Волгѣ, не переходятъ на ея лѣвый берегъ и не служатъ начальными линіями для соединенія крайняго сѣвера съ желѣзно-дорожною сѣтью и центральною Россіей. Этотъ вопросъ, возбуждавшійся прежде по поводу Шуйско-Иваново-Кинешемской линіи, теперь совсѣмъ позабытъ, хотя онъ и можетъ снова возникнуть въ будущемъ.

Переходимъ къ очерку *народнаго хозяйства* Костромской губ. Въ этой губ. можно найти всѣ роды и виды промышленной дѣятельности; но самые выдающіеся изъ нихъ и имѣющіе не одно только мѣстное, а всероссійское значеніе, вслѣдствіе вывоза ихъ продуктовъ въ другіе края, это лѣсные промыслы, льноводство, ткацкое производство (льняное и хлопчатобумажное), отчасти разныя кустарныя производства и разнородные отхожіе промыслы. Въ томъ же смыслѣ (т. е. по вывозу), въ торговлѣ господствуютъ лѣсъ, хлѣбъ и ленъ.

Земледѣліе *) составляетъ, какъ во всей Европейской Россіи, *главное* занятіе народонаселенія Костромской губ., въ томъ отношеніи, что оно распространено по всей губерніи, даже въ самыхъ фабричныхъ ея мѣстностяхъ, что надъ нимъ трудится наибольшее число рукъ низшаго класса и что въ немъ участвуютъ, за весьма немногими исключеніями, даже сельскіе жители, занятые другими промыслами (отхожими, лѣсными, фабричными и домашними кустарными) или ихъ семейства, и даже мѣщане въ нѣкоторыхъ городахъ. Но въ *качественномъ* отношеніи, земледѣліе находится здѣсь въ

*) Для земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства Костромской губ., см. Матеріялы для статистики Костромской губ., изд. Костромск. Губ. Статист. Ком. Вып. 3. 1875 (главнѣйше); Статистическій Временникъ Цент. Стат. Ком.; списки населенныхъ мѣстъ, Костромская губ. 1877 (общія свѣдѣнія о губерніи); *Пирогова*, Очеркъ земледѣльческой промышленности въ Костромской губ. (Сборникъ Гацискаго, 1875); *Вильсона*, Объясненія къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи, Спб. 1869; *Крживоблоцкаго*, Костромская губ. стр. 201—322.

такомъ же печальномъ положеніи, какъ во всей московской промышленной области (за исключеніемъ земледѣльческихъ частей Рязанской и Тульской губ.), и даже едва ли не въ худшемъ положеніи *), чѣмъ въ другихъ ея краяхъ. Нѣкоторое подтвержденіе этому мы находимъ въ томъ, что въ Костромской губ. приходится всего менѣе пахатной земли на все количество земли (20,3 дес. на 100 дес.) **) сравнительно со всею московскою областью, хотя этотъ фактъ имѣетъ и другую причину,—наибольшее здѣсь обиліе лѣсовъ. Это положеніе, подобно всей Московской области, еще значительно ухудшилось, послѣ освобожденія крестьянъ, съ сильнымъ сокращеніемъ помѣщичьихъ хозяйствъ, быстро возраставшимъ въ послѣдніе годы.

Помѣщичье хозяйство и прежде стояло, подобно большинству хозяйствъ, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, не высоко въ Костромской губ., но все-таки неизмѣримо выше крестьянскаго и было гораздо производительнѣе его. Въ сѣверо-западной полосѣ, гдѣ всего болѣе дворянскихъ имѣній, ихъ владѣльцы извлекали доходы преимущественно изъ высокихъ оброковъ, которые уплачивались черезъ отхожіе промыслы. Теперь помѣщичьи запашки составляютъ исключеніе, дѣлающееся болѣе и болѣе рѣдкимъ. Купцы, въ значительномъ количествѣ пріобрѣтающіе земли, сами мало занимаются ихъ воздѣлываніемъ, а отдаютъ ихъ большею частью въ аренду крестьянамъ. Поэтому, когда рѣчь идетъ о сельскомъ хозяйствѣ Костромской губ., надо имѣть въ виду *крестьянское хозяйство*. Экстенсивно оно сильно и быстро распространяется, черезъ покупку и наемъ земель, но интенсивно не

*) Согласно всѣмъ другимъ свѣдѣніямъ, намъ представляются мало заслуживающими довѣрія показанія карты, которая приложена къ обзору управленія Государств. Имуществами съ 1855 по 1880 г. На этой картѣ Костромская губ. поставлена по средней урожайности всѣхъ хлѣбовъ выше всѣхъ другихъ губерній Московской области (за исключеніемъ Рязанской), даже выше Тульской (?).

**) Статистичес. Временникъ, 1884 г.

дѣлаетъ ни малѣйшихъ успѣховъ. Главная причина этому никакъ не въ неплодородіи почвы и суровости климата, а преимущественно въ недостаткѣ капиталовъ, въ особенности скота, нужнаго для удобренія, и земледѣльческихъ, а также,— и вѣроятно всего болѣе, — въ знаніи другихъ крестьянскихъ промысловъ, которые гораздо болѣе прибыльны, когда условія природы таковы, что для выгодности земледѣлія требуются сильнѣйшія напряженія и затраты. Земледѣліе представляется костромскимъ крестьянамъ, хотя и всеобщимъ рутиннымъ ихъ занятіемъ, но какъ бы побочнымъ при ихъ промыслахъ, сосредоточивающихъ на себѣ все ихъ вниманіе, — при фабричныхъ и ремесленныхъ въ юго-западной полосѣ, отхожихъ въ сѣверо-западной и лѣсныхъ въ восточной. При дробности семействъ, вездѣ у насъ возрастающей отъ семейныхъ раздѣловъ, полевыми работами занимаются главнѣйше остающіеся дома, слабосильные члены семьи,—женщины, старики, дѣти,— а всѣ болѣе способные и рабочіе люди занимаются ими изрѣдка или на краткое время въ году. Тѣмъ не менѣе крестьяне съ жадностью закупаютъ земли, охотно распродаваемыя дворянами.

Характеръ земледѣлія въ Костромской губ. первобытный, сходный впрочемъ съ другими губерніями московской области; здѣсь однако тѣ же способы хозяйства находятся на еще болѣе низкой ступени и исключительныхъ болѣе усовершенствованныхъ земледѣльческихъ системъ еще менѣе, съ сокращеніемъ помѣщичьихъ запашекъ.

Воздѣлываются только самые грубые хлѣба: главнѣйше рожь, ячмень, овесъ, въ видѣ исключенія, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, яровая пшеница, и сверхъ всего этого въ большомъ количествѣ ленъ, о которомъ скажемъ еще ниже. Почти исключительно господствующая система сѣвооборотовъ трехпольная, какъ во всей средней Россіи. Плодоперемѣнная система встрѣчается въ видѣ рѣдкаго исключенія въ помѣщичьихъ хозяйствахъ; такихъ хозяйствъ насчитывалось въ 70-хъ годахъ

только 21 во всей губерніи, а теперь ихъ вѣроятно еще менѣе. Характеристическую особенность Костромской губ. составляетъ весьма распространенное въ ея лѣсныхъ краяхъ и напоминающее о самомъ первобытномъ земледѣліи *подсѣчное* хозяйство, т. е. сожиганіе лѣса подъ пашню. На такихъ подсѣкахъ (огнища, палы) засѣвается хлѣбъ 2—3 года безъ удобренія и потомъ онѣ покидаются на 15—20 лѣтъ, пока снова заростутъ лѣсомъ, или же онѣ удобряются и превращаются въ постоянныя поля. Подобныя же, посреди лѣсовъ, вдали отъ селеній, пашни засѣваются въ теченіи 2 — 3 лѣтъ на влажныхъ мѣстахъ, удобренныхъ одними сгнившими древесными листьями. На многихъ такихъ поляхъ и вообще въ расчищенныхъ среди лѣсовъ мѣстахъ, постоянно воздѣлываемыхъ возникаютъ постоянныя жилища, *починки*, мало по малу превращающіяся въ постоянныя поселенія и деревни. Таковъ былъ первоначальный ходъ колонизаціи въ лѣсной Россіи, продолжающійся здѣсь въ теченіи вѣковъ до сихъ поръ.

Урожайность хлѣбовъ весьма слабая отъ самъ 3 до 4 и рѣдко до 5 maximum озимой ржи и самъ 2 до самъ 3 яровыхъ посѣвовъ. Впрочемъ эта урожайность не ниже другихъ краевъ Московской области. Иначе и быть не можетъ при всѣхъ описанныхъ условіяхъ хозяйства. Поля весьма слабо удобряются вслѣдствіе недостатка скота; его такъ мало, что приблизительно насчитываютъ не болѣе двухъ крупныхъ головъ на десятину, когда нужно не менѣе четырехъ. Скотоводство въ плохомъ состояніи вслѣдствіе недостатка луговъ, отсутствія травосѣянія, и въ новѣйшее время, вслѣдствіе усилившагося льноводства, сокращающаго посѣвы овса.

Костромская губернія принадлежитъ къ тѣмъ нашимъ губерніямъ, которыя только на небольшомъ пространствѣ обезпечены своимъ собственнымъ хлѣбомъ. Изъ всѣхъ 736 сельскихъ приходовъ губерніи только около 76 или 10% продаютъ излишки своего хлѣба; 205 приходовъ (27%) обхо-

дятся своимъ собственнымъ хлѣбомъ; остальные 455 (62%) покупаютъ хлѣбъ для своего продовольствія, а изъ нихъ 132 (17%) имѣютъ своего хлѣба только на 1/4 года. Наиболѣе обезпеченное своимъ хлѣбомъ народонаселеніе находится въ сѣверо-западной полосѣ отхожихъ промысловъ, за нею слѣдуетъ восточная лѣсная полоса, и всего менѣе обезпечена юго-западная фабричная. Это распредѣленіе доказываетъ, что успѣхи земледѣлія всего болѣе зависятъ здѣсь не отъ природы, а отъ характера занятій жителей. Отхожіе промыслы хотя и отвлекаютъ отъ хлѣбопашества, но доставляютъ денежныя средства на насмъ рабочихъ и на скотоводство. Впрочемъ вся Костромская губернія никогда не терпитъ недостатка въ продовольствіи, такъ какъ хлѣба въ изобиліи привозится по Волгѣ изъ низовыхъ губерній.

Вслѣдствіе размноженія въ Костромской губерніи механическихъ льнопрядиленъ чрезвычайно распространилось въ ней, въ послѣднее 25-ти-лѣтіе, льноводство, которое составляетъ теперь важнѣйшую промышленную отрасль ея сельскаго хозяйства. Сперва эта культура существовала только на небольшомъ приволжскомъ пространствѣ, вблизи отъ льнопрядиленъ, въ Костромскомъ и Нерехотскомъ уѣздахъ, но въ новѣйшее время она стала проникать далеко во внутрь губерніи, на Сѣверо-Западъ, къ Буйскому уѣзду, и на Востокъ, въ уѣздахъ Кинешемскомъ, Юрьевецкомъ и Макарьевскомъ. Льноводство остается исключительно въ рукахъ крестьянъ, для которыхъ оно составляетъ теперь любимую отрасль земледѣлія. Она наиболѣе для нихъ прибыльна. Въ теченіи послѣдняго двадцати-пяти-лѣтія цѣны на ленъ, хотя и при множествѣ колебаній, въ общемъ результатѣ чрезвычайно возрасли. Уже въ 1875 г. исчисляли, что средній годовой доходъ костромскихъ крестьянъ отъ льна не менѣе 3 1/2 милліон. руб. Главнѣйшій сбытъ костромскаго льна въ Костромской губ.; незначительная часть продается въ сосѣдніе края. Достоинствомъ онъ уступаетъ лучшимъ русскимъ льнамъ, — псковскому, вологод-

скому, даже ярославскому. Хотя выдѣлка костромскаго льна нѣсколько улучшилась въ новѣйшее время, но все-таки весьма недостаточно. Отъ крестьянскаго хозяйства и нельзя ожидать большихъ техническихъ успѣховъ. Хуже всего то, что льноводство въ рукахъ крестьянъ, лишенное достаточнаго удобренія, сильно истощаетъ почву. Такимъ образомъ, наживая деньги на льнѣ, они живутъ на счетъ будущаго, на которомъ дурно отзовется нынѣшнее сильное развитіе льноводства.

Изъ числа другихъ сельско-хозяйственныхъ растеній, распространенныхъ въ Костромской губ., нужно упомянуть здѣсь только о *хмѣлѣ* (собственно въ юго-западной полосѣ). Онъ вывозится отсюда въ другія губерніи. Хмѣлеводство существуетъ изстари и какъ главное занятіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (какъ напр. въ Московской волости Костромскаго уѣзда).

Мы считаемъ нужнымъ говорить только о тѣхъ отрасляхъ народной дѣятельности и тѣхъ производствахъ, которыя имѣютъ *промышленный* характеръ, т. е. продукты которыхъ служатъ для продажи, а не для одного только домашняго потребленія. Въ этомъ смыслѣ, *огородничество*, хотя и повсемѣстно распространенное въ Костромской губ., какъ во всей Россіи, имѣетъ промышленное значеніе только въ двухъ мѣстностяхъ: въ заштатномъ г. Унжѣ въ Макарьевскомъ уѣздѣ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ селеніяхъ и въ особенности въ г. Галичѣ и прибрежныхъ на Галицкомъ озерѣ селеніяхъ. Галицкое огородничество, имѣющее нѣкоторую извѣстность, развилось вслѣдствіе превосходнаго удобрительнаго матерьяла, доставляемаго озеромъ по мѣстному выраженію «лывы» — черной земли, образующейся изъ перегнившей въ озерѣ травы. Здѣсь особенно славятся *огуречники*, для которыхъ придуманы своеобразныя мѣстныя приспособленія *).

*) См. подробнѣе въ матерьялахъ для статистики Костромской губ. Вып. III, стр. 33 и 125.

Въ сферѣ сельскаго хозяйства остается еще упомянуть о замѣчательномъ птицеводствѣ, — собственно объ *откармливаніи пѣтуховъ и куръ*,—преимущественно въ западной части Буйскаго уѣзда и также отчасти въ другихъ сосѣднихъ уѣздахъ. Занимающимся этимъ промысломъ крестьянамъ, которые имѣютъ для него особые пріемы, онъ даетъ весьма значительные прибыли. Въ наибольшихъ размѣрахъ онъ распространенъ въ деревнѣ Доръ (въ приходѣ Макарьевской пустыни) *). Когда встрѣчаешься то здѣсь, то тамъ съ подобными промыслами, неизмѣримо болѣе выгодными для народа, чѣмъ земледѣліе, то сожалѣешь, изумляешься, что они не гораздо болѣе у насъ распространены. Конечно, препятствіемъ къ этому служатъ не столько лѣнь, сколько малообразованность и рутина народа, и отсюда недостатокъ иниціативы и предпріимчивости.

Лѣсные промыслы **) Костромской губ. имѣютъ изъ всѣхъ занятій ея народонаселенія наибольшее значеніе для народнаго хозяйства Россіи. Хотя мы не можемъ подтвердить это цифрами, но кажется не подлежитъ сомнѣнію, что ни изъ какого другаго края (за исключеніемъ развѣ Финляндіи) не вывозится столько, какъ отсюда, во всѣ другія области Россіи и заграницу, лѣса и всякаго рода деревянныхъ издѣлій. Эта

*) См. мат. для стат. Костр. губ. вып. III стр. 59.

**) См. Списки населенныхъ мѣстъ, Костромская губ. 1877 (общія свѣдѣнія о губерніи. стр. XXXI—XXXVII). Тутъ сдѣлана превосходная характеристика лѣсныхъ промысловъ Костромской губ. и экономическихъ условій ихъ развитія. Этимъ трудомъ мы всего болѣе пользуемся для нашего изложенія. — См. также: *Побѣдоносцева и Бабста*, Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича, Москва, 1864, стр. 132 — 135. Труды Коммиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности. Вып. IX, Спб. 1883 (*Сахарова*, производство деревянныхъ ковшей; *Медіокритскаго*, Рогожный промыселъ, крашеніе посуды и проч.). *Поспѣлова*, Козмодемьянскій лѣсной рынокъ (матерьялы для статистики Костромской губ., Вып. VI, 1884). *Вильсона*, Объясненія къ Хозяйственно-Статистическому Атласу, Спб. 1869. Гл. XII. *Крживоболоцкаго*, Костромская губ., стр. 249 и 392. Стат. Временникъ, 1872, Т. II, Вып. 3 (Костромская губ.). *Рожновскаго*, Лѣсохозяйственные очерки Костромской губ. (Лѣсной Журналъ, 1872, Вып. 1, 2 и 4). Губернаторскій отчетъ за 1885 г.

промышленность сосредоточена преимущественно въ восточной лѣсной полосѣ,—въ уѣздахъ Кологривскомъ, Макарьевскомъ, Варнавинскомъ, и въ особенности Ветлужскомъ, но она распространена также и въ юго-западной полосѣ (преимущественно производство обдѣланныхъ деревянныхъ издѣлій). Въ Костромской губ. производятся всѣ безъ изъятія роды лѣсныхъ и деревянныхъ продуктовъ,—отъ самыхъ первоначальныхъ,—дровъ и строительныхъ матерьяловъ,—до окончательно обработанныхъ мелкихъ деревянныхъ вещей домашняго обихода, занимающихъ собою кустарную крестьянскую промышленность. Вся сфера этой народной дѣятельности въ Костромской губ.,—въ особенности въ восточной лѣсной ея полосѣ,—имѣетъ много своеобразныхъ характеристическихъ чертъ, какъ въ экономическомъ, такъ и въ бытовомъ отношеніи. Это едва ли не самая интересная, исключительно принадлежащая Костромской губ., сторона ея народной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, она и самая печальная въ экономическомъ отношеніи. Мы можемъ только весьма бѣгло коснуться ея здѣсь, отсылая желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ къ сочиненіямъ, указаннымъ выше въ примѣчаніи. Мы лично не изслѣдовали этой промышленности *) и намъ пришлось бы только повторять сообщенное другими, если бы мы захотѣли входить въ подробности. Впрочемъ, находясь, во время нашихъ поѣздокъ вблизи отъ лѣсной полосы Костромской губ., мы и лично собрали по этому предмету нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя будутъ сообщены ниже.

Важнѣйшія отдѣльныя отрасли производствъ и издѣлій, принадлежащихъ здѣсь къ этой промышленности, заключаются въ слѣдующемъ: 1) выработка (вырубка) и сплавъ лѣса (бре-

*) Лѣсная промышленность, какъ и лѣсная полоса Костромской губ. не входятъ прямо въ кругъ настоящаго нашего труда, такъ какъ эта часть Костромской губ. не принадлежитъ къ Московской промышленной области (какъ мы и очертили въ началѣ нашего сочиненія), а относится къ сѣверной лѣсной области Россіи.

венъ); 2) постройка и сплавъ судовъ; 3) производство дегтя и смолы; 4) производства изъ мочалы и лыка; и 5) разныя мелкія деревянныя издѣлія или такъ называемый *щепной* товаръ.

Производства, упомянутыя въ трехъ первыхъ пунктахъ, *въ особенности въ двухъ первыхъ*, занимаютъ наибольшее число рукъ; такъ напр. вырубкою лѣса, судостроеніемъ и сплавомъ занято сплошь все взрослое мужское народонаселеніе въ пріунженскихъ волостяхъ Кологривскаго уѣзда. Сплавъ лѣсныхъ матерьяловъ и судовъ къ Волгѣ и по Волгѣ къ краямъ нуждающимся въ лѣсѣ (преимущественно къ низововымъ приволжскимъ, до Астрахани) производится черезъ многочисленныя рѣки Костромской губ., главнѣйше черезъ Унжу и Ветлугу. Эти два производства,—вырубка и сплавъ лѣса и судостроеніе и сплавъ судовъ,—представляются здѣсь въ хаотическомъ состояніи, какъ въ экономическомъ, такъ и въ техническомъ отношеніи *). Едва можно повѣрить, чтобы подобное состояніе промышленности, вблизи отъ значительныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, въ одной изъ центральныхъ нашихъ губерній, хотя бы и на ея окраинѣ, могло продолжаться до нашихъ дней.

Эти производства, при первобытности своихъ формъ, страдаютъ экономическою неурядицею, какъ въ организаціи работы, такъ и въ торговлѣ ихъ продуктами. Для вырубки лѣса, судостроенія и сплава лѣсовладѣльцы и преимущественно купцы-лѣсопромышленники, покупающіе у первыхъ право вырубки лѣса и господствующіе въ этомъ дѣлѣ (въ числѣ весьма немногихъ лицъ) нанимаютъ артели крестьянъ. Они берутъ на себя всѣ эти операціи включительно съ доставкою лѣса и судовъ къ волжскимъ пристанямъ. Артели

*) Здѣсь мы можемъ указать только на сущность печальнаго положенія этой промышленности, интересныя подробности можно найти въ упомянутыхъ выше источникахъ.

получаютъ вознагражденіе за трудъ или опредѣленною денежною платою (столько-то съ бревна) или исполу (такое-то количество изъ вырубленныхъ бревенъ, за которое они все-таки получаютъ отъ хозяина деньгами при окончательномъ расчетѣ). Вырубка производится самымъ чудовищнымъ образомъ: на указанной рабочимъ лѣсной площади, они выбираютъ дерева опредѣленной величины. При этомъ огромное количество лѣса пропадаетъ даромъ. Прежде чѣмъ вырубить нужное имъ дерево, рабочіе обкакуютъ нѣсколько рослыхъ деревъ, нанося имъ глубокія раны топоромъ, окончательно ихъ уничтожающія. Часто поваленныя дерева оказываются негодными (напр. на верху не тѣхъ размѣровъ какіе нужно) и ихъ оставляютъ въ лѣсу на сгніеніе. Рубка и доставка къ рѣкамъ продолжаются съ Сентября до Марта, а послѣ этого начинаются судостроеніе и сплавъ. Очевидно, что при такомъ хищническомъ порядкѣ хозяйства, который мы можемъ описать здѣсь только нѣкоторыми чертами, лѣсовладѣльцы пользуются не доходомъ отъ лѣса, а капиталомъ, быстро разрушаемымъ на всегда. Лѣсъ, срубаемый описанными безобразными способами, никогда не выростаетъ вновь на тѣхъ-же мѣстахъ. По вычисленіямъ одного изъ лѣсничихъ, въ Кологривскомъ напр. уѣздѣ ежегодно уничтожается въ десятеро болѣе лѣса, чѣмъ бы возможно было при правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ. Въ Ветлужскомъ уѣздѣ, самомъ лѣсномъ, по показаніямъ свѣдущаго лица, лѣсъ сохраняется въ порядкѣ только у 5—6 владѣльцевъ. *)

Истребляя лѣса, это хищническое хозяйство не выгодно и для рабочихъ. Средній заработокъ отъ заготовки лѣса, на крестьянина съ лошадью, составляетъ за зиму отъ 35 до 50 р. Эти деньги идутъ на прокормленіе и уплату податей; чистаго заработка почти не остается. Крестьяне, забирая

*) См. Списки населенныхъ мѣстностей, Костромская губ., стр. XXXII—XXXIV.

впередъ у лѣсопромышленниковъ, находятся постоянно въ долгу у нихъ. Всего болѣе страдаютъ рабочіе, которые получаютъ вознагражденіе «исполу» (испольщики), такъ какъ цѣны на лѣсъ весьма шатки на главномъ его рынкѣ, въ г. Козмодемьянскѣ, и отъ того размѣръ вознагражденія случаенъ и на передъ не извѣстенъ. Испольщина—преобладающая система вознагражденія. Сверхъ того, крестьяне лишаются навоза, разбрасываемаго въ лѣсахъ, и терпятъ отъ этого въ своемъ земледѣліи. Между рабочими и лѣсопромышленниками происходятъ постоянныя пререканія часто переходящія на судебное разбирательство; недобросовѣстными нарушеніями условій отличаются обѣ стороны. Самостоятельныя рабочія артели, т. е. такія, которыя берутъ на себя, за свой счетъ, всѣ лѣсныя операціи у лѣсовладѣльцевъ, до продажи лѣса включительно, составляютъ крайне рѣдкое исключеніе. По мнѣнію иныхъ, развитіе самостоятельныхъ артелей рабочихъ могло бы много улучшить положеніе дѣла, и потому въ Костромскомъ земствѣ возникала въ 70-хъ гг. мысль о содѣйствіи устройству такихъ артелей, съ организаціей для нихъ кредита на счетъ земства. Но едва-ли такая искусственная мѣра могла бы исправить безпорядочное хозяйство въ его корнѣ, и быть много полезна для самихъ рабочихъ. Даже и испольныя артели, въ которыхъ рабочіе гораздо болѣе самостоятельны относительно лѣсопромышленниковъ, чѣмъ въ артеляхъ, нанимающихся за опредѣленную денежную плату, гораздо хуже обезпечиваютъ интересы рабочихъ, чѣмъ этотъ послѣдній порядокъ ихъ найма, — какъ упомянуто выше.

Въ столько-же плачевномъ положеніи находится и лѣсная торговля: ея неправильный ходъ значительно обусловленъ описаннымъ хищническимъ способомъ лѣснаго хозяйства и неурядицею въ организаціи работы по вырубкѣ и сплаву лѣса, но съ другой стороны и эта неурядица и истекающіе изъ нея плохіе заработки рабочихъ также обусловлены неправильностями торговли. Главный рынокъ, на который собираются лѣсъ и суда

изъ Восточнаго края Костромской губ., это г. Козмодемьянскъ (Казанской губ., на лѣвомъ берегу Волги, 7 верстъ ниже устья Ветлуги). Это вѣроятно самый обширный лѣсной рынокъ въ Россіи. Тутъ происходитъ, въ началѣ лѣта настоящая лѣсная ярмарка, на которой устанавливаются, на наступающій годъ, цѣны лѣса и лѣсныхъ матерьяловъ, господствующія во всей восточной и юговосточной Россіи... *). Изъ Козмодемьянска снабжаются лѣсомъ нижнеприволжскіе безлѣсные края, преимущественно низовья Волги и Астраханская губ. Цѣны на Козмодемьянскомъ рынкѣ совершенно *случайны* вслѣдствіе случайныхъ отношеній спроса и предложенія; обѣ стороны нисколько не соображаются одна съ другою. Спросъ, т. е., количество товара, требуемое лѣсопромышленниками закупающими для низовыхъ губерній, зависитъ отъ бо̀льшаго или меньшаго урожая хлѣба въ этихъ краяхъ въ предыдущемъ году и отъ видовъ на будущій урожай, обозначающихся во время Козмодемьянской ярмарки. Извѣстно, что спросъ нашихъ земледѣльческихъ краевъ на всякій товаръ обусловленъ всего болѣе тѣмъ или другимъ урожаемъ, отъ котораго зависятъ всѣ ихъ денежныя средства. Количество предложенія или лѣса, пригнаннаго на рынокъ лѣсовладѣльцами Костромской губ. опредѣляется единственно ихъ *нуждою* въ деньгахъ и ихъ бо̀льшимъ или меньшимъ расположеніемъ беззаботно уничтожать лѣсъ для удовлетворенія этой нужды. Лѣсовладѣльцы, систематически вырубающіе опредѣленные участки лѣса сообразно съ его зрѣлостью приростомъ, составляютъ крайне рѣдкое исключеніе. Нужда въ деньгахъ, постоянно угнетающая громадное большинство того общественнаго класса (цомѣщиковъ—дворянъ), къ которому принадлежатъ бо̀льшею частью лѣсовладѣльцы, есть факторъ весьма *смутный*, зависящій отъ всякихъ личныхъ случайныхъ обстоятельствъ, — часто отъ при-

*) См. между прочимъ *Постѣлова*, Козьмодемьянскій лѣсной рынокъ (Матерьялы для статистики Костромской губ., Вып. VI).

хоти, даже мгновенной. Нужда въ деньгахъ каждой отдѣльной личности и вызывающіе ея расходы опредѣляются тутъ возможностью покрытія ихъ посредствомъ оставшихся на лицо лѣсныхъ запасовъ, а не на оборотъ. Этимъ пользуются лѣсопромышленники—купцы, которые ведутъ свое дѣло только въ томъ смыслѣ систематически, что не упускаютъ никакого случая закупить лѣсъ возможно дешевле и возможно больше. Во всякомъ случаѣ, количество лѣса, ежегодно прибывающее на Козмодемьянскій рынокъ, нисколько не бываетъ соображено съ вѣроятнымъ на него спросомъ и продается, во что бы то ни стало, по цѣнамъ, какія будутъ назначены покупщиками; продавцамъ ничего другого не остается дѣлать съ лѣсомъ, какъ продать его, хотя бы въ крайній убытокъ. Большею частью, въ послѣдніе годы предложеніе лѣса превосходитъ здѣсь спросъ.

Мы могли ближе ознакомиться съ этимъ явленіемъ, во время поѣздки нашей въ 1887 г. по Владимірской, Нижегородской и Костромской губ., по рѣкамъ Клязьмѣ, Окѣ, Волгѣ и Унжѣ (до Макарьева). Мы были поражены паденіемъ цѣнъ на лѣсъ и лѣсные матерьялы, въ послѣдніе годы, во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, главнѣйше подъ вліяніемъ лѣсныхъ запасовъ, доставляемыхъ изъ лѣснаго края Костромской губ. *). Отчасти это паденіе цѣнъ произошло и отъ усилившейся продажи лѣсовъ въ восточной приклязьменской и приокской части Владимірской губ. Это удешевленіе лѣса должно по истинѣ назвать чудовищнымъ въ экономическомъ отношеніи: оно происходитъ въ то самое время, когда со всѣхъ сторонъ раздаются вопли противъ истощенія лѣсныхъ богатствъ Россіи и къ тому-же въ краяхъ, въ которыхъ спросъ на горючій и строительные матерьялы постоянно возрастаетъ, вслѣдствіе развитія фабричной промышленности; увеличившееся потреб-

*) Мы тогда-же писали объ этомъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ (№ 247, Дорожныя письма).

леніе другихъ горючихъ матерьяловъ,—торфа, каменнаго угля, нефти, — на которое указываютъ и которое еще слишкомъ ничтожно, не объясняетъ этого явленія; всего болѣе оно объясняется нашимъ хищническимъ лѣснымъ хозяйствомъ и отчасти неправильностями торговли, эксплоатирующей невѣжество и безхозяйственность лѣсовладѣльцевъ.

И сколько въ нашемъ народномъ хозяйствѣ подобныхъ случаевъ противуэкономическаго истребленія естественныхъ богатствъ, въ которыхъ ихъ владѣльцы, непроизводительно истрачивая унаслѣдованныя состоянія, ищутъ причинъ своего раззоренія и пороковъ своего хозяйства въ разныхъ независящихъ отъ ихъ воли обстоятельствахъ, взываютъ къ мѣрамъ помощи со стороны правительства и не хотятъ видѣть, что всѣ пороки и все ихъ исцѣленіе зависятъ только отъ нихъ самихъ.

Приложеніе I.

НАБЛЮДЕНІЯ И СООБРАЖЕНІЯ В. П. БЕЗОБРАЗОВА ОТНОСИТЕЛЬНО ДѢЙСТВІЯ НОВЫХЪ ФАБРИЧНЫХЪ УЗАКОНЕНІЙ И ФАБРИЧНОЙ ИНСПЕКЦІИ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Слѣдующія законодательныя постановленія, изданныя въ послѣдніе годы и перечисляемыя нами въ хронологическомъ порядкѣ ихъ изданія, значительно измѣнили въ Россіи условія труда на фабрикахъ и заводахъ, отношенія ихъ владѣльцевъ къ рабочимъ и отношенія закона и правительственныхъ властей къ фабрикантамъ и заводчикамъ, къ рабочимъ и вообще къ промышленному міру:

1) Законъ (Высоч. утвержд. Мнѣніе Государственнаго Совѣта) 1 Іюня 1882 г. *о малолѣтнихъ, работающихъ на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ* (для всей Имперіи), приведенный въ дѣйствіе съ 1 мая 1884 г. (послѣ отсрочки, опредѣленной Выс. утв. 13 Апрѣля 1883 г. Мнѣніемъ Гос. Сов.).

Этимъ-же закономъ, кромѣ установленія ограниченій и правилъ для работы малолѣтнихъ, учреждена (во всей евро-

пейской Россіи) *) для надзора за ихъ исполненіемъ особая (фабричная) инспекція въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ (по Департаменту Торговли и Мануфактуръ).

2) Законъ 12 Іюня 1884 (Выс. утв. Мнѣніе Гос. Сов.) *о школьномъ обученіи малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ, о продолжительности ихъ работы и о фабричной инспекціи.*

Этимъ закономъ дополнены и ближе разъяснены (отчасти и нѣсколько измѣнены въ подробностяхъ) постановленія предыдущаго закона 1 Іюня 1882 г.

3) Правила, составленныя въ 1884 г. Министромъ Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и допускающія нѣкоторыя отступленія отъ предыдущихъ постановленій о работѣ малолѣтнихъ **).

Эти правила, хотя и изданы не законодательнымъ, а административнымъ порядкомъ, но на составленіе ихъ Министры Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ были уполномочены закономъ 2 Іюня 1882 г., они были обнародованы Правительствующимъ Сенатомъ въ собраніи узаконеній и распоряженій правительства и получили обязательную силу закона.

Высочайше утвержденнымъ Положеніемъ Комитета Министровъ дѣйствіе тѣхъ изъ этихъ правилъ которыя были изданы, въ видѣ временной мѣры (первоначально на два года), о допущеніи на нѣкоторыхъ производствахъ дневной работы малолѣтнихъ прежде тутъ находившихся отъ 10 до 12 лѣтъ и ночной работы отъ 12 до 15 л. (см. предыду-

---

*) Кромѣ губ. Бессарабской и Таврической, гдѣ обязанности этой инспекціи возложены на окружнаго инженера юго-западнаго горнаго округа.

**) Сюда принадлежатъ составленные, въ видѣ исключенія изъ закона 1 Іюня 1882 г. и временной мѣры на два года списки: 1) производствъ, при которыхъ допускается дневная работа *прежде на фабрикахъ находившихся* малолѣтнихъ отъ 10 до 12 лѣтъ, и 2) производствъ, при которыхъ допускается ночная работа малолѣтнихъ отъ 12 до 15 лѣтъ, и 3) списокъ производствъ и отдѣльныхъ операцій, при которыхъ *безусловно* (и на неограниченное время) воспрещается работа малолѣтнихъ до 15 лѣтняго возраста.

щее подстрочное примѣчаніе) и о допущеніи 6-ти часовой *непрерывной* работы малолѣтнихъ отъ 12 до 15 лѣтъ, при извѣстныхъ условіяхъ,—продолжено до 1 Октября 1888 г.

4) Утвержденныя (19 Декабря 1884 г.), на основаніи вышеупомянутаго закона 2 Іюня 1882 г. (отд. II, ст. 5), Министромъ Финансовъ, по соглашеніи съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и обнародованныя Правительствующимъ Сенатомъ *инструкція* чинамъ инспекціи по надзору за исполненіемъ постановленій о *малолѣтнихъ*, работающихъ на фабрикахъ, заводахъ и мануфактурахъ и *правила* относительно исполненія сихъ постановленій владѣльцами этихъ заведеній, а также управляющими или завѣдывающими ими.

5) Законъ 3 Іюня 1885 г. (Высоч. утвержд. Мнѣніе Госуд. Сов.) о воспрещеніи для *женщинъ* и *подростковъ*, не достигшихъ 17 лѣтняго возраста, *ночныхъ работъ* на хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ (въ видѣ опыта на 3 года).

Закономъ этимъ было предоставлено Министру Финансовъ, по соглашеніи съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, распространить его дѣйствіе и на другія промышленныя заведенія. Этимъ порядкомъ оно было распространено въ 1886 г. на фабрики льнопрядильныя, льнотрепальныя и изготовляющія смѣшанныя ткани (это распоряженіе обнародовано Правительствующимъ Сенатомъ въ собраніи узаконеній).

6) Законъ 3 Іюня 1886 г. *о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы* (Высоч. утв. Мнѣніе Гос. Сов.), изданный взамѣнъ третьей Главы, II Раздѣла Устава о промышленности фабричной и заводской (озаглавленной такъ: «объ отношеніяхъ между хозяевами фабричныхъ заведеній и работающихъ на оныхъ по найму), ст. 50—60 Св. Зак. XI (изд. 1876).

7) Правила о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ, узаконенныя 3 Іюня 1886 г. (предыдущимъ Выс.

утв. Мнѣніемъ Госуд. Сов.) *для трехъ губерній*,—С.-Петербургской, Московской и Владимірской.

Этими правилами, введенными въ дѣйствіе съ 1 Октября 1886 г., всѣ предыдущія узаконенія болѣе подробно опредѣлены и отчасти дополнены, и также расширены права надзора и власть фабричной инспекціи, въ упомянутыхъ трехъ губерніяхъ, отличающихся наиболѣе сильнымъ развитіемъ фабричной промышленности *). Этими же правилами учреждены въ этихъ трехъ губерніяхъ высшіе губернскіе органы фабричной администраціи, — *Губернскія по фабричнымъ дѣламъ Присутствія*, — и усилено число чиновъ мѣстной инспекціи.

Всѣ перечисленныя узаконенія сосредоточены главнѣйше на трехъ предметахъ: 1) На взаимныхъ отношеніяхъ,—правахъ и обязанностяхъ,—хозяевъ промышленныхъ заведеній и работающихъ на нихъ по найму людей; 2) На работѣ малолѣтнихъ и женщинъ въ этихъ заведеніяхъ; и 3) На правахъ и обязанностяхъ совсѣмъ новыхъ у насъ органовъ государственной администраціи,—чиновъ фабричной инспекціи.

Всѣ эти узаконенія и разныя истекшія изъ нихъ административныя распоряженія центральныхъ и мѣстныхъ властей значительно измѣнили, во многихъ существенныхъ отношеніяхъ, условія жизни нашей *фабричной и заводской* ***) или вообще обрабатывающей промышленности и внутренней организаціи нашихъ промышленныхъ заведеній, въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ (собственно двухъ лѣтъ, съ 1885 г., когда эти узаконенія окончательно приведены въ силу посредствомъ вступившей въ дѣйствіе фабричной инспекціи ***).

---

*) С.-Петербургская губ. отличается этимъ развитіемъ собственно только по С.-Петербургскому уѣзду.

**) См. ниже объ этихъ выраженіяхъ.

***) Всего рѣзче было дѣйствіе новыхъ порядковъ въ теченіе 1887 года,—съ 21 Октября 1886 г., когда были введены упомянутыя выше правила для трехъ губерній.

Эти узаконенія и эти новыя административныя учрежденія произвели въ многочисленномъ кругу владѣльцевъ и распорядителей нашихъ промышленныхъ заведеній, нѣкоторый *переполохъ*, ощущенія котораго были тѣмъ болѣе для нихъ непріятны и не совсѣмъ выгодны для хода промышленности, что введеніе новыхъ порядковъ и учрежденій совпало съ кризисомъ или лучше съ застоемъ, угнетавшимъ въ послѣдніе годы многія важнѣйшія отрасли нашего народнаго хозяйства и производства.

Къ этому застою, сократившему производство на многихъ крупнѣйшихъ нашихъ промышленныхъ заведеніяхъ, присоединились, непріятнымъ для фабрикантовъ образомъ, замѣшательства и недоумѣнія, произшедшія отъ примѣненія къ мало подготовленной общественной средѣ (какъ промышленныхъ хозяевъ, такъ и рабочихъ) новыхъ фабричныхъ законовъ, которые круто ограничили, сравнительно съ прежними нашими порядками, работу малолѣтнихъ, несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, и сверхъ того ввели совсѣмъ не извѣстную у насъ прежде административную реглементацію производства на фабрикахъ и заводахъ и правительственный надъ ними надзоръ, прежде также у насъ неизвѣстный. Однако, съ другой стороны, это *совпаденіе* (по всей вѣроятности случайное и не предусмотрѣнное) двухъ явленій въ промышленномъ мірѣ, хотя и совершенно разнородныхъ, но *временно* повліявшихъ на промышленную дѣятельность въ одномъ и томъ-же направленіи,—т. е., къ сокращенію производства *),—было въ извѣстномъ отношеніи благопріятно для введенія новыхъ порядковъ и для ослабленія впечатлѣній, произведенныхъ ими въ нашей промышленной средѣ (какъ мы это лично видѣли

*) Только въ 1887 г., какъ это положительно засвидѣтельствовала нижегородская ярмарка этого года, наше фабричное и заводское производство по большей части своихъ отраслей и внутренняя торговля нашими товарами нѣсколько оживились послѣ замедленія и застоя въ сбытахъ послѣднихъ лѣтъ (съ 1883 г.).

во время нашего путешествія по подмосковнымъ губерніямъ и фабрикамъ въ 1886 г., во время застоя).

Во первыхъ, промышленныя обстоятельства времени (въ 1885 и 1886 гг.) требовали по многимъ отраслямъ промышленности сокращенія производства, для *пользы самихъ-же фабрикантовъ*; поводомъ и толчкомъ въ этомъ направленіи послужило дѣйствіе новыхъ фабричныхъ законовъ, которые, вслѣдствіе необходимости кореннаго измѣненія порядка фабричной работы, на первое время, вынуждали къ ограниченію производства. Такъ, напр. вслѣдствіе воспрещенія закономъ 3 Іюня 1885 г. ночной работы не только малолѣтнихъ, но и подростковъ (до 17 лѣтняго возраста) и женщинъ въ обширной области промышленности прядильныхъ веществъ, и вслѣдствіе затруднительности быстрой замѣны ихъ совершеннолѣтними мущинами, въ 1886 г., была вовсе прекращена ночная работа почти на всѣхъ крупныхъ мануфактурахъ въ подмосковныхъ губерніяхъ. Если-бы въ 1886 г. ходъ промышленныхъ дѣлъ былъ боекъ, то ночная работа, на дозволенныхъ законами условіяхъ, не прекратилась бы. Послѣ оживленія спросовъ и торговли, показавшагося въ 1887 году, многіе фабриканты уже помышляли о возобновленіи ночной работы. Тоже самое можно сказать и объ увольненіи многими фабриками всѣхъ малолѣтнихъ, для избѣжанія стѣснительнаго для нихъ надзора со стороны фабричной инспекціи.

Во вторыхъ, промышленный застой послѣднихъ лѣтъ значительно парализировалъ раздраженіе рабочихъ противъ новыхъ фабричныхъ законовъ; это раздраженіе, хотя и несравненно меньшее, чѣмъ между хозяевами промышленныхъ заведеній, все таки обнаружилось во многихъ фабричныхъ мѣстностяхъ вслѣдствіе уменьшенія заработковъ отъ ограниченія работы несовершеннолѣтнихъ и женщинъ (какъ мы сами это лично видѣли въ 1886 году, напр. въ кругу безпокойнаго рабочаго народонаселенія Иванова-Вознесенска Владимірской губ.). Причину этого уменьшенія заработ-

ковъ, — *весьма чувствительнаго для многочисленныхъ семействъ*, — рабочій классъ видѣлъ главнѣйше (и въ этомъ онъ былъ отчасти правъ) въ промышленныхъ обстоятельствахъ времени, т. е., въ застоѣ торговли, а не въ новыхъ законахъ. Впрочемъ, по наблюденіямъ и вычисленіямъ фабричныхъ инспекторовъ, заработки несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, *въ общей сложности*, уменьшились никакъ не пропорціонально сокращенію количества рабочихъ часовъ и работы, а въ гораздо меньшей мѣрѣ; или, другими словами, вознагражденіе за тоже количество работы увеличилось. Произошло это, *во первыхъ*, вслѣдствіе произведеннаго новыми законами принудительнаго уменьшенія предложенія рабочихъ рукъ дѣтей и женщинъ. Почти всѣ фабриканты, которые не хотѣли дальнѣйшаго сокращенія своего производства нѣсколько возвысили рабочія платы, дѣтей и женщинъ или сохранили имъ прежніе заработки при меньшемъ количествѣ работы, чтобъ избѣгнуть еще болѣе убыточной для фабрикъ замѣны малолѣтнихъ и женщинъ взрослыми мущинами. *Во вторыхъ*, уменьшеніе числа рабочихъ часовъ сопровождалось большимъ напряженіемъ силъ работающихъ и усиленіемъ производительности ихъ труда, такъ что при задѣльной платѣ, ихъ заработки остались тѣже, даже когда размѣры платы не были возвышены. Къ сожалѣнію, рабочіе, ни во что не цѣнятъ уменьшеніе напряженія силъ ихъ дѣтей и женъ; и это не въ одной Россіи. Поэтому, новѣйшими ограниченіями собственно работы малолѣтнихъ и женщинъ самъ рабочій классъ былъ еще болѣе не доволенъ, чѣмъ фабриканты.

Въ большей или меньшей степени всѣ упомянутыя выше явленія замѣчались повсемѣстно и въ Западной Европѣ, гдѣ новые фабричные законы и фабричная инспекція вводились, въ послѣдніе годы, также посреди застоя торговли и промышленности.

Впрочемъ, при общемъ духѣ смиренія и покорности нашего рабочаго класса велѣніямъ закона и власти и также

при очевидномъ даже для невѣжественныхъ людей общемъ направленіи новыхъ законовъ и дѣятельности ихъ исполнительныхъ органовъ къ улучшенію быта рабочихъ, новые порядки во всей своей совокупности вызвали въ ихъ средѣ все таки гораздо менѣе шумливаго неудовольствія, чѣмъ въ кругу хозяевъ и распорядителей фабрикъ и заводовъ, и также гораздо менѣе, чѣмъ между рабочими въ западной Европѣ. Нѣкоторыя замѣшательства, произшедшія у насъ между рабочими при введеніи новыхъ порядковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и причинившія нѣсколько прискорбныхъ случаевъ безпорядковъ (см. ниже) возникли исключительно изъ недоразумѣній и непониманія со стороны рабочаго люда, и не возбудили систематическаго неповиновенія собственно властямъ, а произвели только столкновенія рабочихъ съ хозяевами.

Въ кругу владѣльцевъ нашихъ промышленныхъ заведеній, завѣдующихъ ими, управляющихъ и всѣхъ старшихъ должностныхъ лицъ, новыя законодательныя и административныя распоряженія по фабричной части вызвали много неудовольствія и даже ропота. При нашихъ объѣздахъ фабричныхъ мѣстностей, въ послѣдніе годы, мы слышали, въ этомъ кругу, за весьма немногими исключеніями, только болѣе или менѣе горькія жалобы на новые порядки. Эти жалобы приходилось намъ слышать даже со стороны самыхъ добросовѣстныхъ хозяевъ и распорядителей, даже со стороны такихъ, которыхъ всѣ усилія, до введенія новыхъ законовъ, были направлены къ заботамъ о возможно большемъ улучшеніи условій труда и быта рабочихъ и къ устройству для этого разныхъ учрежденій (больницъ, школъ, богадѣленъ, вспомогательныхъ кассъ, и проч.); недовольны и раздражены новыми порядками даже и тѣ, которые гораздо ранѣе старались добровольно ввести у себя сущность новѣйшихъ требованій законовъ и администраціи. Это неудовольствіе заявило бы себя еще гораздо сильнѣе и громче, если бы духъ

смиренія и повиновенія законамъ и властямъ и осторожность въ жалобахъ не господствовали вообще въ нашемъ обществѣ и въ особенности въ коммерческомъ классѣ. Впрочемъ, случались и довольно рѣзкія заявленія фабрикантовъ и настоятельныя ихъ ходатайства передъ властями о пересмотрѣ новыхъ законовъ. Изо всего этого настроенія фабрикантской среды есть однако исключенія; ихъ хотя, по нашимъ личнымъ наблюденіямъ и не много, но объ нихъ нельзя не упомянуть. На нѣкоторыхъ крупныхъ мануфактурахъ, дѣйствующихъ при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и другія, мы не слыхали ни малѣйшихъ жалобъ на новые порядки; напротивъ, ихъ распорядители говорили, что не находятъ никакихъ для себя неудобствъ и стѣсненій сравнительно съ прежнимъ временемъ. Нужно впрочемъ замѣтить здѣсь, что часто при первыхъ распросахъ,—при томъ характерѣ нашего общества, о которомъ мы говорили выше, — фабриканты не заявляли ни какого неудовольствія, а затѣмъ, въ дальнѣйшихъ, болѣе откровенныхъ, разговорахъ, оказывались весьма недовольными. Однако, мы встрѣтились и съ такими немногими фабрикантами, которые совершенно искренно довольны новыми порядками. Вообще рѣзко отличаются въ этомъ отношеніи губерніи (Московская и Владимірская), въ которыхъ введены «Правила 3 Іюня 1886 г. о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ» (см. выше въ перечнѣ узаконеній пунктъ 7), отъ губерній, въ которыхъ эти правила еще не дѣйствуютъ (каковы напр. изъ посѣщенныхъ нами недавно Костромская и Тверская). Эти правила гораздо строже и подробнѣе реглементируютъ постановленія общихъ для всей Имперіи новыхъ фабричныхъ законовъ, значительно распространяютъ кругъ обязанностей владѣльцевъ фабрикъ и завѣдывающихъ ими и ихъ отвѣтственность по отношенію къ рабочимъ передъ закономъ и правительствомъ и расширяютъ права административной, и къ тому-же *личной* и *внѣсудебной*

власти всѣхъ представителей и инстанцій фабричной инспекціи (какъ это будетъ объяснено ниже), сравнительно съ другими губерніями). Въ первомъ разрядѣ губерній замѣчается несравненно болѣе неудовольствія противъ новыхъ порядковъ, чѣмъ во второмъ. Положительное раздраженіе и ропотъ можно найти только въ первомъ разрядѣ губерній. Съ вышеупомянутыми исключительными случаями отсутствія всякаго неудовольствія мы встрѣтились только въ губерніяхъ второго разряда.

Спѣшимъ оговориться противъ одного недоразумѣнія, которое могло бы быть внушено всѣмъ выше нами сказаннымъ. Изъ того, что мы сочли нашею обязанностью свидѣтельствовать о фактѣ раздраженія въ фабричномъ мірѣ противъ новыхъ фабричныхъ постановленій и распоряженій никакъ не слѣдуетъ заключать, что мы лично безусловно сочувствуемъ этому факту во всей его *общности*. Общая и главная задача нашего новаго фабричнаго законодательства весьма возвышенна и современна, т. е., согласна съ общимъ направленіемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, по промышленной части, во всѣхъ другихъ образованныхъ государствахъ; сверхъ того, эта задача поставлена правительствомъ для устраненія многихъ вредныхъ для народа, для его благосостоянія и нравственности золъ нашей фрабричной жизни. Поэтому сущности этого законодательства и новыхъ административныхъ учрежденій, не можетъ не сочувствовать каждый просвѣщенный русскій человѣкъ *). Новые фабричные законы и учрежденія почти впервые внесли у насъ *начало права* въ ту область общественныхъ отношеній, гдѣ господствовали полный произволъ и *безправіе*, и ввели правительственные органы для охраны

*) Уже давно, при первыхъ изслѣдованіяхъ нашей промышленности, намъ лично приходилось неоднократно заявлять о необходимости изданія новыхъ фабричныхъ законовъ и также введенія фабричной инспекціи.

новаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ необыкновенно трудолюбивыхъ изысканіяхъ и отчетахъ фабричныхъ инспекторовъ открылся новый источникъ обильныхъ и точныхъ свѣдѣній о бытѣ многочисленнаго и безпрерывно возрастающаго общественнаго класса фабричныхъ рабочихъ, — свѣдѣній весьма важныхъ для нашего общественнаго самопознанія. Не только постороннія, но и сами заинтересованныя лица въ промышленномъ мірѣ, — по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, въ сердцѣ которыхъ нравственные помыслы не вполнѣ заглушены матерьяльными и грубыми личными интересами, — вполнѣ признаютъ, какъ мы въ этомъ могли лично убѣдиться, народное *благо* заключающееся въ сущности и конечныхъ цѣляхъ новаго фабричнаго законодательства и новыхъ фабричныхъ учрежденій. Это было заявляемо намъ почти всѣми дѣятелями промышленнаго міра. Жалобы ихъ относились то къ однѣмъ, то къ другимъ отдѣльнымъ сторонамъ, частностямъ и подробностямъ новыхъ порядковъ; никто изъ нихъ не рѣшался, по крайней мѣрѣ въ объясненіяхъ съ нами, отвергать государственную пользу сущности новаго законодательства.

При всемъ этомъ, несовсѣмъ удачныя отдѣльныя стороны и частности новыхъ узаконеній имѣютъ большое значеніе, и не слѣдуетъ, ради самаго успѣха дѣла, *преувеличивать прежнихъ золъ, и преувеличивать* благодѣяній, приносимыхъ новыми учрежденіями; такія преувеличенія у насъ всегда водятся при каждомъ государственномъ нововведеніи. Эта хроническая наклонность нашего общества къ сангвинической восторженности по поводу каждаго нововведенія повредила у насъ зрѣлому преуспѣянію многихъ благихъ правительственныхъ начинаній. Горячія увлеченія реформами и новыми учрежденіями, въ первомъ періодѣ ихъ вступленія въ жизнь, быстро смѣнялись у насъ равнодушіемъ къ нимъ и потомъ отрицаніемъ всякой ихъ пользы. Для устойчивости государственныхъ реформъ ихъ неумѣренные, односторонніе и фанатическіе по-

борники едва ли не бываютъ опаснѣе, чѣмъ ихъ неумѣренные хулители и враги. Самъ по себѣ фактъ раздраженія въ фабричномъ мірѣ, хотя бы не всеобщаго противъ новыхъ правительственныхъ мѣропріятій по фабричной части никакъ не безразличенъ, для здравомыслющихъ сочувствователей сущности этихъ мѣропріятій, даже если бы къ побужденіямъ въ упомянутомъ раздраженіи и примѣшивались отчасти несовсѣмъ уважительные личные интересы. Пренебреженіе этимъ раздраженіемъ, въ особенности, когда оно замѣчается въ кругу добросовѣстныхъ и человѣколюбивыхъ хозяевъ и распорядителей промышленныхъ заведеній, было бы большимъ легкомысліемъ со стороны поборниковъ новой реформы, такъ какъ достиженіе самыхъ существенныхъ ея цѣлей, — главнѣйше улучшеніе условій быта нашего фабричнаго рабочаго класса и правильность его отношеній къ нанимателямъ, — много обусловлено добровольнымъ содѣйствіемъ къ достиженію тѣхъ-же цѣлей со стороны самихъ промышленныхъ дѣятелей,—какъ это и признаютъ въ своихъ отчетахъ фабричные инспекторы. Отталкивать этихъ промышленныхъ дѣятелей, — и въ особенности благонамѣренныхъ между ними людей, — отъ этого дѣла всего менѣе слѣдуетъ.

Поэтому нужно внимательно, безпристрастно и сознательно отнестись къ переполоху, произшедшему въ промышленномъ мірѣ вслѣдствіе новыхъ порядковъ введенныхъ въ дѣйствіе въ послѣдніе два года, къ раздраженію и къ жалобамъ ими вызваннымъ, а для этого необходимо прежде всего различить *весьма разнородныя* причины этого раздраженія и этихъ жалобъ. На эти разнородныя причины мы здѣсь и укажемъ.

Во первыхъ, всякая подобная реформа, вносящая, *извнѣ*, въ издавна установившійся обиходъ жизни совершенно новыя общія начала, если не во всемъ противныя безчисленнымъ и могущественнымъ интересамъ этой жизни, то большею частью начала несогласныя съ этими интересами (по

крайней мѣрѣ не согласныя съ перваго раза и для текущаго дня) и во всякомъ случаѣ, противныя исконнымъ нравамъ и обычаямъ, — такая реформа не могла, *по своему существу* не произвести въ заинтересованной средѣ непріятныхъ и болѣзненныхъ ощущеній и впечатлѣній. Тоже самое дѣло введенія новаго фабричнаго законодательства и фабричной инспекціи сопровождалось, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, подобными-же затрудненіями и сопротивленіемъ со стороны заинтересованныхъ общественныхъ классовъ, не смотря на то, что въ западной Европѣ и фабриканты и рабочіе были гораздо болѣе подготовлены къ новымъ порядкамъ и вслѣдствіе своего сравнительно высшаго образованія и вслѣдствіе гораздо бо́льшей постепенности тамъ реформы (см. ниже). Нужно замѣтить, что вслѣдствіе племеннаго добродушія нашего народа, въ томъ числѣ и нашихъ капиталистовъ, въ сравненіи съ западно-европейскими народами, введеніе у насъ законодательныхъ ограниченій фабричнаго труда и правительственнаго надъ нимъ надзора встрѣтило даже менѣе сопротивленія и ожесточенія, со стороны фабрикантовъ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ.

Кромѣ сопротивленія заинтересованныхъ лицъ, новое фабричное законодательство возбудило противъ себя, въ другихъ странахъ, оппозицію со стороны политическихъ партій, враждебныхъ его духу (вмѣшательству правительства въ промышленныя дѣла и ограниченіямъ свободы труда) по ихъ общимъ государственнымъ и экономическимъ возрѣніямъ. Этимъ объясняется медленность развитія новаго фабричнаго законодательства въ другихъ европейскихъ странахъ, напр. во Франціи и Пруссіи, гдѣ долго противились ему либеральныя партіи. Ничего подобнаго такой борьбѣ у насъ не было.

Какъ бы ни были правильны и гуманны побужденія, руководившія и западно-европейскимъ и русскимъ новѣйшимъ

фабричнымъ законодательствомъ къ обузданію злоупотребленій нанимателей въ пользованіи трудомъ рабочаго класса, нельзя однако не имѣть при этомъ въ виду весьма естественнаго и часто весьма справедливаго непріязненнаго чувства промышленнаго міра противъ вторженія въ него чуждаго ему бюрократическаго элемента, который часто—и даже въ лучшихъ случаяхъ, — по своимъ традиціоннымъ навыкамъ, бываетъ склоненъ къ педантическому, безцеремонному и иногда самовластному распоряженію игнорируемыми имъ личными промышленными интересами. Нельзя не извинить, въ извѣстной степени, непріязни промышленнаго міра противъ бюрократической регламентаціи промышленнаго дѣла, которая, въ большей или меньшей мѣрѣ, неизбѣжно сопровождаетъ всѣ новые фабричные законы; нельзя не извинить опасеній промышленныхъ людей относительно крайнихъ увлеченій и также злоупотребленій, которыя могутъ имъ угрожать на этой почвѣ. Весьма естественно, что у насъ, по множеству причинъ, опасенія этого рода, могли быть еще гораздо сильнѣе, чѣмъ въ западно-европейскихъ государствахъ, хотя брожженіе, вызванное новыми законами у насъ было слабѣе, чѣмъ тамъ.

Затѣмъ, независимо отъ всего, что мы изложили выше и что не можетъ быть поставлено въ вину владѣльцамъ и распорядителямъ нашихъ промышленныхъ заведеній,—нужно *во вторыхъ* имѣть въ виду косное и грубое, отчасти даже неблагонамѣренное сопротивленіе новымъ фабричнымъ порядкамъ и раздраженіе противъ ихъ административныхъ органовъ со стороны тѣхъ лицъ изъ фабрикантской среды, въ которыхъ, при ихъ невѣжествѣ, всякіе помыслы объ общемъ и государственномъ благѣ подавлены инстинктами ближайшей матерьяльной пользы, стремленіями къ быстрой наживѣ всякими средствами и къ неправильнымъ стяжаніямъ на счетъ рабочаго люда. Изъ этого источника, который однако не слѣдуетъ преувеличивать, произошла часть жа-

лобъ на новое наше фабричное законодательство и его административные органы. Но случаевъ насильственнаго сопротивленія съ этой стороны,—по крайней мѣрѣ открытаго,—у насъ почти не было, согласно съ отзывами самихъ фабричныхъ инспекторовъ, также какъ впрочемъ было немного, по этимъ-же отзывамъ, случаевъ вполнѣ прямодушнаго, чистосердечнаго и рѣшительнаго содѣйствія дѣятельности фабричной инспекціи со стороны меньшинства просвѣщенныхъ и добросовѣстныхъ хозяевъ промышленныхъ заведеній. Для этого послѣдняго факта есть много обстоятельствъ, уменьшающихъ вину фабрикантовъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Въ связи со всѣмъ этимъ, нельзя умолчать и о противодѣйствіи, встрѣченномъ фабричною инспекціей со стороны нѣкоторыхъ представителей полицейской власти. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, извлекавшія свои выгоды изъ покровительства неправильнымъ и произвольнымъ дѣйствіямъ фабрикантовъ въ ущербъ рабочимъ, не могли отнестись дружелюбно къ новымъ органамъ администраціи, которые поставлены въ совершенно независимое отъ нихъ служебное положеніе, которые воодушевлены стремленіями на пользу рабочаго народа, если иногда и не совсѣмъ практическими, то всегда безкорыстными, и которые значительно парализовали своею дѣятельностью самовластіе полицейскихъ чиновъ и покровительство, оказываемое иными изъ нихъ фабричнымъ злоупотребленіямъ. Должностныя лица этого рода самымъ естественнымъ образомъ, во враждѣ своей противъ фабричной инспекціи, соединялись съ недобросовѣстными фабрикантами, ибо если послѣдніе и могли при новыхъ административныхъ органахъ освободиться отъ произвола полицейскихъ чиновъ и отъ безаконныхъ поборовъ (въ вознагражденіе за ихъ покровительство), то эти же фабриканты гораздо болѣе теряли, лишаясь прибылей, которыя они извлекали изъ своихъ злоупотребленій на счетъ рабочихъ, и также подвергались, по новымъ

законамъ, крупнымъ взысканіямъ за эти злоупотребленія. Сочувствіе къ своему неудовольствію противъ фабричной инспекціи, которое такіе фабриканты находили въ должностныхъ лицахъ этого рода, безъ сомнѣнія усиливало мужество и самоувѣренность первыхъ въ борьбѣ съ новыми порядками и ихъ жалобы на нихъ. Безпристрастіе обязываетъ имѣть въ виду и эту сторону дѣла.

Въ третьихъ, причиною многихъ замѣшательствъ, непріятныхъ и непріязненныхъ ощущеній и сѣтованій въ фабричномъ мірѣ при введеніи новыхъ законовъ было просто *невѣдѣніе* ихъ въ большей части этого міра, даже послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ихъ изданія. Изъ этого невѣдѣнія, которое въ извѣстной части фабричнаго міра (преимущественно въ средѣ владѣльцевъ мелкихъ заведеній) продолжается даже до сихъ поръ, возникло много недоразумѣній и правонарушеній, за которыя пришлось фабрикантамъ поплатиться. По этому предмету особенно много распространяются въ своихъ отчетахъ фабричные инспекторы.

Много и подробно сообщая о крайнихъ затрудненіяхъ, встрѣченныхъ ими въ своей дѣятельности, фабричные инспекторы всего болѣе, послѣ исчисляемыхъ ими матерьяльныхъ неудобствъ разъѣздовъ по внутреннимъ закоулкамъ и глухимъ мѣстамъ Россіи, всего болѣе говорятъ о совершенномъ незнакомствѣ большинства фабричныхъ дѣятелей съ новыми законодательными постановленіями. Этотъ фактъ, едва ли не породившій наибольшую часть всѣхъ препятствій ко введенію въ дѣйствіе новыхъ законовъ и большую часть всѣхъ столкновеній фабричной инспекціи съ заинтересованными лицами, несомнѣненъ.

Мы лично знаемъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ фабриканты подверглись весьма непріятнымъ для себя послѣдствіямъ нарушенія законовъ и весьма чувствительнымъ для нихъ взысканіямъ, бывъ чужды всякому злому умыслу, *единственно вслѣдствіе своего незнанія этихъ законовъ*. Всего болѣе

было этихъ случаевъ въ кругу среднихъ и мелкихъ хозяевъ промышленныхъ заведеній, составляющихъ у насъ громадное большинство. При этомъ наши фабричные инспекторы не правы только въ томъ, что заявляя объ этомъ фактѣ, какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ затрудненій въ своей дѣятельности, они большею частью, въ своихъ отчетахъ, рѣзко ставятъ его въ *вину* хозяевамъ и распорядителямъ промышленныхъ заведеній. Фабричные инспекторы часто ссылаются на тотъ догматъ, что невѣдѣніемъ закона никто оправдываться не можетъ. Съ чисто формальной юридической точки зрѣнія они правы; но для смягченія строгихъ обвиненій въ этомъ отношеніи, нельзя не принять въ соображеніе не только малограмотности большинства фабрикантскаго класса въ Россіи, но также и множества другихъ *затрудненій у насъ ко всякой гласности* и къ распространенію свѣдѣній, даже въ высшихъ и самыхъ просвѣщенныхъ сферахъ общества.

Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что новые фабричные порядки были опредѣлены нѣсколькими законодательными постановленіями и административными распоряженіями, обнародованными въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и къ тому-же различными способами и въ различныхъ изданіяхъ. Одни изъ этихъ постановленій и распоряженій, были отсрачиваемы въ своемъ дѣйствіи, а другія (слѣдующія) дополняли, измѣняли и даже отмѣняли предъидущія; кромѣ того прежніе законы (X и XI Т. Св. Зак.), не утратили своей силы. Все это не было соединено въ одно изданіе, доступное массѣ публики. Своевременное ознакомленіе съ этими различными постановленіями и распоряженіями было не легко даже для самыхъ образованныхъ изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Въ виду этого, мы признали необходимымъ сдѣлать въ началѣ настоящей нашей работы перечень всѣхъ узаконеній и распоряженій, которыми были обусловлены новые наши фабричные порядки, такъ какъ совокупность и послѣдовательный порядокъ всѣхъ этихъ постановленій легко ускользаютъ изъ па-

мяти даже самыхъ знающихъ людей. Невѣдѣніе ихъ со стороны массы нашего средняго и мелкаго фабричнаго люда было весьма для нихъ извинительно. *)

Наконецъ, въ *четвертыхъ*, весьма многія недоумѣнія, затрудненія и жалобы промышленнаго міра по поводу введенія у насъ новыхъ фабричныхъ порядковъ, объясняются нѣкоторыми и даже весьма значительными *недостатками* самыхъ узаконеній: неполнотою, неясностью, противурѣчіями, и практическою неудобоисполнимостью многихъ изъ нихъ. Эти недостатки признаются не одними только хозяевами и распорядителями промышленныхъ заведеній, а также и незаинтересованными и посторонними лицами, — мѣстными должностными чинами и самими фабричными инспекторами, хотя относительно измѣненія дѣйствующихъ постановленій существуетъ совершенное разногласіе между названными категоріями лицъ. Всѣ эти недостатки новыхъ фабричныхъ узаконеній какъ нельзя болѣе естественны, ибо они были составлены довольно поспѣшно, канцелярскимъ путемъ, по чуждымъ намъ иностраннымъ образцамъ **), безъ соображенія въ подробностяхъ съ практическими условіями нашего дѣйствительнаго промышленнаго быта, — быта къ тому же раз-

---

*) Даже мы сами были въ нѣкоторомъ затрудненіи, когда намъ понадобилось, въ настоящемъ случаѣ, собрать *въ одно цѣлое* всѣ дѣйствующія узаконенія и распоряженія по этой части, старыя и новыя. Не скоро мы узнали объ одномъ частномъ изданіи, пока единственномъ въ этомъ родѣ (Полное собраніе законовъ, правилъ, инструкцій и циркуляровъ о рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и на сельскихъ работахъ *А. Плансона*, С.-Петерб., 1887). Но это «Собраніе», вопреки своему заглавію далеко не полно и не систематично (въ немъ отсутствуютъ всѣ старыя узаконенія, сохранившія свою силу, въ X и XI Т. Св. Зак.). Только правительственное изданіе можетъ вполнѣ исполнить эту задачу. Для этой цѣли въ Англіи,—не смотря на слабость ея кодификаціонныхъ работъ—изданъ въ 1878 г. законъ, въ которомъ соединены въ одно цѣлое всѣ дѣйствующія и изданныя въ разное время постановленія по фабричной части.

**) Впрочемъ подражаніе въ этомъ случаѣ было только формальное и поверхностное (какъ это у насъ бываетъ большею частью). Болѣе серьезное и глубокое изученіе исторіи и духа иностранныхъ фабричныхъ законовъ привело бы у насъ къ другимъ результатамъ.

нóроднаго въ разныхъ краяхъ Россіи. Всего этого мы впрочемъ ни сколько не ставимъ въ укоръ лицамъ, трудившимся надъ разными частями новаго фабричнаго законодательства: дѣло это было совсѣмъ у насъ новое и для него не имѣлось ни практическаго опыта, ни фактическихъ свѣдѣній, теперь существующихъ.

Если и нельзя признать безусловно справедливыми жалобы многихъ нашихъ фабрикантовъ на то, что будто бы всѣ новыя фабричныя постановленія составлены въ духѣ непріязни или антипатіи къ нанимателямъ, къ высшему капиталистичему классу и въ духѣ пристрастнаго покровительства нанимаемымъ, нисшему рабочему классу, то все таки нельзя не видѣть въ этомъ извѣстной доли правды. Нельзя отрицать, что общее господствующее направленіе новыхъ узаконеній есть духъ недовѣрія къ нанимателямъ и что господствующая въ нихъ государственная задача, это охрана нанимаемыхъ противъ недобросовѣстности со стороны хозяевъ и распорядителей промышленныхъ заведеній. Доказательствомъ этому можетъ служить сравненіе закона 3 іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы съ одновременно изданнымъ, въ совершенно противуположномъ духѣ, законѣ 12 іюня 1886 г. *о наймѣ на сельскія работы.* Въ этомъ послѣднемъ законѣ преслѣдуется преимущественно цѣль охраны нанимателей, сельскихъ хозяевъ, отъ правонарушеній и недобросовѣстныхъ дѣйствій рабочихъ. Это сравненіе фабрикантскій міръ находитъ для себя обиднымъ.

Такія побужденія законодателя, въ настоящемъ случаѣ, были впрочемъ отчасти естественны и справедливы. Со стороны нѣкоторыхъ владѣльцевъ и распорядителей промышленныхъ заведеній производилась неправильная эксплоатація рабочихъ, — эксплоатація ихъ нищеты и невѣжества, связанная со многими правонарушеніями, и незаконными дѣйствіями хозяевъ и ихъ служащихъ (напр. из-

влеченіе неправильныхъ доходовъ изъ лавокъ съ припасами для рабочихъ, систематическое наложеніе на нихъ штрафовъ для уменьшенія ихъ заработковъ и проч.). Такія дѣйствія послужили даже, въ послѣдніе годы, поводомъ къ безпорядкамъ и волненіямъ рабочихъ, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызвали со стороны мѣстныхъ начальствъ, употребленіе вооруженной силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя однако же отрицать, что съ другой стороны, многимъ фабрикантамъ приходится терпѣть отъ недобросовѣстности и распущенности нашихъ рабочихъ и что необходима также законная охрана противъ ихъ правонарушеній. Во всякомъ случаѣ законъ долженъ соблюдать равновѣсіе между обѣими сторонами.

Если примѣрно или почти гадательно предположить, что цѣлая половина (а это будетъ навѣрное преувеличенно) владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ и ихъ должностныхъ лицъ виновны въ грубой и корыстной эксплоатаціи труда и рабочаго люда, то другой половинѣ добросовѣстныхъ и благонамѣренныхъ промышленныхъ людей приходится безвинно, выносить на себѣ, на своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ и на своихъ внутреннихъ фабричныхъ распорядкахъ крайнюю суровость нѣкоторыхъ узаконеній и распоряженій административнаго надзора, вызванную дѣйствіями первой половины ихъ собратій и направленную только противъ этихъ дѣйствій.

Если-бы даже и можно было предположить,—что̀ едва ли можетъ быть вѣрно,—что число фабрикантовъ и ихъ должностныхъ лицъ, совершенно добросовѣстно относящихся къ своимъ рабочимъ, составляетъ не большое меньшинство, то, все таки, и этому меньшинству весьма непріятно терпѣть, по чужой винѣ, разныя стѣсненія и неудобства въ своихъ заведеніяхъ и предпріятіяхъ.

Къ этому мы должны присовокупить одно замѣчаніе, чистосердечно сообщенное намъ нѣкоторыми представителями фабричной инспекціи и согласное съ собственными личными нашими наблюденіями. Иные весьма просвѣщенные и гу-

манные владѣльцы промышленныхъ заведеній и ихъ распорядители, которые гораздо ранѣе добровольно завели у себя тѣже порядки (въ условіяхъ найма рабочихъ, расчетахъ съ ними, въ ограниченіяхъ дѣтской работы, и проч.), какіе требуются новыми законами, и которые, во многихъ отношеніяхъ пошли даже дальше этихъ требованій въ своихъ заботахъ о благоустройствѣ рабочихъ, тѣмъ не менѣе такія лица весьма недовольны новыми фабричными законами и ихъ исполнительными органами. Бываетъ даже, что этого рода промышленные дѣятели всего болѣе раздражены противъ новыхъ порядковъ. Это повидимому странное явленіе объясняется очень просто весьма естественною психическою причиною. Эти лица весьма недовольны, что должны дѣлать и жертвовать теперь на пользу рабочихъ, *въ силу закона*, принудительно, то, что они дѣлали и жертвовали прежде добровольно, — въ силу ли своихъ человѣколюбивыхъ или только тщеславныхъ побужденій.

Это чувство весьма естественно и его слѣдуетъ имѣть въ виду во всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ къ улучшенію быта рабочихъ. Какъ ни необходимы для предотвращенія нѣкоторыхъ грубыхъ злоупотребленій въ этой области предписанія закона, принудительныя мѣры и правительственный надзоръ, но никогда не слѣдуетъ при этомъ забывать, что именно въ кругу этихъ экономическихъ и нравственныхъ отношеній самыя разумныя и энергическія дѣйствія правительства никогда не могутъ быть такъ плодотворны, какъ добрая воля и свободный починъ самихъ заинтересованныхъ лицъ. Мы были свидѣтелями нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ владѣльцы промышленныхъ заведеній и завѣдующіе ими покинули свои прежнія начинанія и учрежденія на пользу рабочихъ, единственно вслѣдствіе новыхъ требованій правительства по этому предмету и правительственнаго надъ ними надзора. Такъ напр. на одной обширной мануфактурѣ, чтобъ избѣгнуть привязчиваго контроля фабричной инспекціи,

рабочимъ были возвращены значительныя денежныя суммы, которыя они сберегали изъ своихъ заработковъ и по особому своему довѣрію къ директору фабрики отдавали на храненіе въ контору, помѣщавшую эти деньги въ процентныхъ бумагахъ. Такимъ образомъ, этотъ благодѣтельный для рабочихъ порядокъ, тождественный съ сберегательною кассою, прекратился со введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ фабричныхъ постановленій.

Въ заключеніи, мы сообщимъ много другихъ общихъ замѣчаній и соображеній относительно дѣйствія невыхъ фабричныхъ законовъ и фабричной инспекціи.

Изо всего вышеизложеннаго видно, что съ безпристрастной точки зрѣнія, причины жалобъ фабрикантовъ на новые фабричные порядки и ихъ раздраженія противъ послѣднихъ могутъ быть отчасти поставлены въ вину имъ самимъ, отчасти же они въ томъ нисколько не виноваты, и, что нѣкоторыя изъ упомянутыхъ причинъ (каковы напр. недостатки повыхъ узаконеній) могутъ быть устранены правительствомъ, другія-же вовсе не зависятъ отъ его мѣропріятій и распоряженій. Большею частью причины и поводы неудовольствія нашихъ фабрикантовъ одинаковыя, какъ и въ другихъ странахъ; это можно видѣть изъ отчетовъ иностранныхъ фабричныхъ инспекторовъ. О прямой обязанности правительства улучшить и исправить новое наше фабричное законодательство, сообразно съ практическимъ опытомъ его дѣйствія, какого не было до его изданія, нѣтъ надобности и говорить. Во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ такіе же фабричные законы неоднократно исправлялись и дополнялись. При этомъ правительство обязано всячески стараться удалить всѣ поводы къ раздраженію со стороны владѣльцевъ промышленныхъ заведеній и ихъ распорядителей, на сколько это возможно, неуклонясь при этомъ отъ *существенныхъ* цѣлей этого законодательства, ибо какъ мы говорили содѣйствіе этихъ лицъ

болѣе всего необходимо для достиженія этихъ цѣлей и оно невозможно при ихъ противудѣйствіи.

Здѣсь нужно замѣтить, что какъ при всякихъ сужденіяхъ о вновь узаконенныхъ фабричныхъ порядкахъ, такъ и при обсужденіи жалобъ на нихъ со стороны фабрикантовъ, нужно различать самыя узаконенія и дѣйствія исполнительныхъ ихъ органовъ, т. е., фабричной инспекціи. Жалобы повсемѣстно относятся почти исключительно къ первымъ; жалобъ собственно на вторыхъ слышно мало. Если фабрикантскій міръ недоволенъ лично фабричными инспекторами, то *почти* всегда только потому, что они съ излишнею строгостью, ненужнымъ рвеніемъ и педантизмомъ примѣняютъ законъ или идутъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и частныхъ вопросахъ далѣе его требованій, не отступая однако отъ его буквы.

На сколько мы могли убѣдиться по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, личный составъ фабричной инспекціи вообще превосходенъ и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи, въ особенности въ сравненіи со многими другими отраслями нашей мѣстной администраціи. О злоупотребленіяхъ и прямо недобросовѣстныхъ поступкахъ со стороны фабричной инспекціи не можетъ быть и рѣчи; самые злостные враги новыхъ фабричныхъ порядковъ ее въ томъ не обвиняютъ. Неудовольствія и жалобы, возбужденныя между хозяевами и распорядителями промышленныхъ заведеній собственно личными распоряженіями фабричныхъ инспекторовъ никогда не происходили, какъ намъ извѣстно, отъ ихъ злой воли, а единственно или отъ ихъ неопытности въ новомъ административномъ дѣлѣ, отъ недостаточнаго знакомства съ нашимъ фабричнымъ бытомъ и съ дѣйствительною, жизненною почвою, къ которой приходилось примѣнять новые законы, или отъ излишняго рвенія, т. е., увлеченія филантропическими идеями новаго фабричнаго законодательства (на пользу рабочаго класса) и нѣкотораго при этомъ пренебреженія къ интересамъ фабрикантовъ. Если фабриканты, во

многихъ случаяхъ, укорлютъ фабричныхъ инспекторовъ въ *произвольныхъ* дѣйствіяхъ, то на послѣднія они, къ сожалѣнію, уполномочены самимъ закономъ; въ возникающихъ отсюда недоразумѣніяхъ всего чаще виноватъ только онъ, какъ мы это увидимъ ниже. Выборъ нынѣшняго личнаго состава нашей фабричной инспекціи тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы и всѣ несовершенства его тѣмъ болѣе извинительны, что для этой совсѣмъ новой должности должна теоритически подготовиться и практически выработаться новая особая категорія должностныхъ лицъ; эта должность требуетъ соединенія въ одномъ лицѣ такихъ свойствъ и знаній, какія рѣдко соединяются вмѣстѣ, между прочимъ знаній техническихъ, юридическихъ, экономическихъ (въ томъ числѣ чисто практическихъ, хозяйственныхъ) и административныхъ. Выборъ персонала фабричной инспекціи подвергался критикѣ всего болѣе въ томъ отношеніи, что онъ палъ преимущественно на лицъ, стоявшихъ вдалекѣ отъ практическаго промышленнаго дѣла. И въ другихъ европейскихъ государствахъ, въ которыхъ гораздо болѣе людей, получившихъ общее и техническое образованіе, было много затрудненій къ замѣщенію этой должности достойными и способными людьми, и тамъ жаловались на несовершенства первоначальнаго состава фабричной инспекціи.

Поэтому въ критикѣ дѣйствій фабричной инспекціи необходимо соблюдать величайшую осторожность. Нужно всячески беречь безкорыстную *любовь къ дѣлу*, хотя бы и связанную съ увлеченіями, которою отличается ея личный составъ и которая не такъ часто встрѣчается въ нашемъ бюрократическомъ мірѣ. Неумѣренныя порицанія могутъ не только охладить рвеніе чиновъ фабричной инспекціи къ долгу службы, но и имѣть весьма печальное вліяніе на ея личный составъ, т. е., на его ухудшеніе. И безъ того, фабричнымъ инспекторамъ приходится выдерживать ожесточенную борьбу съ заинтересованными лицами, и для этой борьбы находить силы

только въ своемъ воодушевленіи къ дѣлу. Ухудшенія личнаго состава фабричной инспекціи можно тѣмъ болѣе опасаться, что вслѣдствіе какого то непреложнаго у насъ хода вещей, всѣ новыя учрежденія привлекали къ себѣ, въ первое время, лучшія личныя силы, а потомъ личный ихъ составъ постоянно ухудшалея. Между тѣмъ, при нынѣшнемъ характерѣ новыхъ фабричныхъ законовъ, при просторѣ власти и толкованія, истекающемъ для фабричныхъ инспекторовъ изъ нѣкоторыхъ постановленій и изъ ихъ недомолвокъ и неясностей, должно страшиться, что въ случаѣ пониженія нравственнаго уровня личнаго состава этого учрежденія, окажутся значительныя злоупотребленія, которыя тяжко отзовутся на нашей промышленности.

Полагаемъ, что правительство должно прежде всего безотлагательно приступить къ исправленію всѣхъ тѣхъ недостатковъ новыхъ фабричныхъ постановленій, какіе выказались на практикѣ. Чѣмъ скорѣе будутъ исправлены эти недостатки, тѣмъ успѣшнѣе будутъ достигнуты цѣли новыхъ законовъ. Мы укажемъ ниже на всѣ тѣ важнѣйшія неудобства, затрудненія и недоразумѣнія, которыя эти узаконенія и обусловленные ими новые фабричные порядки уже вызвали въ нашей практической промышленной и общественной жизни, и также на тѣ недоумѣнія, которыя они могутъ, еще въ сильнѣйшей степени, вызвать въ будущемъ,—на сколько мы могли со всѣмъ этимъ ознакомиться по личнымъ нашимъ наблюденіямъ и собраннымъ нами на мѣстахъ свѣдѣніямъ. Всѣ эти наблюденія и свѣдѣнія мы сгрупируемъ около отдѣльныхъ статей всѣхъ новыхъ фабричныхъ постановленій; обозрѣвая всѣ эти постановленія въ послѣдовательномъ порядкѣ, мы не будемъ упоминать о тѣхъ статьяхъ, которыя, на сколько намъ извѣстно, не возбуждаютъ никакихъ недоразумѣній и затрудненій. Въ этомъ обозрѣніи, мы будемъ слѣдовать систематическому порядку новаго фабричнаго законодательства, а не хронологическому порядку

его изданія, въ какомъ оно выше нами перечислено. Сперва мы разсмотримъ общій и коренной законъ 3 Іюня 1886 г. «О наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы», затѣмъ особыя правила 3 Іюня 1886 г. «о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ», введенныя пока только въ губерніяхъ С.-Петербургской, Московской и Владимірской, и наконецъ постановленія о работѣ малолѣтнихъ и женщинъ. Всѣ вопросы, относящіеся къ фабричной инспекціи, къ ея правамъ и обязанностямъ, мы разсмотримъ паралельно съ упоминутыми выше постановленіями, при подлежащихъ статьяхъ ихъ.

II.

ОБЩІЙ ЗАКОНЪ О НАЙМѢ РАБОЧИХЪ НА ФАБРИКИ И ЗАВОДЫ 3 ІЮНЯ 1886 г.

Въ самомъ началѣ нашего обозрѣнія новаго фабричнаго законодательства нужно отмѣтить коренной недостатокъ какъ закона 3 Іюня 1886 г. въ особенности, такъ и всѣхъ другихъ постановленій. Все это законодательство, и вмѣстѣ съ тѣмъ надзоръ фабричной инспекціи, какъ это прямо обозначено въ самомъ заголовкѣ закона 3 Іюня 1886 г. и въ разныхъ мѣстахъ этого закона и другихъ постановленій,— относятся только къ *фабрикамъ и заводамъ* *) и не распространяются на промышленныя заведенія всякаго другаго рода (каковы сельско-хозяйственныя, ремесленныя и кус-

*) За исключеніемъ горныхъ заводовъ, для которыхъ дѣйствуютъ особые законы, и всякаго рода казенныхъ промышленныхъ заведеній.

тарныя *). Между тѣмъ, какую категорію промышленныхъ заведеній должно разумѣть подъ этимъ терминомъ «фабрикъ и заводовъ» ни малѣйшимъ образомъ не опредѣлено, ни въ во вновь изданныхъ, ни въ старыхъ законахъ.

Мы не находимъ въ дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ никакого другаго опредѣленія этого понятія, кромѣ слѣдующаго: «заведенія, на которыхъ *производится фабричная и заводская промышленность*, носятъ названіе заводовъ, фабрикъ и мануфактуръ». (Св. Зак. Т. XI Уст. о промышл. фабр. и завод. ст. 1). Но ясно, что такое опредѣленіе все равно что отсутствіе всякаго опредѣленія. Въ другой статьѣ законовъ (тамъ-же, ст. 2) есть нѣкоторыя весьма не ясныя и отрицательныя указанія на признаки «фабрикъ и заводовъ», отличающіе ихъ отъ всякихъ другихъ промышленныхъ заведеній; тутъ сказано, что «мануфактуры, фабрики и заводы отличаются отъ ремеселъ тѣмъ, что имѣютъ *въ большомъ видѣ* заведенія и машины; у ремесленниковъ же нѣтъ ихъ, *кромѣ ручныхъ машинъ и инструментовъ*». **). Подобныхъ туманныхъ указаній слишкомъ недостаточно для точности юридическаго смысла новыхъ фабричныхъ узаконеній и ихъ точнаго исполненія новыми административными органами. Нѣкоторыя весьма большія фабрики съ большимъ количествомъ рабочихъ (напр. ручныя ткацкія) дѣйствуютъ безъ машинъ, т. е., механической силы; и напротивъ въ нѣкоторыхъ ремесленныхъ заведеніяхъ употребляется нынѣ механическая (газовая, паровая, электрическая, и пр.) сила. Вы-

*) Въ другихъ мѣстахъ (какъ напр. въ заголовкѣ особыхъ правилъ для С.-Петербургской, Московской и Владимірской губ.) употребляется также выраженіе «*заведенія фабричной промышленности*», но въ смыслѣ того-же термина «фабрикъ и заводовъ». Этотъ терминъ встрѣчается всего чаще въ новомъ фабричномъ законодательствѣ и въ немъ господствуетъ. Въ иныхъ статьяхъ новыхъ законовъ прибавляется къ этому термину еще выраженіе «мануфактуры».

**) Обѣ приведенныя статьи основаны на законѣ, изданномъ въ 1799 г., т. е. около цѣлаго столѣтія тому назадъ, когда еще не существовали нынѣшнія формы промышленности и почти не было объ нихъ понятія.

шеприведенное выраженіе «*большой* видъ» заведеній и машинъ слишкомъ неопредѣленно для законодательнаго постановленія; каждый исполнитель можетъ по своему понимать это выраженіе, т. е., предѣлы и признаки *большаго* вида, т. е., *большихъ размѣровъ* заведеній и производства.

Такимъ образомъ, — какъ это ни странно, — при изданіи нашихъ новыхъ фабричныхъ законовъ, глубоко затронувшихъ крупные матерьяльные и личные интересы, — не соблюдено было первое условіе всякаго законодательнаго акта: *не опредѣлено его объекта или предмета* *). Этотъ пробѣлъ не былъ также пополненъ инструкціями и распоряженіями со стороны высшихъ административныхъ инстанцій. Отсюда произошло, при практическомъ примѣненіи этихъ законовъ, много недоразумѣній, затрудненій, столкновеній между фабричными инспекторами и фабрикантами и справедливыхъ неудовольствій со стороны послѣднихъ противъ первыхъ, хотя фабричные инспекторы сами въ томъ не виноваты.

Каждый изъ фабричныхъ инспекторовъ даетъ то толкованіе, какое онъ хочетъ термину «фабрики и заводы» и потому отъ его доброй воли зависитъ какъ подчинять дѣйствію новыхъ законовъ и своему вѣдѣнію, такъ и исключать изъ нихъ тѣ или другія категоріи промышленныхъ заведеній, т. е., расширять и сокращать по своему личному усмотрѣнію и произволу всю *сферу дѣйствія новаго фабричнаго права и всю область новой власти.* О принципіальной невозможности такого порядка вещей въ современномъ государствѣ, управленіе котораго основано на законахъ, по какой бы то ни было отрасли администраціи и права, и го-

*) Это замѣчено въ одной весьма дѣльной иностранной критикѣ этихъ законовъ, вообще къ нимъ благопріятной (см. Vierteljahrschrift für Volkswirthschaft. Herausgegeben von E. Wiss, 1887, II B., 2 Hälfte, Volkswirthschaftliche Korrespondenz aus Petersburg, von Theodor Bock.) Объ этомъ-же много говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1885 г. бывшій фабричный инспекторъ Московскаго округа Профес. *И. И. Янжулъ* (см. стр. 102 и слѣд.). Онъ указываетъ на многія недоразумѣнія возникшія въ его практикѣ вслѣдствіе этого пробѣла въ законѣ.

ворить нечего. Здѣсь насъ главнѣйше интересуютъ практическія недоумѣнія и вредныя для фабричнаго міра послѣдствія, которыя въ огромномъ количествѣ неизбѣжно должны были отсюда возникнуть, даже при наилучшихъ намѣреніяхъ фабричныхъ инспекторовъ. Основаться тутъ на наукѣ нельзя. Въ экономической наукѣ, хотя и различаются «фабрики и заводы» съ ремесленными и другими промышленными заведеніями, также какъ различается фабричное и заводское производство съ кустарнымъ или обрабатывающая промышленность, къ которой принадлежитъ фабричная и заводская (въ смыслѣ нашего законодательства) съ сельско-хозяйственною и съ такъ называемою добывающею и т. д., но какъ бы твердо ни была установлена въ наукѣ и для теоретическихъ цѣлей вся эта терминологія, органы администраціи не могутъ руководиться въ примѣненіи закона къ каждому отдѣльному случаю научными опредѣленіями всѣхъ этихъ терминовъ и понятій. Для цѣлей науки достаточно установленія только общихъ понятій, обобщающихъ единичные дѣйствительные факты и къ каждому такому факту непримѣнимыхъ, а для административной практики необходимо напротивъ того опредѣленіе понятія, примѣнимое къ каждому единичному факту. Такъ, между прочимъ, въ дѣйствительности, между упомянутыми выше категоріями промышленныхъ заведеній существуютъ множество промежуточныхъ формъ (напр. между фабриками и ремесленными заведеніями), которыя, вслѣдствіе сбивчивости указаній закона, могутъ, смотря по тому или другому взгляду должностнаго лица, съ одинаковымъ правомъ, быть отнесены имъ и къ той, и къ другой категоріи, подчинены и не подчинены дѣйствію закона. Все сказанное имѣетъ особенное значеніе въ Россіи, гдѣ существуетъ много весьма своеобразныхъ формъ промышленнаго производства и заведеній, неизвѣстныхъ въ Западной Европѣ, а наша наука, выросшая преимущественно подъ вліяніемъ иностранныхъ авторитетовъ, еще слишкомъ мало разработала факты русскаго

народнаго хозяйства и во всѣхъ нашихъ законахъ, и именно фабричныхъ, много заимствованій (и въ томъ числѣ терминовъ) изъ иностранныхъ законодательствъ.

Легко себѣ представить какую массу недоумѣній въ фабричномъ мірѣ и также распоряженій, признаваемыхъ, по мнѣнію фабрикантовъ, произвольными и неправильными со стороны фабричной инспекціи, должно было породить это положеніе вещей. Въ особенности много жалобъ на произвольность дѣйствій инспекціи было тамъ, гдѣ ея представители, какъ это замѣчается въ центральныхъ фабричныхъ губерніяхъ, старались, при весьма впрочемъ благородномъ рвеніи ихъ къ своему дѣлу, расширить возможно болѣе кругъ дѣйствія новыхъ законовъ. Всего болѣе недоразумѣній возбудилъ вопросъ о различеніи фабрикъ и заводовъ съ ремесленными заведеніями; отсюда произошло всего болѣе разнородности въ подчиненіи новымъ законамъ тѣхъ или другихъ заведеніями въ разныхъ фабричныхъ округахъ. Такъ, напримѣръ, въ однихъ округахъ распространены, а въ другихъ не распространены новые законы на типографіи. Въ числѣ многихъ другихъ предметовъ недоразумѣній и сильнаго неудовольствія въ фабричномъ мірѣ, сюда относящихся укажемъ здѣсь еще на одинъ фактъ, имѣющій большое значеніе въ подмосковномъ краѣ,—тѣмъ большее значеніе, что возникшій при этомъ вопросъ касается области весьма обширной мелкой промышленности и крестьянскаго хозяйства, обращающихъ на себя нынѣ особенное вниманіе правительства. Въ одной изъ губерній, на которыя распространены особыя правила о фабричномъ надзорѣ 3 Іюня 1886 г., фабричная инспекція вознамѣрилась подчинить дѣйствію этихъ правилъ мелкія деревенскія фабрички или свѣтелки, которыя работаютъ по заказамъ крупныхъ фабрикъ и въ которыхъ ткутъ въ небольшомъ числѣ мѣстные крестьяне и крестьянки (большею частію одной и той-же деревни), и также деревенскія раздаточныя конторы и коммиссіонеры крестьяне,

которые, по порученію крупныхъ фабрикантовъ, раздаютъ, крестьянамъ пряжу для тканья на дому. Извѣстно, что эта форма производства имѣетъ у насъ обширное развитіе и служитъ важнымъ подспорьемъ для обезпеченія быта громаднаго числа крестьянъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Подчиненіе установившагося у насъ издавнимъ обычаемъ порядка особыхъ отношеній и условій между хозяевами упомянутыхъ фабричекъ и коммиссіонеровъ-крестьянъ къ рабочимъ-крестьянамъ порядку, введенному новыми законами для отношеній фабрикантовъ къ нанимаемымъ ими рабочимъ, возбудило чрезвычайныя, непоборимыя затрудненія. Между прочимъ, было особенно затруднительно, или лучше просто не возможно, примѣненіе къ этой категоріи хозяевъ и рабочихъ, большею частію безграмотныхъ правилъ объ *обязательности* рабочихъ книжекъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Уже изъ этого одного случая можно вывести достаточное заключеніе о томъ, какой обширный, почти неограниченный просторъ открыло новое фабричное законодательство, черезъ неточность своихъ опредѣленій, для новыхъ административныхъ органовъ и для самоличнаго произвольнаго толкованія смысла и сферы дѣйствія закона и своей власти. Казалось бы, что тѣ отношенія между *нанимателями* — фабрикантами и *нанимаемыми* — рабочими, которыя только и имѣло въ виду новое фабричное законодательство, имѣютъ мало общаго, и въ экономическомъ, и въ особенности въ соціальномъ и бытовомъ смыслѣ, съ отношеніями между нашими деревенскими крестьянами — коммиссіонерами и крестьянами, которымъ первые раздаютъ работу на домъ, по избамъ, и однако-же на эту послѣднюю категорію отношеній и договоровъ, рѣзко отличную отъ обыкновеннаго *договора найма* былъ распространенъ законъ «о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы». Въ занимающемъ насъ случаѣ (т. е., при раздачѣ работы на домъ) не существуетъ часто въ натурѣ фабрики или промыш-

леннаго заведенія. Какое дальнѣйшее разъясненіе получилъ этотъ вопросъ, по которому были принесены жалобы Министерству Финансовъ, намъ неизвѣстно.

Кромѣ жалобъ со стороны фабричнаго міра, неопредѣленность въ новыхъ законахъ термина «фабрики и заводы», возбудила также пререканія и споры между представителями фабричной инспекціи и другими мѣстными властями (между прочимъ полицейскими), которыя давали свое толкованіе этому термину, иначе понимали кругъ дѣйствія новыхъ законовъ и не соглашались дѣйствовать въ одномъ направленіи съ инспекціей. *) Ясно, какія отсюда должны были возникать замѣшательства въ установленіи новыхъ порядковъ въ промышленномъ мірѣ.

Вслѣдствіе соображеній, которыя были изложены выше, во всѣхъ иностранныхъ фабричныхъ законахъ, подобныхъ нашимъ (какъ напр. въ англійскихъ, послужившихъ образцомъ для другихъ), были съ особеннымъ тщаніемъ, точностью и подробностью опредѣлены, категоріи промышленныхъ заведеній, которыя были подчинены этимъ законамъ, ихъ разныя характеристическія черты (родъ механическихъ приспособленій, число рабочихъ и пр.), не подлежащія произвольному толкованію административныхъ властей, и также категоріи заведеній исключенныхъ отъ дѣйствія законовъ.

Очевидно, что наше правительство издавая новые фабричные законы, въ которыхъ установлены разныя новыя опредѣленія взаимныхъ отношеній нанимателей и нанимаемыхъ, условія найма, ограниченія работы женщинъ и малолѣтнихъ и надзоръ за всѣмъ этимъ со стороны фабричной инспекціи преимущественно для *охраны рабочихъ противъ злоупотребленій* хозяевъ, имѣло въ виду подъ названіемъ «*фабрикъ*,

*) См. отчетъ Московскаго фабричнаго инспектора за 1885, стр. 103.

заводовъ и мануфактуръ», *) на которые по буквальному смыслу всѣхъ этихъ законовъ только и распространяется ихъ дѣйствіе, *лишь крупныя* промышленныя заведенія, въ отличіе отъ *мелкихъ*. Подъ такими *крупными* заведеніями должно разумѣть тѣ, которыхъ *размѣры производства велики*, и въ особенности, на которыхъ *постоянно* работаетъ (въ самыхъ мастерскихъ этихъ заведеній, а не у себя на дому) *большое число людей*. Большему числу рабочихъ обыкновенно соотвѣтствуютъ и большіе размѣры производства. Никакого инаго опредѣленія этихъ терминовъ «фабрики, заводы и мануфактуры» нельзя вывести изъ общаго смысла этихъ законовъ и изъ общихъ государственныхъ задачъ, которыя при этомъ преслѣдовало правительство. Такое опредѣленіе предмета или объекта новаго фабричнаго законодательства явствуетъ между прочимъ изъ того постановленія, которымъ Министерству Финансовъ, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено «распространять дѣйствіе Правилъ 3 Іюня 1886 г. о надзорѣ и проч. на *значительныя* ремесленныя заведенія и устранять отъ подчиненія имъ *незначительныя* фабрики и заводы». И въ другихъ государствахъ и у насъ, новое фабричное законодательство и связанное съ нимъ вмѣшательство правительства въ отношенія нанимателей и нанимаемыхъ вызвано новѣйшими формами промышленности, небывалыми до начала нынѣшняго столѣтія, и именно безпрерывно развивающеюся *централизаціей* обрабатывающей промышленности, т. е., безпрерывно возрастающими размѣрами производства на каждомъ отдѣльномъ заведеніи, скопленіемъ громадныхъ массъ рабочаго народонаселенія обоего пола и всѣхъ возрастовъ въ этихъ заведеніяхъ и разными совсѣмъ новыми правонарушеніями и явленіями, возникшими

*) Ни въ законахъ, ни въ наукѣ, ни въ общеразговорномъ языкѣ нельзя найти никакого различія между терминами «заводы» и «фабрики», которые употребляются безразлично. Выраженіе «мануфактуры» совсѣмъ неопредѣленно.

на почвѣ этой крупной промышленности, пагубными для народнаго здравія и нравственности, и опасными для общественнаго порядка. Во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ введеніе въ дѣйствіе новаго фабричнаго законодательства, ограниченіе работы женщинъ и малолѣтнихъ, санитарныя правила, регламентація отношеній хозяевъ къ рабочимъ и административный за ними надзоръ начались съ немногочисленной категоріи самыхъ крупныхъ промышленныхъ заведеній, съ нѣкоторыхъ спеціальныхъ разрядовъ производствъ, наиболѣе опасныхъ для жизни и здоровья рабочихъ, и только постепенно распространялись на всѣ прочія и мелкія заведенія и ремесла. Съ наибольшею постепенностью дѣйствовала въ этомъ отношеніи Англія, многократно распространяя кругъ дѣйствія фабричныхъ законовъ, хотя она ранѣе (въ 1802 г.) всѣхъ другихъ странъ выступила на это поприще, отличается наибольшею энергіею въ этомъ дѣлѣ и служитъ образцомъ въ немъ для другихъ націй. Нѣтъ сомнѣнія, что и наше правительство предполагало идти тѣмъ-же путемъ и желало ограничить на первое время кругъ дѣйствія новаго фабричнаго законодательства самыми крупными промышленными заведеніями, предоставляя себѣ распространить его въ будущемъ на другія категоріи болѣе мелкихъ заведеній.

Кромѣ общихъ причинъ (указанныхъ выше), всюду побуждавшихъ къ ограниченію круга дѣйствія новыхъ фабричныхъ законовъ, въ первомъ періодѣ ихъ изданія, лишь *самыми крупными промышленными заведеніями*, и побуждавшихъ къ возможно болѣе постепенному распространенію этихъ законовъ на всѣ другія категоріи заведеній, въ нашемъ отечествѣ вынуждаютъ къ этому еще особыя обстоятельства, не существующія въ другихъ государствахъ или существующія только въ гораздо меньшей степени. Упомянемъ здѣсь о важнѣйшихъ изъ этихъ обстоятельствъ. Необразованность и въ томъ числѣ безграмотность не только

громаднаго большинства нашего рабочаго люда, но и значительной самихъ хозяевъ и распорядителей части мелкихъ промышленныхъ заведеній чрезвычайно затрудняютъ не только примѣненіе новыхъ законовъ, но и ихъ пониманіе. Только самыя крупныя фабрики и заводы, исчисляемые въ каждой губерніи лишь десятками единицъ, имѣютъ настоящія конторы съ образованными должностными лицами, бухгалтерами и писцами, которые необходимы для исполненія разныхъ новыхъ правилъ, напр. для правильнаго веденія расчетныхъ книжекъ, составленія разныхъ письменныхъ документовъ, и проч. За тѣмъ, наши пространства, плохіе пути сообщеній и малочисленность личнаго состава фабричной инспекціи сравнительно съ другими государствами чрезвычайно затрудняютъ надзоръ за исполненіемъ новыхъ законовъ. Это затрудненіе относится преимущественно къ мелкимъ заведеніямъ, находящимся большею частью въ далекѣ отъ желѣзныхъ и большихъ дорогъ. Умственная неразвитость рабочихъ и наивное непониманіе ими новыхъ законовъ уже произвели нѣсколько прискорбныхъ случаевъ безпорядковъ и волненій между ними. Малочисленность фабричныхъ инспекторовъ и невозможность частаго посѣщенія ими заведеній, большинство которыхъ находится на большихъ разстояніяхъ отъ ихъ мѣстожительства, помѣшали своевременному разъясненію съ ихъ стороны рабочимъ настоящаго смысла законовъ и намѣреній правительства, что могло бы предупредить эти прискорбные случаи или ослабить развитіе безпорядковъ.

Противъ ограниченія, на первое время, дѣйствія новыхъ фабричныхъ законовъ лишь самыми крупными заведеніями, иные изъ ревнителей новѣйшаго правительственнаго надзора за промышленностью, выдвигаютъ тотъ фактъ, что положеніе рабочихъ гораздо хуже, злоупотребленія на счетъ нихъ со стороны хозяевъ гораздо многочисленнѣе и эксплоатація первыхъ послѣдними гораздо сильнѣе въ мелкихъ заведеніяхъ, чѣмъ въ крупныхъ, и въ особенности, чѣмъ въ самыхъ

крупныхъ. Мы готовы признать, согласно всѣмъ нашимъ личнымъ наблюденіямъ, что вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, невѣжества и грубости нравовъ большинства мелкихъ промышленниковъ, и также отчасти вслѣдствіе отсутствія въ нихъ самолюбія и тщеславія, побуждающихъ часто крупныхъ капиталистовъ на жертвы, эксплоатація нанимаемыхъ нанимателями и скудость быта рабочаго люда вообще (кромѣ исключеній) обратно пропорціональны размѣрамъ заведеній и предпріятій. Если, однако, этотъ фактъ въ общемъ видѣ справедливъ, — въ чемъ впрочемъ мы не сомнѣваемся, по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, — то, при нахожденіи громаднаго большинства нашего рабочаго народонаселенія въ мелкихъ промышленныхъ заведеніяхъ, указанный фактъ могъ бы быть противниками новаго фабричнаго законодательства выдвинутъ какъ весьма сильный аргументъ противъ нужды во всемъ этомъ законодательствѣ, его цѣлесообразности и пользы для громаднаго большинства нашего промышленнаго рабочаго народонаселенія, такъ какъ нельзя не признать *совершенную практическую невозможность* для правительства подчинить новому законодательству всѣ безъ изъятія самыя мелкія промышленныя заведенія, въ томъ числѣ всѣ ремесленныя и кустарныя (напр. такія, на которыхъ 2—3 рабочихъ, а такихъ много).

Однако, противъ такого крайняго пессимистическаго воззрѣнія на новое фабричное законодательство и въ пользу необходимости ограниченія его дѣйствія самыми крупными заведеніями (независимо даже отъ практической неизбѣжности этой мѣры) можно привести другія соображенія. Въ сознаніи и ощущеніяхъ рабочихъ всѣ дурныя для нихъ стороны отношеній ихъ къ хозяевамъ, и въ томъ числѣ въ особенности скудость ихъ денежнаго заработка, *парализуются* въ мелкихъ заведеніяхъ и въ особенности въ тѣхъ, гдѣ промышленное производство неразрывно соединено съ семейною и домашнею жизнею, *патріархальностью* и просто-

тою этихъ отношеній, значительно смягчающими, особенно для нашего рабочаго люда, нищету и горечь его быта. Затѣмъ, надо думать, что прямою цѣлію нашего законодателя, (какъ и всѣхъ иностранныхъ законодателей) было не столько прямое улучшеніе благосостоянія рабочихъ, сколько противудѣйствіе тѣмъ особеннымъ недугамъ, нравственнымъ и физическимъ, которые приносятъ государственный вредъ (какъ напр. рановременная эксплоатація дѣтей, изнуряющая цѣлыя поколѣнія народа) и облегченіе тѣхъ специфическихъ соціальныхъ золъ, которые возникаютъ на почвѣ новѣйшаго пролетаріата, связаннаго преимущественно съ новѣйшею крупною и механическою промышленностью. Признаки этихъ недуговъ показались у насъ только въ промышленныхъ центрахъ, въ которыхъ преимущественно находятся фабрики и заводы самыхъ большихъ размѣровъ. Далѣе, посреди значительныхъ массъ рабочаго народонаселенія, скопленныхъ въ однихъ пунктахъ, бываютъ всего болѣе опасны для общественнаго порядка столкновенія рабочихъ съ хозяевами, а охрана общественной безопасности есть первѣйшая обязанность каждаго правительства. Наконецъ, во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе водворить сперва дѣйствіе новыхъ фабричныхъ порядковъ въ самыхъ крупныхъ, весьма малочисленныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и впослѣдствіи постепенно распространять ихъ на болѣе и болѣе мелкія заведенія, нежели подвергать различной строгости надзора разныхъ хозяевъ и разные пункты, смотря по обстоятельствамъ и случайностямъ, какъ это неизбѣжно должно происходить теперь при загроможденіи инспекторовъ работою (они сами говорятъ объ этомъ въ своихъ отчетахъ). Неравномѣрность же надзора за исполненіемъ законовъ въ однородныхъ заведеніяхъ ставитъ ихъ въ несправедливыя условія конкуренціи между собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно имѣть въ виду, что согласно всемірному современному ходу промышленности число мелкихъ заведеній будетъ у насъ сокра-

щаться, а, въ настоящее время, стѣснять производство мелкой промышленности и увеличивать ея расходы посредствомъ новыхъ фабричныхъ порядковъ противурѣчило бы другимъ мѣрамъ правительства, направленнымъ къ поощренію этой промышленности, большая часть которой принадлежитъ у насъ къ кустарничеству.

Само собою разумѣется, что въ законѣ нельзя будетъ ограничиться опредѣленіемъ категоріи фабрикъ и заводовъ или *лучше промышленныхъ заведеній*, подчиняемыхъ новымъ порядкамъ посредствомъ прилагательныхъ «большія» или «крупныя», а нужно въ точности обозначить такіе признаки этой категоріи, чтобы не могло быть мѣста ни для какого произвола административныхъ органовъ. Казалось бы всего болѣе цѣлесообразнымъ и возбуждающимъ наименѣе недоразумѣній было бы дать преимущество передъ всякими иными признаками *числу рабочихъ*, опредѣливъ ниже какого числа заведенія не подпадаютъ подъ дѣйствіе новыхъ законовъ. Различіе фабрикъ и заводовъ съ *ремесленными* заведеніями слѣдовало бы при нынѣшнихъ условіяхъ техники совсѣмъ исключить.

Затѣмъ, мы переходимъ къ отдѣльнымъ статьямъ закона.

Отдѣлъ I, статья 1.

Въ этой статьѣ сказано, что наемъ рабочихъ на заведеніяхъ фабричной промышленности совершается «на основаніи *общихъ постановленій* о личномъ наймѣ, съ дополненіями изложенными въ законѣ 3 Іюня 1887 г.». Изъ этого должно заключить, что упомянутыя общія постановленія изданныя до этого закона, сохраняютъ свою силу, кромѣ измѣненій черезъ него сдѣланныхъ. Но отсюда возникаетъ въ практикѣ много недоумѣній, ибо съ одной стороны, многія прежнія общія постановленія о личномъ наймѣ, помѣщенныя

въ X т. Св. Зак. (преимущественно въ части первой, Кн. IV, Разд. 4, Отд. I), находятся въ разнорѣчіи съ опредѣленіями закона 3 Іюня 1886 г., а съ другой стороны остается неизвѣстнымъ какія изъ прежнихъ постановленій сохранили свою силу. Сверхъ того, въ законѣ 3 Іюня 1886 г. (въ началѣ I отд.) сказано, что этимъ закономъ *замѣнены* особыя правила о наймѣ на *фабричныхъ* заведеніяхъ (Гл. III, Разд. II Устава о промыслѣ фабричн. и заводской (Св. Зак. Т. XI изд. 1876 г., или гл. IV въ изд. 1846 г.).

Но въ этомъ положеніи дѣла, представляется другой, гораздо болѣе важный вопросъ, сюда относящійся. Если законъ 3 Іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ и другія новыя постановленія, находящіяся съ нимъ въ связи, относятся только къ крупнымъ промышленнымъ заведеніямъ (какъ мы говорили объ этомъ выше и какъ это вѣроятно будетъ выяснено правительствомъ), то спрашивается: какимъ-же законамъ подчинены условія найма и всѣ вообще отношенія нанимателей къ нанимаемымъ на всѣхъ прочихъ заведеніяхъ, число которыхъ несравненно значительнѣе крупныхъ? *) Найти такіе законы теперь не возможно: указанныя выше постановленія X Т. Св, З. о наймѣ рабочихъ совершенно отстали отъ нынѣшнихъ условій промышленности, а упомянутыя постановленія устава о промышленности фабричной (XI Т. Св. З.), замѣненныя Закономъ 3 Іюня 1887 г., не могутъ быть примѣнены ко всѣмъ заведеніямъ. Не могутъ же отношенія рабочихъ къ хозяевамъ, въ громадномъ большинствѣ нашихъ промышленныхъ заведеній, быть основаны единственно на обычаѣ и быть лишены всякой законной почвы и потому всякой законной охраны, — судебной и административной. Разрѣшеніе этого вопроса сдѣлается тѣмъ болѣе настоятельнымъ, чѣмъ болѣе точно будетъ опредѣлена категорія про-

*) Этотъ вопросъ кажется упущенъ изъ виду при составленіи закона 3 Іюня 1887 г.

мышленныхъ заведеній, къ которой относятся новые фабричные законы, и чѣмъ болѣе эта категорія будетъ ограничена наиболѣе крупными заведеніями (какъ это желательно). Тѣмъ большее количество и хозяевъ и рабочихъ останутся тогда безъ законной охраны въ своихъ отношеніяхъ найма.

Затронутый здѣсь вопросъ долженъ быть рѣшенъ или при пересмотрѣ новыхъ фабричныхъ законовъ или-же при новомъ изданіи X и XI Томовъ Св. Зак.

Статья 7 и 8.

О расчетныхъ книжкахъ, къ которымъ относятся эти статьи, и которыя вводятся ими здѣсь (для европейской Россіи, кромѣ трехъ губерній) пока *необязательно*, мы будемъ говорить впослѣдствіи при разсмотрѣніи Правилъ, которыми эти книжки установлены, какъ *обязательныя*, для губ. С.-Петербургской, Московской и Владимірской.

Статья 12.

Эта статья устанавляетъ, что плата рабочимъ должна производиться *не рѣже* одного раза въ мѣсяцъ, если наемъ заключенъ на срокъ болѣе мѣсяца, и *не рѣже двухъ разъ въ мѣсяцъ*, при наймѣ на срокъ неопредѣленный.

Это постановленіе, совсѣмъ у насъ *новое* (до него у насъ не было никакихъ обязательныхъ сроковъ для выдачи платъ рабочимъ прежде окончанія найма), оказалось, въ своемъ практическомъ примѣненіи, весьма вреднымъ для рабочихъ. Это одно изъ самыхъ неудачныхъ и самыхъ чувствительныхъ по своимъ послѣдствіямъ распоряженій новаго фабричнаго законодательства. По установившемуся у насъ всюду обычаю, рабочіе всегда пьянствуютъ вслѣдъ за полученіемъ платы,

по крайней мѣрѣ въ теченіи одного дня, а весьма многіе (если даже не большинство) въ теченіе даже двухъ дней. Новое постановленіе, до котораго платы выдавались гораздо рѣже, чѣмъ въ немъ опредѣлено, сильно содѣйствуетъ развитію пьянства и праздности. Это дѣйствіе тѣмъ сильнѣе, что вслѣдствіе многихъ стѣсненій, связанныхъ для хозяевъ по новому законодательству, со срочными договорами, они болѣе и болѣе замѣняются безсрочнымъ наймомъ, а при немъ обязательна выдача платы черезъ каждыя двѣ недѣли. Такихъ краткихъ сроковъ расчета у насъ нигдѣ не было, за исключеніемъ столицъ. Безъ особенныхъ требованій со стороны рабочихъ, платы не выдавались прежде въ теченіе многихъ мѣсяцевъ; въ счетъ заработка рабочіе получали деньги по ихъ нуждѣ и желанію, а окончательный расчетъ производился обыкновенно два раза въ годъ.

Кромѣ усиленія пьянства, учащеніе выдачи платъ содѣйствуетъ расточительности рабочихъ, для которыхъ было гораздо полезнѣе накоплять заработанныя деньги въ фабричной конторѣ, и потомъ болѣе крупными суммами уносить или посылать въ свои деревни или обращать въ сбереженія. Если посредствомъ новаго порядка хотѣли предотвратить потери рабочихъ въ случаяхъ несостоятельности фабрикантовъ, то вредъ отъ этихъ случаевъ, вообще не многочисленныхъ, ничтоженъ въ сравненіи со зломъ нами указаннымъ. На него мы слышали много жалобъ со стороны не только фабрикантовъ, но даже и самихъ рабочихъ.

Для огражденія рабочихъ противъ неисправнаго расчета хозяевъ и произвольныхъ его сроковъ, было бы казалось достаточнымъ постановить, что рабочіе имѣютъ право въ извѣстные сроки требовать выдачи денегъ, ими *заработанныхъ*.

Статья 13.

Этою статьею установляется право рабочаго *«не получившаго»* (какъ буквально выражено) въ срокъ причитающейся ему платы, на расторженіе договора и на вознагражденіе со стороны фабриканта.

По существу, нельзя ничего возразить противъ этого постановленія, но его редакція и именно выраженіе *«не получившій* въ срокъ» даютъ поводъ къ недоразумѣніямъ, которыя уже и проявились на практикѣ. Выраженіе «рабочій *не получившій*» и проч. слѣдуетъ замѣнить словами: «рабочій, которому по его требованію *отказано* въ установленный или договоренный срокъ въ выдачѣ причитающейся ему платы» и т. д. Иначе, при нынѣшней редакціи, отъ произвола каждаго рабочаго, который бы захотѣлъ *уклониться* отъ полученія въ срокъ платы, зависѣло бы искать расторженія договора. Такіе случаи уже были и могутъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, возникать массами.

Статья 15.

Этою статьею воспрещается, при производствѣ рабочимъ платежей, дѣлать вычеты на уплату ихъ долговъ, за *исключеніемъ* денегъ, задолженныхъ рабочими за продовольствіе и предметы потребленія изъ фабричныхъ лавокъ.

Оставляя пока въ сторонѣ общій вопросъ объ общемъ духѣ всего этого постановленія и его цѣли, т. е., о пользѣ опеки надъ рабочими, какъ надъ малолѣтними, — вопросъ который можетъ быть споренъ, съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія, — мы замѣтимъ здѣсь только, что необходимость присоединенія къ упомянутому исключенію также и *задатковъ*, выданныхъ рабочимъ фабрикантами и нанимателями и денегъ,

выданныхъ ими по разнымъ случаямъ впередъ, въ счетъ будущихъ заработковъ, кажется намъ безспорною. По нѣкоторымъ работамъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, эти задатки и выдачи впередъ вошли въ обычай и во многихъ случаяхъ неизбѣжны и даже благодѣтельны для рабочаго класса (напр. для уплаты податныхъ недоимокъ за крестьянъ, которые безъ этого не получатъ увольненія отъ своихъ обществъ и лишатся заработковъ на фабрикахъ). Указанная статья не уничтожитъ этихъ задатковъ и выдачъ, которые составляютъ слишкомъ необходимое условіе быта рабочихъ, но она даетъ только поводъ, какъ всѣ подобные законы, къ разнымъ противузаконнымъ изворотамъ для ихъ обхода.

Статья 16.

Если установленное здѣсь воспрещеніе завѣдующимъ фабриками взимать проценты за деньги, выдаваемыя ими заимообразно рабочимъ, не останется мертвою буквою, то оно будетъ имѣть только одно послѣдствіе, что рабочіе вынуждены будутъ платить несравненно болѣе высокіе проценты мѣстнымъ ростовщикамъ.

Статья 17.

Этою статьей воспрещается взиманіе съ рабочихъ платы за врачебную помощъ, за освѣщеніе мастерскихъ и за пользованіе при работахъ орудіями производства.

Подобныя узаконенія, имѣющія цѣлію охранить рабочихъ отъ эксплоатаціи хозяевъ, не могутъ имѣть никакихъ выгодныхъ послѣдствій для первыхъ, а скорѣе напротивъ. Пропорціонально вышеупомянутымъ воспрещенымъ особымъ платамъ со стороны рабочихъ, понижаются размѣры ихъ общихъ

рабочихъ платъ, размѣръ которыхъ не въ силахъ установить никакой законъ, не убивъ всякую частную промышленность. Между тѣмъ требованіе особаго вознагражденія со стороны рабочихъ за разные предметы (напр. за свѣчи, лампы, инструменты и проч.), въ счетъ ихъ заработка, во многихъ случаяхъ, заставляетъ ихъ, къ общей и ихъ личной пользѣ, бережливѣе обращаться съ этими предметами. Это доказано опытомъ. Вслѣдствіе крайней небрежности рабочихъ въ обращеніи съ упомянутыми предметами, когда они даровые, фабриканты расположены понижать ихъ рабочія платы даже *больше,* чѣмъ въ пропорціи воспрещенныхъ закономъ вознагражденій за нихъ.

Статья 19, пунктъ 3.

Въ числѣ указанныхъ въ этой статьѣ причинъ и основаній, по которымъ прекращается договоръ найма, въ пунктѣ 3 упомянуто: «пріостановленіе на продолжительное время работъ на фабрикѣ или заводѣ, вслѣдствіе пожара, наводненія, взрыва паровика и *тому подобнаго несчастнаго случая*».

Это постановленіе слишкомъ неопредѣленно, по предмету столь важному какъ право фабриканта на *прекращеніе* договора найма, которое можетъ потрясти бытъ массъ рабочаго народонаселенія. Необходимо, для охраненія интересовъ рабочихъ, гораздо болѣе точное опредѣленіе условій пользованія этимъ правомъ, нежели слова «и тому подобный несчастный случай». Нужно весьма категорическое опредѣленіе всѣхъ такихъ случаевъ.

Но кромѣ того, — и это главное, — необходимо строгое различеніе, во всѣхъ вышеперечисленныхъ случаевъ, тѣхъ, которые произошли *по какой либо винѣ* или совсѣмъ *по мимо воли* владѣльцевъ промышленныхъ заведеній и завѣдующихъ ими. Въ случаѣ положительной вины, рабочіе должны не-

сомнѣнно имѣть по закону право при прекращеніи договора на вознагражденіе со стороны владѣльцевъ. Едва ли не слѣдуетъ установить право рабочихъ *на нѣкоторое* вознагражденіе во всѣхъ случаяхъ пріостановленія работы и прекращенія договора найма. Нужно при этомъ имѣть въ виду: 1) Что хозяева промышленныхъ заведеній заключаютъ договоры о наймѣ съ рабочими для того, чтобы обезпечить себя на весь срокъ этихъ договоровъ противъ всѣхъ случайностей недостатка рабочихъ рукъ, при тѣхъ или другихъ промышленныхъ обстоятельствахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что они на это время лишаютъ рабочихъ свободы распоряженія своею работою, болѣе выгоднымъ для нихъ образомъ; 2) Что съ внезапнымъ прекращеніемъ договора рабочіе, безъ всякой съ ихъ стороны вины, бываютъ лишены всякихъ способовъ существованія и могутъ быть поставлены въ безвыходное положеніе; 3) Что хозяева, вслѣдствіе всей сущности ихъ коммерческаго дѣла должны нести на себѣ всю тяжесть отвѣтственности за всѣ такіе несчастные случаи, также какъ они *одни* извлекаютъ изъ другихъ весьма частыхъ случайностей,—выгоднаго для нихъ оборота промышленныхъ обстоятельствъ, возвышенія цѣнъ на ихъ товаръ, возвышенія рабочихъ платъ, и проч.,—они одни извлекаютъ для себя барыши во все время ихъ договоровъ съ рабочими, безъ всякаго участія послѣднихъ въ этихъ барышахъ, и 4) Что при неблагопріятномъ для нихъ оборотѣ дѣлъ, и при неопредѣленности вышеозначеннаго постановленія, владѣльцы промышленныхъ заведеній, могутъ воспользоваться всякими малѣйшими «несчастными случаями» какъ предлогомъ для прекращенія своего производства, чему бывали примѣры.

Прекращеніе договоровъ о наймѣ во всѣхъ такихъ случаяхъ и опредѣленіе вознагражденій въ пользу рабочихъ должны происходить не иначе, какъ судебнымъ порядкомъ, о которомъ ничего не упомянуто въ разбираемой нами статьѣ. Это умолчаніе тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что

право рабочаго на обжалованіе суду установлено для сходныхъ случаевъ, по ст. 20.

Статья 20, пунктъ а.

Совершенно въ противуположность предыдущему, постановленіе, заключающееся въ пунктѣ а, статьи 20 (о разныхъ случаяхъ, дающихъ завѣдующимъ фабриками право на расторженіе договора найма) не ограждаетъ владѣльцевъ фабрикъ противъ нѣкоторыхъ значительныхъ ущербовъ, которые могутъ быть нанесены имъ неисправностью рабочихъ, и именно *неявкою ихъ на работу безъ уважительныхъ причинъ*. Это постановленіе можетъ даже давать поводъ къ развитію этой неисправности, опредѣляя, что только неявка въ теченіи *болѣе 3 дней сряду* даетъ право на расторженіе договора. При весьма обычной неисправности нашихъ рабочихъ, это правило слишкомъ снисходительно для нихъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ не сказано, чтобы не явка въ теченіи *3 или менѣе дней, многократно и даже неограниченное число разъ повторенная,* и даже въ краткіе періоды времени, давала право на расторженіе договора. Отсюда можетъ возникать много злоупотребленій и безпорядковъ въ ходѣ фабричнаго производства. По этому предмету необходимы гораздо болѣе строгія и болѣе точныя правила.

Статья 21, пунктъ а.

Въ числѣ причинъ дающихъ рабочему право «требовать расторженія договора» (вѣроятно *судебнымъ порядкомъ*, по анологіи со статьею 13, хотя объ этомъ здѣсь положительно не упомянуто), указано въ этомъ пунктѣ на «*вообще дурное обращеніе* со стороны хозяина, его семейства или лицъ, коимъ ввѣренъ надзоръ за рабочими». Приведенное выраже-

ніе «вообще дурное обращеніе» слишкомъ неопредѣленно, въ особенности при нашей обычной грубости нравовъ и можетъ давать поводъ къ весьма несправедливымъ придиркамъ со стороны рабочихъ для расторженія договоровъ. Это постановленіе должно быть гораздо болѣе спеціализировано.

Относительно всѣхъ постановленій настоящаго закона о разныхъ случаяхъ, дающихъ право каждой сторонѣ на прекращеніе договора найма нужно вообще замѣтить, что для всѣхъ безъ изъятія этихъ случаевъ должно быть предоставлено другой сторонѣ право на обжалованіе и на искъ о вознагражденіи передъ судомъ.

Отдѣлъ III, статья 1.

Въ ст. 1359 и 1359 [1]) Уложенія о наказаніяхъ (изд. 1885 г.) установлены разныя денежныя взысканія (отъ 50 до 300 руб.) съ содержателей (т. е., владѣльцевъ) промышленныхъ заведеній за разныя правонарушенія ихъ относительно рабочихъ: за самовольное пониженіе платы до срока договора, за уплату вмѣсто денегъ товарами, хлѣбомъ или другими предметами, и за уплату вмѣсто денегъ купонами.

Затѣмъ, въ ст. 1 Отд. III настоящаго закона взысканіе за эти правонарушенія усилены до крайности (до ареста завѣдующихъ заведеніями на время до трехъ мѣсяцевъ и даже сверхъ того *лишенія на всегда права заводдывать фабриками или заводами*), если упомянутые поступки совершены въ третій разъ или хотя бы только въ *первый* и *второй* разъ, но *«когда они вызвали на заводѣ волненіе, сопровождавшееся нарушеніемъ общественной тишины или порядка и повлекли принятіе чрезвычайныхъ мѣръ для подавленія безпорядковъ»*. Такъ какъ многіе фабриканты сами завѣдуютъ своими заведеніями, то, въ силу вышеозначеннаго наказа-

нія, они могутъ быть, на всю свою жизнь, лишены всякой дѣятельности и права личнаго производительнаго пользованія своими капиталами.

Въ виду случавшихся злоупотребленій фабрикантовъ и ихъ довѣренныхъ по этой части, крайне раззорительныхъ для рабочихъ и возбуждавшихъ между ними раздраженіе и волненія, должно признать справедливымъ и своевременнымъ всякое, хотя бы даже самое строгое усиленіе взысканій съ хозяевъ за эти злоупотребленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать совершенно неправильнымъ и даже лишеннымъ смысла въ юридическомъ отношеніи и крайне вредоноснымъ въ практическомъ вышеизложенное узаконеніе, мотивирующее усиленіе наказанія безпорядками и насиліями рабочихъ, т. е., правонарушеніями другой стороны. Въ практическомъ отношеніи, при нынѣшнемъ настроеніи умовъ въ нѣкоторыхъ центрахъ нашихъ рабочихъ народонаселеній, это постановленіе просто пагубно, опредѣляя какъ бы премію въ пользу рабочихъ за ихъ безпорядки и насилія и наказаніе хозяевъ за эти безпорядки и насилія.

Намъ положительно извѣстно, что въ дѣйствительности уже и оказались вредныя дѣйствія этого постановленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ буйствъ рабочихъ, ихъ вожаки и злонамѣренные подстрекатели, которые поджигаютъ рабочихъ къ стачкамъ и возстаніямъ, переходя съ мѣста на мѣсто,— каковыхъ появилось въ послѣдніе годы не мало,—угрожали ненавистнымъ имъ фабрикантамъ и распорядителямъ (основывалсь на приведенной статьѣ) тѣмъ, что они де могутъ посредствомъ своихъ безпорядковъ засадить послѣднихъ въ тюрьму и на всегда удалить съ фабрикъ! Такими, злонамѣренными толкованіями, хотя и совсѣмъ нелѣпыми, этой статьи массы рабочихъ были воодушевляемы къ упорству въ безпорядкахъ и неповиновеніи. Между тѣмъ, если во многихъ случаяхъ, завѣдующіе промышленными заведе-

ніями бываютъ сами, чрезъ свои злоупотребленія и притѣсненія, виноваты въ раздраженіи и проступкахъ рабочихъ, то въ другихъ случаяхъ, какъ мы тому были свидѣтели, они бываютъ совершенно въ томъ неповинны, или если содѣйствуютъ возбужденію безпорядковъ, то развѣ только неумѣлостью своихъ дѣйствій относительно рабочихъ, — неумѣлостью часто даже добродушною и благонамѣренною. Въ иныхъ случаяхъ, волненія рабочихъ распространяются въ данной мѣстности съ одного заведенія на другое какъ зараза и также посредствомъ кочующихъ агитаторовъ; если тамъ гдѣ безпорядки начались и бываютъ часто виноваты сами хозяева, то завѣдующіе другими фабриками, на которыя распространяется пропаганда волненій, могутъ страдать совсѣмъ безвинно.

Въ нашихъ бойкихъ фабричныхъ центрахъ уже есть примѣры такихъ напряженныхъ отношеній между хозяевами и рабочими и такого ожесточенія послѣднихъ противъ первыхъ, что рабочіе бываютъ готовы сами пострадать лишь бы досадить хозяевамъ. Къ этому даетъ сильный поводъ приведенная статья закона. Дальнѣйшее съ нею ознакомленіе массъ рабочихъ можетъ значительно усилить развитіе пагубныхъ ея послѣдствій.

Статья 2.

Вслѣдъ за опредѣленіемъ въ этой статьѣ наказанія за прекращеніе рабочими работы *до срока*, но стачкѣ между собою съ цѣлію принужденія фабрикантовъ къ возвышенію рабочей платы, сказано, что «участники стачки, прекратившіе таковую и приступившіе къ работамъ по первому требованію полицейской власти отъ наказанія освобождаются».

Это постановленіе, безъ всякой нужды, заключаетъ въ себѣ слишкомъ большое снисхожденіе къ рабочимъ, если

имѣть въ виду, что здѣсь идетъ дѣло не о стачкѣ для торга съ фабрикантами относительно размѣровъ платы, а о противузаконныхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ рабочихъ къ нарушенію договоровъ. По прямому и буквальному смыслу этого постановленія рабочіе могутъ *безнаказанно* нарушать договоры о наймѣ и прекращать работу по стачкѣ, т. е., массами, и черезъ это насильственно пріостанавливать производство на фабрикѣ, лишь бы они прекратили свои беззаконныя дѣйствія *по прибытіи полицейскихъ властей*, которыя при нашихъ разстояніяхъ и дурныхъ сообщеніяхъ часто прибываютъ на мѣсто безпорядковъ не скоро послѣ ихъ возникновенія.

Если, въ иныхъ случаяхъ, при невѣжествѣ большинства нашихъ рабочихъ, легко увлекаемыхъ злонамѣренными подстрѣкателями безпорядковъ, упомянутое снисхожденіе можетъ быть нужно и справедливо, то нѣтъ надобности заявлять объ немъ въ законѣ; оно гораздо правильнѣе, при разсмотрѣніи обстоятельствъ каждаго дѣла, можетъ быть оказываемо судомъ, которому подлежатъ всѣ такія дѣла.

III.

ПРАВИЛА О НАДЗОРѢ ЗА ЗАВЕДЕНІЯМИ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ФАБРИКАНТОВЪ И РАБОЧИХЪ, 3 ІЮНЯ 1886 г. (ВВЕДЕННЫЯ ВЪ ДѢЙСТВІЕ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ, МОСКОВСКОЙ И ВЛАДИМІРСКОЙ).

Эти правила заслуживаютъ вниманія не только потому, что они дѣйствуютъ въ трехъ наиболѣе фабричныхъ нашихъ губерніяхъ, но главнѣйше потому, что они введены въ этихъ

губерніяхъ только въ видѣ опыта, съ тѣмъ, чтобы они были распространены впослѣдствіи и на другія губерніи (согласно ст. 22 Отд. I Общаго Закона о наймѣ 3 Іюня 1886 г.).

Статья 1.

Въ этой статьѣ сказано, что «*надзоръ* за соблюденіемъ на фабрикахъ и заводахъ должнаго благоустройства и порядка возлагается на *мѣстное губернское начальство* и осуществляется имъ *при содѣйствіи* губернскихъ по фабричнымъ дѣламъ присутствій, чиновъ фабричной инспекціи и полиціи».

Содержаніе этой статьи, долженствующей опредѣлить съ одной стороны *отвѣтственность* тѣхъ или другихъ мѣстныхъ властей за исполненіе новыхъ фабричныхъ законовъ, а съ другой стороны,—отношенія чиновъ фабричной инспекціи къ губернскому начальству, должно быть гораздо точнѣе формулировано, нежели это здѣсь сдѣлано. Отношенія чиновъ фабричной инспекціи къ главному губернскому начальству, т. е., къ губернатору, остаются до сихъ поръ весьма неопредѣленными, и отсюда возникаютъ недоумѣнія, разнорѣчія разныхъ органовъ и даже столкновенія между ними въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда именно всего болѣе нужны единство, энергія и быстрота административныхъ распоряженій, напр. въ случаяхъ волненій и насильственныхъ дѣйствій рабочихъ. Намъ извѣстны подобные случаи, въ которыхъ фабричные инспекторы только случайно узнавали о такихъ волненіяхъ, происходившихъ вблизи отъ ихъ мѣстожительства, не смотря на то, что полицейскія власти, въ теченіе многихъ дней передъ тѣмъ, распоряжались на мѣстахъ подавленіемъ безпорядковъ.

Чины фабричной инспекціи не могутъ быть, подобно полиціи безусловно подчинены губернатору, такъ какъ они поставлены, помимо всѣхъ мѣстныхъ властей, въ непосред-

ственныя отношенія къ Министерству Финансовъ, къ завѣдывающему дѣлами фабричной инспекціи Департаменту Торговли и Мануфактуръ и къ ихъ прямому начальнику Главному Фабричному Инспектору, а объединеніе фабричной инспекціи черезъ органы центральнаго управленія признается необходимымъ не только у насъ, но и во всѣхъ другихъ государствахъ. При всемъ этомъ, для облегченія распоряженій губернскаго начальства по надзору за фабриками и для единства дѣйствій всѣхъ мѣстныхъ административныхъ органовъ, чины фабричной инспекціи должны и могутъ быть болѣе, чѣмъ нынѣ, подчинены губернатору; во всякомъ случаѣ, должностныя ихъ къ нему отношенія должны быть точнѣе опредѣлены. Къ этому предмету мы впрочемъ вернемся въ нашемъ заключеніи по поводу общаго вопроса о мѣстѣ фабричной инспекціи въ кругу нашего государственнаго управленія.

Статья 2, примѣч. 2.

Введеніе въ личный составъ Губернскихъ Присутствій по фабричнымъ дѣламъ (согласно этому Прим. ко 2 ст.) въ Москвѣ двухъ членовъ отдѣленія совѣта торговли и мануфактуръ, а въ другихъ мѣстностяхъ двухъ членовъ комитетовъ торговли и мануфактуръ, гдѣ они существуютъ, *вмѣсто членовъ отъ земскаго и городскаго управленій* (какъ это установлено вообще въ этой статьѣ) оказывается на практикѣ неудобнымъ въ разныхъ случаяхъ спорныхъ вопросовъ. Упомянутыя лица лично заинтересованы въ фабричныхъ дѣлахъ и не могутъ заявлять мнѣній безпристрастныхъ, и черезъ это могутъ усиливать число голосовъ въ направленіи, желательномъ для интересовъ связаннаго съ ними по профессіи фабрикантскаго и коммерческаго класса. Когда это и не случается, то эти лица бываютъ въ томъ заподазриваемы

другими членами. Когда губернскія присутствія нуждаются для спеціяльныхъ свѣдѣній въ свѣдущихъ лицахъ, то они, согласно ст. 3, могутъ приглашать экспертовъ изъ среды фабрикантовъ (съ правомъ совѣщательнаго голоса).

Статья 5, пункты а. б. и д., и статья 6.

Всѣ эти постановленія должны быть разсмотрѣны въ своей совокупности, заслуживающей серьезнаго вниманія.

По пункту б) статьи 5-ой Губернскія Присутствія по фабричнымъ дѣламъ имѣютъ право налагать денежныя взысканія на завѣдующихъ фабриками за разныя ихъ правонарушенія (обозначенныя въ 40—42 ст. Правилъ и въ 1359 ст. уложенія о Наказ.), т. е., подвергать ихъ наказанію. На всѣ такія постановленія Губернскихъ Присутствій могутъ быть приносимы въ мѣсячный срокъ жалобы Министру Финансовъ, который разрѣшаетъ ихъ по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, *за исключеніемъ случаевъ взысканій непревышающихъ ста рублей, налагаемыхъ Присутствіемъ окончательно безъ всякаго права обвиненныхъ на обжалованіе.*

Весь этотъ порядокъ находится въ самомъ рѣзкомъ противурѣчіи съ однимъ изъ основныхъ началъ дѣйствующихъ судебныхъ уставовъ (Императора Александра II), согласно которому никакое наказаніе не можетъ быть налагаемо безъ суда. Этотъ порядокъ возбуждаетъ крайнее неудовольствіе въ фабричномъ мірѣ, уже испытавшемъ многія его неудобства.

Губернскія по фабричнымъ дѣламъ Присутствія, которыя поставлены какъ высшая мѣстная инстанція по упомянутымъ взысканіямъ, учрежденія, хотя и коллегіяльныя, но чисто административныя, и по своему устройству, и по своей процедурѣ. Ни состязательнаго оспариванія дѣла, ни при-

званія обвиняемаго для своей защиты, ни гласности не можетъ быть въ этихъ административныхъ учрежденіяхъ. Затѣмъ, установленный путь обжалованія рѣшеній Присутствій крайне неудобенъ и затруднителенъ, не только для заинтересованныхъ лицъ, но и для самихъ Министерствъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, на которыя возложены совершено несвойственныя имъ обязанности по пересмотру дѣлъ, долженствующихъ имѣть по своему существу судебный характеръ.

Наконецъ, безъаппеляціонное право Губернскихъ Присутствій налагать въ выше обозначенныхъ случаяхъ, взысканія до 100 р. крайне стѣснительно и ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Денежныя взысканія въ этомъ размѣрѣ весьма значительны для владѣльцевъ мелкихъ промышленныхъ заведеній тѣмъ болѣе, что они могутъ быть налагаемы неограниченное число разъ.

Сверхъ всего этого, нужно замѣтить, что весь порядокъ, опредѣленный въ ст. 5 для дѣлъ и вопросовъ, рѣшаемыхъ Губернскими Присутствіями по фабричнымъ дѣламъ совершенно исключительный сравнительно съ общимъ нашимъ законодательствомъ и съ общимъ нашимъ государственнымъ строемъ въ томъ отношеніи, что здѣсь не установлено право жалобы на рѣшенія этихъ Присутствій Правительствующему Сенату, какъ это установлено относительно всѣхъ подобныхъ Губернскихъ Присутствій, учрежденныхъ въ новѣйшее время по другимъ отраслямъ администраціи. Въ противность общему узаконенному у насъ порядку, окончательною вершительницею всѣхъ споровъ и пререканій возбуждаемыхъ губернскими Присутствіями по фабричнымъ дѣламъ является единоличная власть Министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Между тѣмъ, этимъ Присутствіямъ предоставлены здѣсь обширныя полномочія, затрогивающія множество крупныхъ и чувствительныхъ личныхъ и могущественныхъ интересовъ, какъ то: кромѣ вышеупомянутой карательной вла-

сти, право на изданіе *обязательныхъ* постановленій о мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы для охраненія жизни, здоровья и нравственности рабочихъ (п. а.) и разрѣшеніе сомнѣній, встрѣчаемыхъ чинами инспекціи при примѣненіи Правилъ 3 іюня 1886 г. (п. д.). По такимъ важнымъ предметамъ, какіе обозначены въ двухъ послѣднихъ упомянутыхъ случаяхъ, законность распоряженій губернскихъ начальствъ, противъ весьма возможныхъ съ ихъ стороны, превышеній власти, произвола, ошибокъ и недоумѣній, не ограждена, вопреки общему нашему государственному порядку, верховнымъ учрежденіемъ (Сенатомъ), поставленнымъ на стражѣ законности въ государствѣ. Надо впрочемъ полагать, что это умолчаніе въ разсматриваемомъ законѣ произошло только по недоразумѣнію.

Сверхъ того, пунктъ д., 5 статьи, предоставляющій губернскимъ присутствіямъ право разрѣшать всѣ сомнѣнія, встрѣчаемыя чинами фабричной Инспекціи по примѣненію Правилъ 3 Іюня 1886 г., находится въ противурѣчіи съ кругомъ власти и дѣятельности Главнаго Фабричнаго Инспектора, которому «непосредственно подчинены всѣ окружные инспекторы и который «обязанъ объединять и направлять дѣятельность чиновъ фабричной инспекціи», на основаніи параграфовъ 7 и 17 — 21 инструкціи, изданной Министромъ Финансовъ во исполненіе Высоч. утв. 1 Іюня 1882 г. Мнѣнія Госуд. Совѣта о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ. Хотя эти послѣднія постановленія относятся собственно къ новымъ законамъ о работѣ малолѣтнихъ, но таже самая власть и тоже значеніе главнаго фабричнаго инспектора установились впослѣдствіи относительно всѣхъ безъ изъятія предметовъ подвѣдомственныхъ въ государствѣ чинамъ фабричной инспекціи.

Статья 7.

Въ этой статьѣ излагаются разныя обязанности, возложенныя на фабричную инспекцію, сверхъ надзора за исполненіемъ новыхъ законовъ о малолѣтнихъ. Эта статья заслуживаетъ вниманіе въ особенности потому, что ею болѣе чѣмъ всѣми другими постановленіями опредѣляется общій характеръ дѣятельности, правъ и обязанностей фабричной инспекціи.

Тутъ нужно сперва замѣтить вообще, что не только редакціей, но и содержаніемъ этой статьи (преимущественно пунктовъ а., в., и г.,) дѣйствіямъ фабричной инспекціи,—хотя и съ нѣкоторыми противурѣчіями,—данъ характеръ *не репрессивный*, наиболѣе желательный, а *превентивный*, порождающій наиболѣе недоразумѣній со стороны, какъ нанимателей, такъ и нанимаемыхъ, и наиболѣе неудовольствій противъ новыхъ порядковъ въ средѣ фабрикантовъ и ихъ должностныхъ лицъ. Подъ репрессивными дѣйствіями мы разумѣемъ наблюденіе за исполненіемъ законовъ и за возникновеніемъ правонарушеній, и преслѣдованіе послѣднихъ въ узаконенномъ административномъ и главнѣйше судебномъ порядкѣ. Сосредоточенная на этомъ дѣятельность фабричной инспекціи можетъ всего вѣрнѣе разрѣшить государственную задачу по охранѣ правъ и обязанностей нанимателей и нанимаемыхъ и по обезпеченію тѣхъ и другихъ противъ злоупотребленій и взаимныхъ обидъ. *Превентивная* дѣятельность инспекціи, заключающаяся вообще въ *опекѣ* надъ взаимными отношеніями хозяевъ и рабочихъ, въ *предупрежденіи* несогласій и столкновеній между ними, въ мѣрахъ къ улучшенію быта рабочихъ, вовлекаетъ не только чины инспекціи, но и всѣ правительственные органы въ неисчислимыя затрудненія, налагаетъ на правительство совсѣмъ излишнюю и непосильную

отвѣтственность передъ народомъ, возбуждаетъ неисполнимыя требованія и надежды со стороны рабочихъ, поселяетъ въ нихъ духъ недовѣрія къ хозяевамъ и чрезвычайно стѣсняетъ дѣятельность владѣльцевъ промышленныхъ заведеній не только хозяйственную, но даже и ту, которая направлена къ охраненію общественнаго порядка и ко благу самихъ рабочихъ. Все это оказалось въ практической промышленной жизни, съ тѣхъ поръ какъ введены новые порядки. Въ Россіи, при слабомъ умственномъ развитіи рабочаго класса, отчасти и многихъ мелкихъ фабрикантовъ, нѣкоторый опекательный элементъ конечно не можетъ не оставаться въ дѣятельности инспекціи, но репрессивный характеръ долженъ въ ней господствовать (см. объ этомъ ниже въ заключеніи). Если будетъ принята указанная нами точка зрѣнія, то вся эта статья должна быть передѣлана.

Въ частности относительно отдѣльныхъ пунктовъ этой статьи нужно замѣтить, въ связи съ вышесказаннымъ слѣдующее:

Въ пунктѣ в., постановлено, что мѣстная фабричная инспекція не только разсматриваетъ, но и *утверждаетъ* таксы, табели, росписанія и правила внутренняго распорядка, составляемыя фабричными управленіями для руководства рабочихъ (таксы платежей за пользованіе рабочихъ квартирами, банею, чайными, столовыми и т. п., согласно ст. 27, росписаніе и цѣны предметовъ, продаваемыхъ рабочимъ въ фабричныхъ лавкахъ, согласно ст. 28, разныя правила внутренняго распорядка на фабрикахъ,—между прочимъ росписаніе часовъ работъ для малолѣтнихъ и *взрослыхъ*, порядокъ отлучекъ съ работъ, опредѣленіе времени чистки машинъ, разныя требованія хозяевъ относительно благочинія, безопасности, и предосторожности при обращеніи съ машинами и огнемъ и проч., согласно ст. 29, и размѣръ денежныхъ взысканій налагаемыхъ на рабочихъ собственною властью хозяевъ за разныя нарушенія порядка со стороны первыхъ, согласно ст. 30 и 34).

Установленныя въ этомъ пунктѣ право и обязанность чиновъ фабричной инспекціи *утверждать* всѣ, до мельчайшихъ подробностей, правила внутреннихъ распорядковъ на фабрикахъ, вызвали всего болѣе затрудненій въ дѣятельности фабричной инспекціи и всего болѣе раздраженія, — въ большей части случаевъ весьма естественнаго, — въ кругу фабрикантовъ и ихъ должностныхъ лицъ. Это *право утвержденія*, и значитъ, *измѣненія* всѣхъ этихъ распорядковъ фабричными инспекторами *по своему личному* усмотрѣнію всего явственнѣе придало ихъ дѣйствіямъ характеръ *превентивный*, или опекательный, о которомъ сказано выше. Отсюда можетъ, при томъ или другомъ личномъ взглядѣ инспектора и даже при самыхъ благихъ и честныхъ его намѣреніямъ (не говоря о злоупотребленіяхъ) возникать такая *крайняя регламентація* всей внутренней фабричной жизни и всего фабричнаго хозяйства, — и она уже часто возникала, — что она не только крайне стѣснительна для владѣльцевъ и распорядителей промышленныхъ заведеній, но и переноситъ всю нравственную *отвѣтственность* за фабричную жизнь и хозяйство въ фабрикантовъ на правительство и его должностныхъ лицъ. Эта отвѣтственность, въ случаяхъ безпорядковъ и возбуждаемыхъ ими судебныхъ дѣлъ, можетъ дѣлаться даже *формальною*. Эта отвѣтственность затруднительна и даже опасна для правительства передъ рабочими еще несравненно болѣе, чѣмъ передъ фабрикантами. Вслѣдствіе этой регламентаціи, фабриканты говорятъ, что они не чувствуютъ себя болѣе хозяевами въ своемъ имуществѣ и въ своемъ собственномъ домѣ, и что полновластными хозяевами сдѣлались гораздо болѣе должностныя лица, не несущія однако ни коммерческой отвѣтственности за ихъ промышленныя предпріятія, ни отвѣтственности за общественный порядокъ, безопасность и спокойствіе въ промышленныхъ заведеніяхъ. Это непріятное чувство фабрикантовъ весьма понятно.

Отсюда возникало наиболѣе столкновеній между фабри-

кантами и фабричными инспекторами. Нѣкоторыя извѣстныя намъ требованія послѣднихъ относительно измѣненія издавна установившихся и введенныхъ съ благою цѣлію на иныхъ фабрикахъ порядковъ не могутъ быть ничѣмъ оправданы. Такъ напр. нѣкоторые чины и даже высшія мѣстныя инстанціи фабричной инспекціи требовали отмѣны разныхъ распоряженій фабрикантовъ, можетъ быть и излишне строгихъ, но полезныхъ и нисколько не противныхъ закону, — относительно предосторожностей противъ огня. Во многихъ подобныхъ случаяхъ, требованія фабричной инспекціи не исполнялись хозяевами промышленныхъ заведеній и они были оправдываемы мировыми судьями, когда дѣло переносилось на разсмотрѣніе послѣднихъ, такъ какъ распоряженія хозяевъ, отмѣну которыхъ требовала инспекція не заключала въ себѣ ничего противузаконнаго.

Вслѣдствіе множества недоразумѣній, возникавшихъ изъ разбираемаго нами постановленія, Министерство Финансовъ, сколько намъ извѣстно, уже разъяснило циркулярно что *утвержденіе* подписью чиновъ фабричной инспекціи расцѣнокъ рабочей платы на фабрикахъ и объявленій о томъ вывѣшиваемыхъ на стѣнахъ фабричныхъ зданій не имѣетъ другаго значенія, какъ *засвидѣтельствованія* всего этого со стороны этихъ чиновъ. Но это разъясненіе, касаясь только расцѣнокъ, а не всѣхъ вышеобозначенныхъ предметовъ, недостаточно для устраненія недоразумѣній. Для этого едва ли не нужно *устраненіе всякой подписи* чиновъ фабричной инспекціи на всѣхъ правилахъ и объявленіяхъ хозяевъ объ ихъ внутреннихъ распорядкахъ. Совершенно достаточно для охраны со стороны правительства законнаго порядка въ промышленныхъ заведеніяхъ и интересовъ рабочихъ, твердо опредѣлить *право* фабричной инспекціи знать и расматривать всѣ правила, введенныя въ этихъ заведеніяхъ и обязанность ихъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ этихъ правилахъ не было ничего *противнаго* дѣйствующимъ *законамъ* и чтобы они были извѣстны рабо-

чимъ (т. е., вывѣшаны въ мастерскихъ и написаны въ договорахъ съ рабочими и въ расчетныхъ книжкахъ, — какъ это теперь и требуется).

Въ числѣ предметовъ, входящихъ (по этому пункту ст. 7 и по ст. 27, 28, 29 и 34) въ фабричныя правила и распорядки, утверждаемые фабричною инспекціей, наиболѣе возбуждаетъ недоразумѣній *утвержденіе инспекціей* такъ называемыхъ табелей *разцѣнокъ* работъ и также цѣнъ товаровъ, продаваемыхъ изъ фабричныхъ лавокъ. Хотя право чиновъ инспекціи утверждать и измѣнять по своему усмотрѣнію, разцѣнки работъ совсѣмъ неупомянуто въ настоящемъ законѣ, но оно практиковалось чинами инспекціи и признавалось за ними губернскими присутствіями (до вышеуказаннаго распоряженія Министерства Финансовъ). Намъ лично приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ представителей фабричной инспекціи, что это право необходимо имъ для охраны рабочихъ противъ злоупотребленій въ выдачѣ имъ рабочихъ платъ (распредѣленіи и разчетѣ ихъ по разнымъ процессамъ фабричнаго производства). Между тѣмъ разцѣнки работъ, опредѣляющія классификацію *общаго основнаго размѣра* платы, *напередъ опредѣленнаго въ договорѣ о наймѣ* и его видоизмѣненія по разнымъ родамъ работы и ея частнымъ случаямъ, хотя и не одно и тоже, что опредѣленіе этого договореннаго между нанимателями и нанимаемыми *основнаго размѣра или общей нормы* платы, однако эти разцѣнки близко соприкасаются съ этимъ размѣромъ, тѣсно обусловливаютъ собою его практическіе результаты для рабочихъ и ихъ окончательный заработокъ (см. ст. 26 этихъ же правилъ). Поэтому отъ вмѣшательства фабричной инспекціи въ опредѣленіе этихъ разцѣнокъ почти только одинъ шагъ до вмѣшательства въ *опредѣленіе самаго размѣра рабочихъ платъ*. Вмѣшательство-же государства въ это основное условіе всякаго договора найма немыслимо, такъ какъ оно разрушило бы всякую свободу труда и

промышленности; но даже и описанное приближеніе правительственныхъ агентовъ къ этому дѣлу опасно, внушая рабочимъ ошибочную мысль, что правительство беретъ на себя опеку надъ размѣрами получаемыхъ ими платъ и ихъ благосостояніемъ.

Что касается до утвержденія цѣнъ въ фабричныхъ лавкахъ, то мы будемъ говорить объ этомъ ниже, по поводу послѣднихъ (ст. 28).

Относительно права утвержденія фабричной инспекціей таксъ платежей рабочихъ за фабричныя квартиры, бани и прочія удобства и принадлежности ихъ жизни (ст. 27),— права, не могущаго имѣть никакой иной цѣли, кромѣ назначенія такихъ таксъ или размѣровъ этихъ платежей, которые были бы льготны для рабочихъ, т. е. *ниже размѣровъ* предлагаемыхъ хозяевами,—остается повторить только то, что сказано нами выше о воспрещеніи взимать съ рабочихъ особое вознагражденіе за инструменты, освѣщеніе и проч. На сколько упомянутыя таксы, назначенныя фабричной инспекціей будутъ убыточны для нанимателей, на столько они будутъ понижать размѣры общей рабочей платы (какъ они это и дѣлаютъ), пока существуетъ какая нибудь свобода договора найма и право нанимателей свободно договариваться объ этой платѣ съ нанимаемыми.

Въ пунктѣ г. ст. 7 поставлено въ обязанность фабричной инспекціи «принятіе *мѣръ* (?) къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній путемъ изслѣдованія на мѣстѣ возникшихъ неудовольствій и миролюбиваго соглашенія сторонъ».

Слишкомъ глухая редакція этого пункта возбуждала не мало недоразумѣній, и между прочимъ приводила къ тому, что фабричные инспекторы были заваливаемы со стороны рабочихъ жалобами и исками, которые имъ не подвѣдомы и относятся къ разсмотрѣнію мировыхъ судей. Возникшая въ понятіяхъ рабочаго народа неясность разграниченія власти фабричнаго инспектора и мироваго судьи всего болѣе ка-

жется обусловлена этимъ пунктомъ. Въ немъ не сказано *какого рода мѣры* обязаны принимать фабричные инспектора къ *предупрежденію* неудовольствій и споровъ между рабочими и хозяевами, да и трудно найти какія либо такія мѣры, кромѣ разъясненія обѣимъ сторонамъ, смысла и силы дѣйствующихъ узаконеній и въ особенности новыхъ фабричныхъ порядковъ. Это и должно быть поставлено фабричной инспекціи въ главную ея обязанность на этомъ пути *предупрежденія* неудовольствій со стороны рабочихъ, разростающихся часто отъ мелочей до крупныхъ волненій и безпорядковъ; эту обязанность она къ сожалѣнію не всегда успѣваетъ своевременно исполнить. Затѣмъ, миролюбивое соглашеніе сторонъ, не можетъ не входить въ кругъ обязанностей фабричной инспекціи, — какъ это постановлено и во всѣхъ другихъ странахъ, — но у насъ опытъ доказалъ что упомянутое соглашеніе рѣдко удавалось безъ посредства высшихъ мѣстныхъ административныхъ властей и полиціи, когда безпорядки и страсти разгорались.

Статья 12.

Эта статья, обязывающая чиновъ полиціи сообщать фабричной инспекціи о всѣхъ *доходящихъ до свѣдѣнія* полиціи нарушеніяхъ порядка на фабрикахъ и оказывать инспекціи «должное *содѣйствіе*», понимается въ иныхъ мѣстностяхъ представителями инспекціи весьма своеобразно, а именно въ томъ смыслѣ, что *главнѣйше* полиція должна слѣдить за упомянутыми нарушеніями и своевременно увѣдомлять объ нихъ мѣстныхъ чиновъ инспекціи, которые безъ такихъ увѣдомленій какъ бы не обязаны ни къ какимъ съ своей стороны распоряженіямъ. Выше приведенное выраженіе «должное содѣйствіе» полиціи толкуется вообще иными чинами фабричной инспекціи слишкомъ широко, въ смыслѣ слишкомъ

значительнаго перенесенія ихъ обязанностей на полицію. Полиція же и безъ того слишкомъ обременена у насъ занятіями, не входящими прямо въ кругъ ея дѣятельности. А дѣятельность фабричной инспекціи, по главному ея существу, и прежде всего, не можетъ не быть *полицейскою*; она представляетъ собою только особую спеціальную отрасль государственной полиціи и должна, черезъ *раздѣленіе полицейскаго труда*, служить къ облегченію обязанностей общей полиціи. Все это нужно имѣть въ виду при обсужденіи раньше указаннаго нами общаго вопроса о необходимости болѣе точнаго опредѣленія отношеній фабричной инспекціи къ другимъ мѣстнымъ административнымъ властямъ.

Статья 13.

Эта статья предоставляетъ чинамъ фабричной инспекціи право возлагать на чиновъ полиціи обязанности по преслѣдованію на судѣ виновныхъ въ нарушеніи Правилъ 3 Іюня 1886 г., также какъ Примѣч. къ п. 3 ст. 4 Разд. II Правилъ 1 Іюня 1882 г. о работѣ малолѣтнихъ предоставляетъ тоже право по нарушеніямъ этихъ послѣднихъ правилъ.

Согласно тому, что было сказано нами передъ этимъ, по поводу ст. 12, и согласно неоднократно нами заявленной точкѣ зрѣнія на желательное направленіе дѣятельности фабричной инспекціи, упомянутое выше право ея, во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ, должно быть отмѣнено. На ея чиновъ должна быть возложена обязанность лично преслѣдовать на судѣ виновныхъ во всѣхъ нарушеніяхъ фабричныхъ узаконеній и порядковъ. Эта обязанность всего ближе подходитъ къ характеру *репрессивной* дѣятельности инспекціи, который желательно было бы ей усвоить, и эта обязанность

будетъ дѣятельнѣе и легче исполняема фабричными инспекторами, когда будетъ сокращена ихъ *превентивная* и опекательная дѣятельность (какъ мы объ этомъ уже говорили).

Статья 14.

Согласно всему нами сказанному, сдѣланное въ этой статьѣ упоминовеніе объ «обязанностяхъ полиціи по *надзору* за благоустройствомъ и порядкомъ на фабрикахъ и заводахъ» должно быть исключено. Упомянутыя обязанности будутъ тогда всецѣло лежать на чинахъ фабричной инспекціи, какъ на органахъ спеціальной (фабричной) полиціи, а чины общей полиціи будутъ обязаны только оказывать, въ нужныхъ случаяхъ, содѣйствіе первымъ къ предупрежденію и пресѣченію правонарушеній (главнѣйше насильственныхъ дѣйствій и вещественныхъ безпорядковъ).

Статьи 21, 22, 23, 24 и 25.

Всѣ эти статьи относятся къ *расчетнымъ книжкамъ* рабочихъ, введеннымъ *обязательно* въ трехъ губерніяхъ, на которыя пока распространены правила 3 Іюня 1886 г.

Всего болѣе заслуживаетъ здѣсь вниманія постановленіе (ст. 21), по которому *образцы* расчетныхъ книжекъ должны быть *утверждаемы* губернскимъ по фабричнымъ дѣламъ присутствіемъ. Это постановленіе сдѣлалось источникомъ многихъ недоразумѣній на фабрикахъ и въ рабочемъ мірѣ, въ томъ числѣ недоразумѣній, даже весьма плачевныхъ, причинившихъ серьезные безпорядки.

Въ силу упомянутаго постановленія, въ книжкахъ *пропечатываются* утвержденіе ихъ губернскимъ присутствіемъ, сверхъ того, помѣщаются такія выраженія, въ самомъ на-

чалѣ книжки: «напечатано по распоряженію такого то губернскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія», и затѣмъ подписи всѣхъ его членовъ. Черезъ все это расчетная книжка, *со всѣмъ своимъ содержаніемъ*, получаетъ въ глазахъ рабочихъ характеръ *правительственнаго* документа, и почти закона. Если даже оставить въ сторонѣ всякія лжетолкованія, которымъ подвергается такая наружная форма расчетныхъ книжекъ со стороны невѣжественныхъ или злонамѣренныхъ людей, то вслѣдствіе этой формы всякій даже образованный и добросовѣстно мыслящій человѣкъ,—и фабрикантъ и рабочій,—имѣетъ по меньшей мѣрѣ право думать, что все *напечатанное* въ книжкѣ (т. е., въ ея бланкѣ) *одобрено* высшею мѣстною правительственною властію (на первомъ мѣстѣ пропечатывается подпись Губернатора, какъ Предсѣдателя Губернскаго Присутствія, и потомъ другихъ властей,—Членовъ Присутствія). Предполагать, что даже и все то что̀ прописывается въ этихъ книжкахъ перомъ, какъ напр. самый *размѣръ договоренной платы* рабочимъ, также утверждено правительственною властью было бы конечно лжетолкованіемъ этой узаконенной формы книжекъ, хотя и къ этому способны многіе темные люди въ рабочей средѣ. Но достаточно и того, что̀ сказано нами передъ этимъ, чтобы объяснить множество недоразумѣній, причиняемыхъ этимъ постановленіемъ.

Между тѣмъ, кромѣ нѣкоторыхъ предметовъ, обязательно по закону (ст. 24) помѣщаемыхъ въ расчетныхъ книжкахъ, содержаніе ихъ (не только рукописное, но и печатное) предоставлено на волю владѣльцевъ промышленныхъ заведеній. Поэтому оно весьма разнообразно, не только въ разныхъ губерніяхъ, но и въ одномъ и томъ-же уѣздѣ, на разныхъ фабрикахъ *). Такъ между прочимъ, законъ (п. ж. ст. 24)

*) Мы собрали достаточное количество расчетныхъ книжекъ на разныхъ фабрикахъ, чтобы фактически подтвердить все здѣсь нами сказанное.

обязываетъ помѣщать, въ книжкахъ *извлеченія* изъ законовъ, относящихся къ правамъ, обязанностямъ и отвѣтственности рабочихъ, но выборъ этихъ извлеченій и изложеніе ихъ предоставлены усмотрѣнію фабрикантовъ. Потому эта, важнѣйшая, часть печатныхъ бланковъ разсчетныхъ книжекъ весьма разнообразна въ разныхъ мѣстностяхъ и даже на разныхъ фабрикахъ, въ одномъ и томъ-же пунктѣ. Сверхъ того, почти во всѣхъ видѣнныхъ нами экземплярахъ этихъ книжекъ она составлена весьма неправильно. Намъ случалось встрѣчать даже совсѣмъ произвольное изложеніе законовъ, съ пропусками существенныхъ постановленій и съ искаженіями текста. Толковое систематическое извлеченіе изъ всѣхъ фабричныхъ узаконеній, вышедшихъ въ разное время, и компилированіе всего того, что сохранило свою силу не такъ легко сдѣлать, въ особенности лицамъ, находящимся для этой работы въ распоряженіи фабрикантовъ въ провинціи. Отъ такихъ лицъ нельзя-же требовать правильнаго кодификаціоннаго труда. Такъ, напр. рядомъ съ новыми фабричными постановленіями пропечатываются противурѣчащія имъ старыя узаконенія (изъ X Т. Св. Зак.). Все это изложеніе узаконеній сбивчиво и совсѣмъ произвольно. Кромѣ того, нужно замѣтить, что фабриканты не помѣщаютъ въ книжкахъ всѣхъ тѣхъ новыхъ постановленій относительно своихъ обязанностей и отвѣтственности и также правъ рабочихъ, которыя для нихъ почему либо неудобны; это впрочемъ весьма естественно и за это никоимъ образомъ нельзя ихъ винить, ибо не только у нихъ не можетъ быть никакого побужденія и интереса напоминать рабочимъ о многихъ такихъ постановленіяхъ или-же сообщать ихъ рабочимъ, ихъ еще совсѣмъ невѣдующимъ,—напр. постановленій о строгихъ взысканіяхъ съ владѣльцевъ фабрикъ и ихъ должностныхъ лицъ за ихъ правонарушенія, — но скажемъ гораздо болѣе всего этого: самое естественное и справедливое благоразуміе фабрикантовъ должно заставлять ихъ не распространять между ра-

бочими свѣдѣній о разныхъ такихъ постановленіяхъ, относительно взаимныхъ правъ и обязанностей хозяевъ и рабочихъ и взысканіяхъ съ тѣхъ и другихъ, которыя при своей неясности и неопредѣленности могутъ давать поводъ къ лжетолкованіямъ и правонарушеніямъ со стороны рабочихъ. Такихъ постановленій, какъ мы говорили, найдется не мало.

Все это не влекло бы за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій, если бы для расчетныхъ книжекъ не требовалось никакого утвержденія со стороны Губернскихъ Присутствій, ни всякихъ иныхъ правительственныхъ лицъ. Въ этомъ утвержденіи нѣтъ рѣшительно никакой надобности, и оно только ведетъ къ недоразумѣніямъ, придавая расчетной книжкѣ фальшивый видъ документа во всѣхъ своихъ частяхъ и словахъ санкціонированнаго или одобреннаго правительствомъ. Къ этому надо присовокупить одно обстоятельство, усугубляющее это дѣйствіе: иныя Губернскія Присутствія пригласили фабрикантовъ печатать расчетныя книжки въ губернской типографіи, хотя ихъ къ этому и не обязывали. Книжки, напечатанныя въ губернской типографіи, получили въ глазахъ рабочихъ высшій авторитетъ сравнительно съ книжками, напечатанными другими фабрикантами въ частной типографіи, напр. мѣстнаго уѣзднаго города. Черезъ это, приключился въ 1887 г. такой случай на одной фабрикѣ: въ ея книжкахъ по ошибкѣ частной типографіи, были пропущены подписи членовъ Губернскаго Присутствія. Рабочіе, сличивъ эти книжки съ книжками другой сосѣдней фабрики, въ которыхъ эти подписи были пропечатаны и сверхъ того обозначено, что онѣ напечатаны въ *Губернской Типографіи*, — взволновались противъ фабричнаго управленія, обвиняя его въ принужденіи ихъ держать книжки *противузаконныя* и *подложныя*. До этого, съ этимъ фабричнымъ управленіемъ, весьма добросовѣстнымъ и гуманнымъ, рабочіе находились въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Волненія ихъ, по этому случаю, повлекли къ серьезнымъ безпорядкамъ, произведшимъ сильнѣйшее впечатлѣніе

на большомъ пространствѣ и вынудившимъ къ прибытію на мѣсто губернскихъ властей и къ усмиренію рабочихъ энергическими дѣйствіями полиціи. Этотъ случай еще разъ доказываетъ, съ какою осторожностью должны быть принимаемы правительственныя мѣры, касающіяся отношеній между хозяевами и фабричными рабочими, *при невѣжествѣ* ихъ общей массы и при дѣйствіяхъ *злонамѣренныхъ подстрекателей*, появившихся въ ихъ средѣ въ новѣйшее время.

Для избѣжанія всѣхъ указанныхъ выше недоразумѣній, было бы только одно средство, если должно быть *сохранено* утвержденіе Губернскими Присутствіями расчетныхъ книжекъ; это, — составленіе этими присутствіями всего печатнаго текста этихъ книжекъ и печатаніе ихъ по непосредственному ихъ распоряженію. Но эта мѣра, безъ всякой нужды, наложила бы на правительство новыя, нисколько ему не подобающія обязанности, и еще болѣе усилило бы его отвѣтственность за частные договоры найма. Гораздо правильнѣе было бы вовсе отмѣнить нынѣшнее утвержденіе книжекъ губернскими присутствіями и ограничиться, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, наблюденіемъ фабричной инспекціи, чтобы въ нихъ было помѣщаемо все то, что требуетъ законъ и чтобы въ нихъ не заключалось ничего противузаконнаго. Впрочемъ даже и послѣднее почти излишне, такъ какъ правительство вообще не имѣетъ, — и не обязано имѣть, — надзора за частными договорами, а если въ нихъ внесено, что либо противузаконное, то оно, по общему принципу, лишено охраны закона и суда.

Въ числѣ разныхъ практическихъ неудобствъ для промышленнаго міра, къ которымъ подали поводъ означенныя статьи о рабочихъ книжкахъ, упомянемъ здѣсь еще о двухъ.

Одно губернское присутствіе распространило обязательность рабочихъ книжекъ на *раздаточныя* ткацкія конторы и на работающихъ на нихъ, на сторонѣ, по деревнямъ и въ

своихъ домахъ, ткачей. Это распоряженіе было довольно произвольно, такъ какъ въ законѣ (ст. 21) буквально говорится объ обязательности книжекъ только для рабочихъ «допущенныхъ къ работѣ *на фабрикѣ*». Оно сверхъ того крайне стѣснительно и возбудило много жалобъ въ фабричномъ мірѣ, потому что весьма трудно исполнимо и во многихъ случаяхъ даже совсѣмъ неисполнимо. Веденіе расчетныхъ книжекъ въ двухъ экземплярахъ (одинъ экземпляръ находится въ фабричной конторѣ, другой у рабочаго), какъ это заведено на многихъ фабрикахъ, со всѣми узаконенными мелочными формальностями, весьма затруднительно по отношенію къ работѣ людей, работающихъ на раздаточныя конторы у себя на дому и разсѣянныхъ по своимъ деревнямъ на большихъ разстояніяхъ отъ этихъ конторъ, въ окружающемъ ихъ промышленномъ районѣ, и часто расположенныхъ даже въ разныхъ сосѣднихъ губерніяхъ. Но между раздаточными конторами и рабочими существуютъ *большею частію* посредники (вторыя руки или болѣе мелкіе деревенскіе капиталисты), которые только и имѣютъ лично дѣло съ крестьянами—ткачами, даютъ имъ отъ себя заказы и производятъ съ ними расчеты. Есть даже много еще третьихъ, еще болѣе мелкихъ посредниковъ, — свѣтелочниковъ или мельчайшихъ сельскихъ фабрикантиковъ, на которыхъ работаютъ односельчане каждой деревни и съ которыми они только и имѣютъ договоры о наймѣ и расчеты за работы. Очевидно, что ко всей этой организаціи работы совершенно не примѣнимъ порядокъ расчетныхъ книжекъ, узаконенный для фабрикъ. Кромѣ того, съ отношеніями нанимаемыхъ къ нанимателямъ и съ условіями быта рабочихъ при этой организаціи, весьма у насъ распространенной, не имѣетъ ничего общаго узаконенный текстъ расчетныхъ книжекъ настоящихъ фабричныхъ рабочихъ (производящихъ работу на самыхъ фабрикахъ). Нужно было бы составить совсѣмъ другіе шаблоны или формы для этихъ книжекъ, примѣнимыя къ описанной организаціи работы. Нѣтъ надобно-

сти и говорить, что принудительное введеніе въ этотъ малограмотный деревенскій міръ печатныхъ и письменныхъ формъ для договоровъ о наймѣ и денежныхъ расчетовъ по нимъ было бы сопряжено для него съ крайними стѣсненіями. Для этихъ договоровъ и расчетовъ завелся свой самобытный порядокъ, отчасти словесный, отчасти письменный, и въ случаѣ споровъ обѣ стороны разбираются между собою, даже и на судѣ, и имѣютъ для этого свои документы (или счеты), которые ведутся ими по своему разумѣнію; издавать для послѣднихъ узаконенныя формы было бы крайне стѣснительно.

Въ ст. 25 упомянуто, что на все время, въ которое расчетная книжка находится для занесенія новыхъ записей въ фабричной конторѣ, она выдаетъ рабочему контръ-марку. Тоже Губернское Присутствіе, о которомъ сказано выше, обязало фабрикантовъ выдавать рабочимъ такія контръ-марки, въ тѣхъ случаяхъ, когда они, боясь потерять свои книжки, желаютъ чтобы онѣ оставались въ конторѣ. Это правило, создающее какъ бы третій экземпляръ того-же самаго документа (когда книжки ведутся въ двухъ экземплярахъ), весьма затруднительно для конторъ и совсѣмъ излишне; рабочіе могутъ пожелать хранить въ конторахъ и эти контръ-марки, которыя еще легче имъ потерять, чѣмъ книжки.

Всѣ эти факты и относящіяся къ нимъ статьи закона имѣютъ значеніе сами по себѣ, но мы указываемъ на нихъ также и потому, что они служатъ примѣромъ многихъ бюрократическихъ регламентацій и формальностей, которыя введены безъ крайней нужды новыми фабричными порядками въ нашу промышленную жизнь и прилаживаются къ ея практическимъ условіямъ съ крайними затрудненіями, какъ для хозяевъ промышленныхъ заведеній, такъ и для рабочихъ. Расчетныя книжки вообще весьма полезны, и даже весьма возможна обязательность ихъ для крупныхъ фабрикъ и заводовъ, гдѣ впрочемъ онѣ и прежде существовали; но ука-

занныя нами излишнія формальности, которыми эти книжки обставлены по закону и обязательность ихъ для самыхъ мелкихъ заведеній весьма отяготительны для нашего промышленнаго міра. Обширная и многосложная письменная работа, сопряженная съ расчетными книжками еще возможна въ конторахъ крупныхъ заведеній, имѣющихъ многочисленный персоналъ бухгалтеровъ и писцевъ, хотя она и тамъ вынуждаетъ къ увеличенію числа должностныхъ лицъ и тѣмъ возвышаетъ расходы производства, ко вреду потребителей произведеній этихъ фабрикъ, а мелкимъ заведеніямъ эта канцелярская работа совсѣмъ не подъ силу.

Статья 27.

Объ этой статьѣ было сказано выше по поводу статьи 7.

Статья 28.

Эта статья опредѣляетъ требованія закона относительно лавокъ, устроенныхъ владѣльцами фабрикъ и заводовъ для продажи рабочимъ и также фабричнымъ служащимъ разныхъ предметовъ ихъ потребленія („*не дорогихъ и доброкачественныхъ*“, какъ буквально сказано въ этой статьѣ) и опредѣляетъ также права надзора надъ этими лавками со стороны фабричной инспекціи.

Эта статья и въ особенности ея практическое примѣненіе чинами фабричной инспекціи и права ими на ея основаніи себѣ присвоенныя, произвели наиболѣе ожесточенныя пререканія между этими чинами и хозяевами промышленныхъ заведеній. Отсюда произошло много раздраженія и въ средѣ самихъ рабочихъ.

Въ этой статьѣ, *во-первыхъ*, сказано, что открытіе фабрич-

ныхъ лавокъ «допускается не иначе какъ *съ разрѣшенія* фабричной инспекціи». Отсюда возникъ вопросъ имѣетъ ли инспекція *дискреціонное* право на это разрѣшеніе (безъ всякаго объясненія мотивовъ неразрѣшенія лавокъ, по своему личному усмотрѣнію) и отсюда произошли недоумѣнія, которыя должны быть устранены болѣе опредѣлительными выраженіями закона.

Во-вторыхъ, въ этой статьѣ сказано, что «*росписаніе* предметовъ, продаваемыхъ изъ лавокъ, *утверждается* фабричною инспекціей, и что *разцѣнка* или такса сихъ предметовъ *вывѣшивается* въ лавкѣ.» На основаніи этихъ выраженій (и также другихъ выше приведенныхъ выраженій этой же статьи о томъ, что эти лавки открываются для продажи «*недорогихъ и доброкачественныхъ* предметовъ потребленія»), фабричная инспекція присвоила себѣ право не только *назначать* всѣ тѣ предметы, какіе могутъ быть продаваемы въ этихъ лавкахъ и исключать тѣ, которые, она признаетъ ненужными, но также и право назначать по своему усмотрѣнію *цѣны* (разцѣнки или таксы) всѣхъ этихъ предметовъ. Это право признано за чинами фабричной инспекціи высшими правительственными инстанціями. Само собою разумѣется, что фабричные инспекторы пользуются этимъ правомъ главнѣйше для *пониженія* цѣнъ противъ желанія фабрикантовъ, для улучшенія быта рабочихъ. При этомъ они наблюдаютъ за *доброкачественностью* продаваемыхъ въ лавкахъ товаровъ, и не только за тѣмъ, чтобы не были продаваемы *злокачественные*, фальсифицированные и вредные для здоровья припасы, а часто требуютъ, чтобы товары, при назначенныхъ ими цѣнахъ, были именно тѣхъ качествъ, какія они находятъ нужными. По жалобамъ рабочихъ, что тѣ или другіе припасы *не хороши* (?), напр. говядина слишкомъ низкаго сорта, они входятъ въ изслѣдованія и заставляютъ фабрикантовъ исполнять свои требованія относительно улучшенія качествъ товаровъ.

Всѣ эти права инспекціи, и въ особенности послѣднее, — на *назначеніе цѣнъ и качествъ* товаровъ, — буквально, впрочемъ не высказанныя въ законѣ (въ ст. 28), — противурѣчатъ самымъ элементарнымъ понятіямъ о торговлѣ и въ своемъ практическомъ примѣненіи ведутъ къ неисчислимымъ и безвыходнымъ затрудненіямъ и спорамъ. Совершенно противуестественно право правительственныхъ лицъ назначать цѣны и качества товаровъ, продаваемыхъ частными лицами на свой рискъ и свой капиталъ по *добровольному* соглашенію съ покупателями. Сверхъ того, цѣны всѣхъ товаровъ находятся въ безпрерывномъ движеніи и колебаніи, и назначеніе таксъ ихъ посторонними лицами, не несущими за то никакой коммерческой отвѣтственности, всегда произвольно. Только коммерческій расчетъ продавцевъ можетъ опредѣлять ту или другую цѣну ихъ товара.

Вся эта регламентація фабричныхъ лавокъ крайне стѣснительна не только для фабрикантовъ, но также и для рабочихъ, которые бываютъ лишены желаемыхъ ими и запрещенныхъ въ лавкахъ предметовъ и бываютъ вынуждены покупать товары худшихъ качествъ, когда продавцы понижаютъ ихъ сортъ, чтобы уравновѣсить назначенныя на нихъ низкія цѣны.

Эта регламентація имѣла цѣлію устранить злоупотребленія, которыя производились фабрикантами на счетъ рабочихъ черезъ фабричныя лавки. Дѣйствительно эти злоупотребленія бывали на нашихъ фабрикахъ, хотя въ старое время они были распространены въ несравненно сильнѣйшей степени, чѣмъ въ новѣйшее. Эксплоатація нищеты рабочихъ недобросовѣстными и своекорыстными хозяевами происходила преимущественно черезъ посредство фабричныхъ лавокъ (принужденіе покупать въ нихъ, а не на сторонѣ, возвышеніе въ нихъ цѣнъ противъ дѣйствительныхъ, заборы въ счетъ будущихъ заработковъ, соблазны кредита, и т. д.). Тѣ же злоупотребленія были весьма распространены и во всей западной Европѣ;

тамъ противъ нихъ также принимались правительственныя мѣры, и большею частію безплодно. Эти злоупотребленія сами собою сократились въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ успѣховъ просвѣщенія, какъ въ кругу фабрикантовъ, такъ и рабочихъ.

И у насъ всѣ сколько нибудь добросовѣстные и мало мальски образованные фабриканты не только не допускаютъ въ своихъ лавкахъ противузаконныхъ злоупотребленій на счетъ рабочихъ, но и не извлекаютъ изъ нихъ законныхъ промышленныхъ прибылей (даже процентовъ на затраченные капиталы). Если такіе фабриканты не отказываются вовсе отъ этихъ лавокъ и отъ снабженія рабочихъ нужными имъ припасами, — какъ впрочемъ сдѣлали это многіе, чтобы освободиться отъ излишней для нихъ обузы, — то это только потому, что эти лавки во многихъ случаяхъ, совершенно необходимы для рабочихъ и составляютъ истинное для нихъ благодѣяніе. Въ такомъ положеніи находятся рабочіе большею частью на фабрикахъ, расположенныхъ въ сельскихъ мѣстностяхъ и даже вблизи мелкихъ городовъ съ недостаточно развитою торговлею. Закупая съ дальнихъ рынковъ оптомъ жизненные припасы и другіе предметы и имѣя возможность продавать ихъ лучшихъ качествъ и по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ они продаются на мѣстѣ, фабриканты значительно облегчаютъ и улучшаютъ бытъ рабочихъ. Въ иныхъ весьма многочисленныхъ у насъ случаяхъ, въ глухихъ нашихъ мѣстностяхъ, рабочіе не могли бы иначе снабжаться нужными имъ товарами.

Въ этихъ условіяхъ трудно и почти невозможно рѣшиться на безусловное воспрещеніе фабричныхъ лавокъ, — какъ на это не рѣшились и другія европейскія правительства, при гораздо болѣе развитой торговлѣ въ ихъ странахъ, — хотя эта мѣра была бы гораздо болѣе правильною и болѣе удобною для администраціи, чѣмъ нынѣшняя регламентація лавокъ, и гораздо болѣе дѣйствительнымъ образомъ,

чѣмъ эта послѣдняя, устранила бы упомянутыя злоупотребленія. Для добросовѣстныхъ фабрикантовъ эта мѣра была бы несравненно пріятнѣе, чѣмъ стѣсненія нынѣшняго надзора за лавками, порождающаго неудовольствіе противъ нихъ со стороны рабочихъ, которые часто приписываютъ винѣ фабричнаго управленія тѣ или другія непріятныя имъ ограниченія торговли въ лавкахъ. Безпрерывно возникающія недоразумѣнія и столкновенія изъ за придирчиваго надзора инспекціи за этою торговлею будутъ вынуждать добросовѣстныхъ фабрикантовъ ихъ закрывать, ко вреду рабочихъ.

Если безусловное воспрещеніе фабричныхъ лавокъ было бы сопряжено со слишкомъ большими затрудненіями для рабочихъ во многихъ случаяхъ, — эта мѣра возможна только при надеждѣ на развитіе подлѣ фабрикъ торговли посторонникъ лицъ, — то надзору инспекціи за фабричными лавками долженъ быть приданъ другой характеръ и производъ ея чиновъ по вмѣшательству въ эту торговлю долженъ быть ограниченъ. Весьма достаточно для охраны интересовъ рабочихъ, если обязанности инспекціи по этой части будутъ заключаться въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы рабочіе не были принуждаемы снабжаться въ этихъ лавкахъ, и чтобы въ нихъ не были продаваемы злокачественные и вредные для здоровья припасы, и также въ преслѣдованіи фабрикантовъ и ихъ должностныхъ лицъ по суду за всякія ихъ злоупотребленія.

Далѣе, фабричные инспекторы могутъ прилагать свои старанія къ устройству, на мѣсто лавокъ фабрикантовъ, потребительныхъ товариществъ, на которыя указываетъ ст. 28. Эти товарищества самихъ рабочихъ весьма распространены въ другихъ странахъ, хотя и тамъ, какъ мы лично видѣли (въ Австріи), они не всегда удаются и фабриканты бываютъ, вопреки своему желанію, вынуждены заводить свою торговлю на мѣсто закрывшихся товариществъ, такъ какъ рабочіе не имѣютъ времени и охоты заниматься веденіемъ ихъ дѣлъ и

предпочитаютъ, чтобы фабриканты пеклись о снабженіи ихъ всѣмъ для нихъ нужнымъ. Въ такихъ случаяхъ, нѣкоторыя фабричныя управленія за границей привлекали рабочихъ, посредствомъ выборныхъ отъ нихъ представителей, къ контролю надъ лавками, и даже по окончаніи года раздавали имъ прибыли, какія оставались по этой операціи. Большею частью, иностранные фабриканты (въ Австріи и Германіи) сдаютъ все снабженіе рабочихъ жизненными припасами, и въ томъ числѣ содержаніе фабричныхъ столовыхъ и трактировъ, постороннимъ лицамъ, на договоренныхъ съ ними условіяхъ (между прочимъ, съ опредѣленіемъ цѣнъ или прейсъ-курантовъ) и наблюдаютъ за ними. Такой порядокъ видѣли мы и у насъ, въ Царствѣ Польскомъ. Подобный надзоръ фабричныхъ управленій за торговлею на фабрикахъ несомнѣнно вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ надзоръ фабричной инспекціи за лавками фабрикантовъ.

Фабричная инспекція, безъ употребленія принудительныхъ мѣръ, могла бы вообще совѣтами и наставленіями какъ хозяевамъ, такъ и рабочимъ, содѣйствовать устройству продовольствія рабочихъ на разныхъ основаніяхъ, сходныхъ съ вышеуказанными и болѣе правильныхъ, чѣмъ нынѣшнія наши фабричныя лавки.

Здѣсь остается еще упомянуть, что всѣ строгости надзора инспекціи за лавками и вся ея регламентація сосредоточены у насъ главнѣйше на торговлѣ въ кредитъ или на заборахъ рабочихъ въ лавкахъ въ счетъ будущихъ заработкахъ. Отсюда возникали самыя острыя пререканія инспекціи съ фабрикантами по этой части, возбуждавшія раздраженіе также и рабочихъ. Такъ, между прочимъ, фабричные инспекторы потребовали составленія особыхъ росписаній предметовъ, отпускаемыхъ въ кредитъ, и изъ нихъ исключили все то, что они не признавали за необходимое для насущнаго существованія рабочихъ (въ томъ числѣ всѣ лучшіе сорты разныхъ жизненныхъ припасовъ,—мяса, сушеныхъ грибовъ, чая,

и проч.). Между тѣмъ для рабочихъ практически безразлично терпѣть лишеніе въ удовлетвореніи той или другой привычной имъ потребности, когда они покупаютъ за наличныя деньги или въ кредитъ. Къ тому же рабочіе часто забираютъ хотя въ кредитъ, но въ счетъ денегъ, уже заработанныхъ ими и еще не полученныхъ.

Весьма естественно и благонамѣренно со стороны фабричной инспекціи, что она обратила особенно тщательное вниманіе на кредитные заборы рабочихъ въ фабричныхъ лавкахъ, для сокращенія злоупотребленій, тутъ всего болѣе крупныхъ, и для предотвращенія закабалѣнія рабочихъ въ рукахъ фабрикантовъ посредствомъ этихъ заборовъ. Но едва ли мѣры, по этой части, принятыя инспекціей и крайне раздражающія и хозяевъ и рабочихъ цѣлесообразны, подобно многимъ принимавшимся и у насъ и въ другихъ странахъ правительственнымъ мѣрамъ противъ ростовщичества и подобно всякой государственно-хозяйственной опекѣ надъ совершеннолѣтними, когда ихъ хотятъ подвергать опекѣ, какъ несовершеннолѣтнихъ. Разными изворотами фабриканты и рабочіе всегда могутъ обойти регламентацію кредитной торговли въ лавкахъ.

Неизмѣримо хуже для рабочихъ, когда они въ случаяхъ отказа кредита фабричными управленіями вынуждены бываютъ прибѣгать къ мѣстнымъ ростовщикамъ. Къ тому-же собственный интересъ фабрикантовъ заставляетъ ихъ ограничивать кредитъ, открываемый ими рабочимъ; при этомъ всегда принимаются въ соображеніе личныя обстоятельства и свойства кредитующагося, а это не возможно при общей регламентаціи со стороны должностныхъ лицъ. Излишній кредитъ промышленныхъ заведеній въ пользу рабочихъ подвергаетъ ихъ владѣльцевъ значительнымъ рискамъ, такъ какъ долги и заборы рабочихъ, сверхъ заработанныхъ денегъ, не лишаютъ ихъ права покинуть заведенія по истеченіи сроковъ найма и черезъ двѣ недѣли послѣ заявленія при безсроч-

номъ наймѣ. Затѣмъ, согласно статьѣ 15 Отд. I общаго закона о наймѣ 3 Іюня 1886 г., фабриканты могутъ взыскивать (судебнымъ порядкомъ) въ уплату долговъ съ рабочихъ, перешедшихъ на другія фабрики не болѣе $^1/_3$ (если они холосты) и $^1/_4$ (если они семейные), ихъ заработковъ, а если они уходятъ въ свои деревни, то фабриканты рискуютъ ничего не взыскать.

Наконецъ, законъ не воспрещаетъ фабрикантамъ выдавать рабочимъ впередъ, въ счетъ заработковъ, наличныя деньги. Нѣкоторые фабриканты приходятъ на помощь нуждающимся рабочимъ только этимъ способомъ, безусловно воспретивъ кредитные заборы въ своихъ лавкахъ; можетъ быть иные изъ нихъ сдѣлали это вслѣдствіе стѣснительнаго надзора за лавками. Мы слышали отъ нѣкоторыхъ представителей фабричной инспекціи, что они поощряютъ развитіе этого порядка кредитныхъ воспособленій рабочимъ, находя его менѣе вреднымъ для послѣднихъ. Но забранныя впередъ наличныя деньги гораздо легче, чѣмъ товары могутъ быть обращены рабочими на гульбу и на покупку спиртныхъ напитковъ, которые въ фабричныхъ лавкахъ не продаются. До сихъ поръ, всѣми признавалось, что вспомоществованія нуждающимся несравненно цѣлесообразнѣе, когда они выдаются натурою, въ видѣ необходимыхъ предметовъ потребленія, чѣмъ деньгами. Кромѣ всего сказаннаго, можно было бы привести много другихъ еще соображеній и фактовъ, убѣждающихъ въ ненадобности нынѣшней регламентаціи торговли въ фабричныхъ лавкахъ, которая, безъ всякой пользы, крайне отягощаетъ и фабричную инспекцію, и завѣдывающихъ фабриками, и рабочихъ.

Статьи 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36 и 37.

Этими статьями опредѣляются право завѣдующихъ фабриками налагать на рабочихъ денежныя взысканія *соб-*

ственною своею властью, случаи этихъ взысканій, размѣры ихъ и порядокъ ихъ наложенія. Всѣ эти статьи, какъ относящіяся къ одному и тому-же предмету, должны быть разсмотрѣны въ совокупности.

Этими узаконеніями, которыя были значительнымъ нововведеніемъ въ нашемъ законодательствѣ, и въ нашемъ фабричномъ бытѣ, порождено много неудовольствія со стороны фабрикантовъ противъ чиновъ фабричной инспекціи и много недоразумѣній, обусловленныхъ нѣкоторыми неясностями упомянутыхъ статей. Мы изложимъ здѣсь замѣчанія главнѣйшіе относительно общихъ вопросовъ, возбуждаемыхъ всѣми этими постановленіями, оставляя въ сторонѣ многія ихъ частности и подробности, на которыя могутъ быть сдѣланы разныя возраженія.

Этими постановленіями введено у насъ совсѣмъ *новое право завѣдующихъ* фабричными заведеніями (не только самихъ ихъ владѣльцевъ) налагать *собственною властію* денежныя взысканія или штрафы на рабочихъ за разные ихъ проступки и упущенія, съ тѣмъ, что распоряженія этихъ лицъ относительно этихъ взысканій никакому *«обжалованію не подлежатъ»* (какъ прямо сказано въ ст. 38). До изданія этихъ узаконеній фабриканты налагали денежные штрафы на рабочихъ за разныя ихъ упущенія, хотя и собственною властью, но по *договорному* праву или по добровольному согласію на то обѣихъ сторонъ, выговоренному въ условіяхъ о наймѣ; это право, какъ и всѣ истекавшія изъ него несогласія, недоразумѣнія и споры между хозяевами и рабочими подлежали, въ случаѣ неудовольствія или жалобъ той или другой стороны, судебному разбирательству. Теперь, упомянутыми статьями, всякій судебный порядокъ исключенъ изъ хода этихъ дѣлъ, и окончательною, безаппелляціонною вершительницею ихъ (согласно ст. 38) назначена административная власть, въ лицѣ чиновъ фабричной инспекціи.

Вслѣдствіе предоставленія закономъ владѣльцамъ промышленныхъ заведеній упомянутаго права, онъ опредѣлилъ всѣ случаи, въ которыхъ дозволяется пользованіе этимъ правомъ (неисправная работа, прогулъ и нарушеніе порядка, ст. 30, 31, 32, и 33), воспретилъ наложеніе денежныхъ взысканій, во всякихъ иныхъ случаяхъ и назначилъ крайніе ихъ предѣлы (между прочимъ общая ихъ сложность не можетъ превышать одной трети заработка, причитающагося рабочему). Сверхъ того, фабричная инспекція *утверждаетъ табели*, въ которыхъ указаны размѣры каждаго рода взысканія въ каждомъ заведеніи (ст. 34), и согласно толкованію, которое она дала всѣмъ подобнымъ своимъ *утвержденіямъ внутреннихъ фабричныхъ* распорядковъ (см. выше), отъ ея усмотрѣнія зависитъ назначеніе размѣровъ этихъ денежныхъ взысканій.

Всѣ упомянутыя взысканія и дѣйствія рабочихъ или нарушенія ими порядка, за которыя они налагаются, имѣютъ характеръ по преимуществу *частно-гражданскій*, а не публичный или полицейско-уголовный, т. е., всѣ эти нарушенія порядка не столько преступны сами по себѣ (и большею частью даже совсѣмъ не преступны), сколько они наносятъ *матеріальные ущербы* владѣльцамъ промышленныхъ заведеній и ихъ производству; а налагаемые за нихъ штрафы, даже и теперь, когда они не идутъ больше въ пользу фабрикантовъ и обращаются въ особый фондъ въ пользу рабочихъ (ст. 39), имѣютъ цѣлію главнѣйше сократить или предупредить эти ущербы фабрикантовъ посредствомъ устрашенія рабочихъ и принужденія ихъ путемъ взысканій къ болѣе исправной работѣ и къ болѣе добропорядочному поведенію и образу жизни. Съ этою послѣднею цѣлію, эти штрафы налагались большинствомъ фабрикантовъ даже и въ прежнее время, когда они имѣли право получать ихъ въ свою пользу (многіе и тогда давали имъ общеполезное употребленіе); эти взысканія и тогда весьма слабо служили большинству вла-

дѣльцевъ промышленныхъ заведеній и предпріятій вознагражденіемъ за убытки, причиняемые неисправною и небрежною работою и распущенностью нравовъ большинства нашихъ рабочихъ. При этомъ впрочемъ нельзя отрицать, что во многихъ случаяхъ денежные штрафы, взыскиваемые съ рабочихъ могутъ служить нѣкоторымъ вознагражденіемъ за вредъ, наносимый ими фабрикантамъ, и что такое вознагражденіе какъ нельзя болѣе правильно.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, едва ли можно признать справедливымъ вновь введенный порядокъ наложенія этихъ взысканій на рабочихъ, которыя подчинены теперь *публичному* праву, и едва ли не гораздо правильнѣе, вмѣсто предоставленія завѣдующимъ фабриками *безспорнаго* права налагать взысканія на рабочихъ и вмѣсто сложной регламентаціи пользованія этимъ правомъ и сложнаго опекательнаго надзора за нимъ со стороны фабричной инспекціи, сдѣлать эти взысканія предметомъ исключительно взаимнаго *договора* фабрикантовъ съ рабочими, съ тѣмъ чтобы они были въ точности (случаи и размѣры взысканій) опредѣлены въ условіяхъ договора и во всѣхъ подробностяхъ извѣстны рабочимъ (помѣщены въ объявленіяхъ, развѣшиваемыхъ въ фабричныхъ помѣщеніяхъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ споры между фабрикантами и рабочими должны подлежать праву обжалованія съ обѣихъ сторонъ и судебному рѣшенію въ общемъ порядкѣ.

Кромѣ вопроса о справедливости, во многихъ отношеніяхъ нарушаемой, какъ сказано выше, новыми правилами о наложеніи штрафовъ, они сопряжены съ большими практическими неудобствами. Сами фабричные инспекторы,—даже тѣ, которые находятъ необходимою сущность этихъ правилъ,—жалуются на крайнія затрудненія, встрѣчающіяся въ ихъ примѣненіи. Главныя затрудненія заключаются въ томъ, что законъ, предоставивъ фабрикантамъ безспорное право наложенія штрафовъ, вынужденъ былъ и опредѣлить всѣ поводы

къ нимъ, запретивъ всякіе иные. Въ статьяхъ 31, 32 и 33, перечислены всѣ законные поводы къ штрафамъ, по всѣмъ тремъ категоріямъ (за неисправную работу, прогулъ и нарушеніе порядка). Перечисленіе это не могло быть полно и многіе случаи наложенія штрафовъ опредѣлены весьма глухо, напр. производство рабочимъ по небрежности *недоброкачественныхъ* издѣлій, непослушаніе, несоблюденіе правилъ осторожности въ обращеніи съ огнемъ, несоблюденіе опрятности въ фабричныхъ помѣщеніяхъ, и т. д. Всѣ эти и имъ подобныя неисправности рабочихъ и нарушенія ими порядка могутъ быть чрезвычайно разнообразно толкуемы, смотря по тѣмъ или другимъ взглядамъ и требованіямъ фабричныхъ управленій, по тѣмъ или другимъ заведеннымъ ими порядкамъ и мѣстнымъ обычаямъ и по тому или другому роду производствъ. То разнообразіе правилъ и та разнородность случаевъ наложенія штрафовъ на разныхъ фабрикахъ, которыя служатъ источникомъ пререканій по этой части между фабричными управленіями и инспекціей, никакъ не могутъ быть поставлены въ вину первымъ и объясняемы ихъ произволомъ, какъ это часто дѣлается, ибо фабричныя управленія вынуждены въ опредѣленіи тѣхъ или другихъ поводовъ къ штрафамъ сообразоваться съ особенностями своихъ производствъ, съ мѣстными обычаями и съ характеромъ рабочихъ; наконецъ владѣльцы заведеній хозяева въ своемъ дѣлѣ, отвѣтственны за него (напр. за ту или другую доброкачественность своихъ издѣлій *по своимъ собственнымъ понятіямъ*) и никто лучше ихъ не можетъ знать ущербовъ, наносимыхъ ихъ дѣлу тою или другою неисправностью рабочихъ и тѣми или другими нарушеніями порядка, нужнаго для дѣла. Также какъ случаи наложенія штрафовъ, и самые размѣры ихъ, зависящіе отъ всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, разнородныхъ въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, не могутъ быть опредѣлены общими нормами для нихъ всѣхъ.

Между тѣмъ указанная неизбѣжная неопредѣленность

новыхъ узаконеній по этой части и предоставленное фабричной инспекціи право утвержденія фабричныхъ правилъ о всѣхъ случаяхъ наложенія штрафовъ и ихъ размѣрахъ открываютъ для нея широкій путь къ весьма произвольнымъ распоряженіямъ (относительно дозволенія или воспрещенія налагать штрафы по тѣмъ или другимъ поводамъ, размѣровъ штрафовъ, и проч.), которыя, даже при самыхъ благихъ ея намѣреніяхъ, весьма стѣснительны для фабрикантовъ. Для устраненія недоразумѣній по этому предмету, нѣкоторые фабричные инспекторы желаютъ болѣе подробныхъ опредѣленій случаевъ и размѣровъ штрафовъ въ законѣ; но это бы только умножило затрудненія, такъ какъ болѣе подробныя опредѣленія только бы увеличили число вопросовъ объ отдѣльныхъ случаяхъ неопредѣленныхъ и *неопредѣлимыхъ* въ законѣ.

Вся описанная регламентація фабричныхъ штрафовъ имѣла цѣлію устранить злоупотребленія, замѣченныя на нѣкоторыхъ фабрикахъ, которыя угнетали рабочихъ, несправедливыми денежными взысканіями и черезъ это произвольно уменьшали ихъ заработокъ; иныя фабричныя управленія даже сдѣлали изъ этой статьи систематическій источникъ доходовъ и напередъ исчисляли его въ своихъ бюджетахъ. Не отрицая этихъ злоупотребленій, должно однако признать, по всѣмъ нашимъ наблюденіямъ, что они не очень распространены, а въ своемъ крайнемъ видѣ даже весьма рѣдки. Съ другой стороны, нельзя оспаривать, что всѣ хозяева нашихъ промышленныхъ заведеній и все наше промышленное производство страдаютъ, въ значительной степени, отъ неисправности и распущенности нравовъ нашихъ рабочихъ, въ этомъ отношеніи стоящихъ гораздо ниже западно-европейскихъ, что умѣренные и справедливые штрафы служатъ необходимымъ и неизбѣжнымъ средствомъ къ противудѣйствію упомянутымъ порокамъ нашихъ рабочихъ и имѣютъ на нихъ благодѣтельное воспитательное вліяніе.

Сверхъ того нужно замѣтить, что при характерѣ нашихъ рабочихъ и ихъ крайнемъ нерасположеніи къ штрафамъ, собственный личный интересъ фабрикантовъ заставляетъ ихъ быть крайне осмотрительными и даже весьма великодушными въ наложеніи денежныхъ взысканій, — часто даже свыше мѣры, нужной для исправленія рабочихъ.

Не входя во всѣ частности всего этого вновь введеннаго порядка наложенія и взысканія штрафовъ съ рабочихъ, мы ограничимся здѣсь только не многими, самыми необходимыми замѣчаніями на отдѣльныя постановленія относительно этого порядка.

По статьѣ 35 всѣ взысканія, въ общей сложности, не должны превышать *одной трети* причитающагося рабочему заработка, т. е., только въ этихъ предѣлахъ штрафы могутъ быть дѣйствительно взысканы съ рабочаго; а если они превышаютъ эти предѣлы, то по ст. 36 «завѣдывающему фабрикою предоставляется расторгнуть съ рабочимъ договоръ найма». Это послѣднее постановленіе есть неизбѣжное послѣдствіе предыдущаго, такъ какъ нельзя заставлять хозяина держать рабочаго, вопреки всякимъ неисправностямъ послѣдняго, когда назначенъ закономъ предѣлъ взысканій съ него. Всѣмъ этимъ распоряженіемъ законодатель очевидно хотѣлъ облегчить участь рабочаго и сдѣлать ему добро. Между тѣмъ увольненіе его съ фабрики составляетъ неизмѣримо болѣе тяжкое для него наказаніе и можетъ гораздо болѣе ухудшить его положеніе, чѣмъ было бы наложеніе на него хозяиномъ взысканій свыше назначеннаго предѣла.

Въ ст. 38 выражено, что хотя распоряженія завѣдующихъ фабриками о взысканіяхъ съ рабочихъ «*обжалованію* не подлежатъ», «но если при посѣщеніи фабрики чинами инспекціи будетъ обнаружено изъ *заявленій, сдѣланныхъ рабочими*, несогласное съ требованіями закона наложеніе на нихъ взысканій, то завѣдующій *подвергается отвѣтствен-*

ности». Кромѣ противурѣчія между первою и второю половиною этой статьи, выраженіе «подвергается отвѣтственности» слишкомъ неопредѣленно и открываетъ просторъ произвольнымъ дѣйствіямъ инспекціи. Въ чемъ должна заключаться упомянутая отвѣтственность завѣдующаго фабрикою и передъ кѣмъ (передъ фабричною инспекціей или судебною властью?),—совсѣмъ неизвѣстно.

Статья 39.

Въ этой статьѣ постановлено, что всѣ вышеупомянутыя денежныя взысканія съ рабочихъ идутъ на составленіе особаго при каждой фабрикѣ капитала, и что капиталъ этотъ можетъ быть употребляемъ, съ разрѣшенія фабричной инспекціи, только на удовлетвореніе нуждъ самихъ рабочихъ, согласно правиламъ, издаваемымъ Министромъ Финансовъ, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, справедливо ли и нужно ли обращать эти взысканія на составленіе особаго фонда въ пользу рабочихъ, вмѣсто вознагражденія посредствомъ нихъ убытковъ, претерпѣваемыхъ владѣльцами промышленныхъ заведеній отъ неисправности рабочихъ и нарушеній ими порядка? Послѣ всего выше нами сказаннаго по поводу этихъ взысканій, правильность даннаго въ ст. 39 этому вопросу рѣшенія подлежитъ, по меньшей мѣрѣ, сомнѣнію. Въ особенности много сомнѣній было бы по этому вопросу, если бы наложеніе взысканій подлежало, какъ и слѣдовало бы обжалованію передъ судомъ (согласно выше нами сказанному).

Но, даже совсѣмъ независимо отъ этого общаго вопроса, это постановленіе возбуждаетъ въ практикѣ много недоумѣній, въ особенности пока не изданы вышеупомянутыя пра-

вила употребленія этого фонда, а составленіе этихъ правилъ будетъ довольно затруднительно, ибо нужды рабочихъ и способы и учрежденія для удовлетворенія этихъ нуждъ весьма разнообразны въ разныхъ мѣстностяхъ и на разныхъ фабрикахъ. Едва ли возможно будетъ цѣлесообразное составленіе центральнымъ государственнымъ управленіемъ такихъ правилъ, *общихъ* для всей Имперіи. Между тѣмъ указанія этой статьи вызвали въ средѣ рабочихъ несбыточныя надежды на какія то благотворительныя учрежденія, долженствующія устроиться на счетъ этого фонда для улучшенія ихъ быта. Это впрочемъ практически не такъ серьезно, какъ другое недоразумѣніе отсюда возникающее: многіе фабриканты, частью на счетъ штрафовъ, взыскиваемыхъ съ рабочихъ, частью на счетъ своихъ собственныхъ средствъ, содержали разныя учрежденія и производили расходы на пользу рабочихъ (на богадѣльни, пенсіоны престарѣлымъ и увѣчнымъ, школы, разныя вспомоществованія, и проч.), не предписанные закономъ и для нихъ не обязательные. Послѣ изданія разбираемаго нами узакоенія эти фабриканты не считаютъ себя нравственно обязанными продолжать эти общеполезные расходы и во всякомъ случаѣ ихъ внутренній стимулъ къ этому дѣлу парализованъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже обратились съ ходатайствами объ употребленіи взыскиваемыхъ на ихъ фабрикахъ штрафовъ на эти расходы, а въ случаѣ отказа, предполагаютъ ихъ прекратить.

Статья 40.

Этою статьею опредѣляется за неправильное веденіе расчетной книжки взысканіе съ фабриканта,—отъ 10 до 25 р. *«за каждое нарушеніе»*. Отсюда возникло въ практикѣ, хотя и странное, но весьма серьезное недоразумѣніе: должно ли разумѣть подъ словомъ *«каждое»* (нарушеніе) неправиль-

ность или упущеніе въ *каждой книжкѣ* или *каждый случай* такихъ неправильностей и упущеній, одинаковый во всѣхъ книжкахъ у всѣхъ рабочихъ на фабрикѣ. Случалось, что одна и таже ошибка, намѣренная или ненамѣренная, или просто опечатка (по увѣренію фабричныхъ управленій) въ печатномъ текстѣ расчетныхъ книжекъ влекла за собою наложеніе на фабрикантовъ, имѣющихъ нѣсколько тысячъ рабочихъ, взысканія въ *нѣсколько десятковъ* тысячъ рублей (при вычисленіи суммы взысканія напр. по 10 р. за каждую книжку). Подобныя взысканія могутъ быть тѣмъ болѣе тяжки для фабрикантовъ, что они окончательно рѣшаются административною властью (губернскими по фабричнымъ дѣламъ присутствіями, съ правомъ обжалованія Министру Финансовъ), безо всякой судебной процедуры.

Этотъ фактъ можетъ служить примѣромъ къ какимъ недоразумѣніямъ, весьма чувствительнымъ для фабрикантовъ, даютъ поводъ многія неясности новыхъ нашихъ фабричныхъ узаконеній, и также какой широкій просторъ открыть ими для личныхъ и произвольныхъ распоряженій чиновъ фабричной инспекціи. Указанное постановленіе и другія ему подобныя въ этихъ законахъ составляютъ едва ли не единственное во всемъ нашемъ законодательствѣ исключеніе, въ которомъ лица, могутъ подвергаться наказанію въ такихъ значительныхъ размѣрахъ по распоряженію единственно административныхъ властей и лишены, для защиты себя, всякой охраны судебной власти.

IV.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ О НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНИХЪ И ЖЕНЩИНАХЪ, РАБОТАЮЩИХЪ НА ФАБРИКАХЪ *).

Въ кругу этихъ постановленій нѣтъ надобности входить въ такой-же подробный разборъ каждой отдѣльной статьи закона, какъ въ предыдущихъ фабричныхъ узаконеніяхъ; въ этихъ постановленіяхъ господствуютъ общія опредѣленія относительно ограниченія работы несовершеннолѣтнихъ и женщинъ. На этихъ *общихъ* опредѣленіяхъ мы сосредоточимъ наши замѣчанія.

Эта часть новаго фабричнаго законодательства преслѣдуетъ задачу наиболѣе возвышенную и ясную, но и ея многія стороны встрѣтились съ значительными затрудненіями въ практическомъ примѣненіи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что работа дѣтей и женщинъ на фабрикахъ есть великое, всесвѣтное, нравственное и экономическое зло, порожденное, во всемъ европейскомъ человѣчествѣ, всѣми историческими (соціальными) и техническими условіями промышленности XIX вѣка. Оно наноситъ большой вредъ народному здоровью, нравственности и семейному общежитію. Въ тѣхъ крайностяхъ, до какихъ доходило это явленіе, оно находится въ самомъ рѣзкомъ противурѣчіи съ основными не только христіанскими, но и съ

*) Всѣ новыя постановленія сюда относящіяся перечислены нами въ началѣ нашего вступленія (стр. 1—3), а именно законъ 1 Іюня 1882 г. о малолѣтнихъ, законъ 12 Іюня 1884 г. о школьномъ ихъ обученіи, правила составленныя Министромъ Финансовъ въ 1884 г. объ отступленіяхъ отъ предыдущихъ законовъ, инструкція его 19 Декабря 1884 г. о надзорѣ фабричной инспекціи за ихъ исполненіемъ и законъ 3 Іюня 1885 г. о воспрещеніи ночныхъ работъ для женщинъ и подростковъ.

общерелигіозными, сколько нибудь цивилизованными, воззрѣніями на человѣка и общество, со всѣми нравственными, экономическими и физіологическими понятіями о призваніи дѣтскаго возраста и женскаго пола для блага человѣчества и для успѣховъ европейской культуры. По этимъ воззрѣніямъ и понятіямъ, малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, до наступленія полнаго рабочаго возраста, должны только воспитываться и учиться, чтобы приготовить свои духовныя и физическія силы къ работѣ, а женщины, не призванныя ни духовно, ни физически къ прямому участію въ промышленномъ производствѣ, должны воспитывать новыя поколѣнія, быть хранительницами домашняго очага, средоточіями семейной и общественной жизни и всѣхъ высшихъ эстетическихъ и идеальныхъ ея проявленій. Въ такомъ видѣ представляется, согласно всѣмъ естественнымъ законамъ природы и человѣческаго общества, раздѣленіе труда между полами и возрастами. Обо всемъ этомъ было такъ много всюду писано и говорено, что распространяться здѣсь объ этомъ было бы совсѣмъ излишне, хотя оно и не могло не быть нами намѣчено для дальнѣйшаго нашего изложенія.

Работа дѣтей и женщинъ на фабрикахъ и своекорыстная эксплоатація ея родителями и мужьями составляютъ общепризнанный общественный недугъ, сопутствующій успѣхамъ промышленности и цивилизаціи нашего вѣка, подобно впрочемъ многимъ другимъ соціяльнымъ недугамъ, свойственнымъ нашему времени. Но этотъ недугъ, какъ и многіе другіе ему подобные, составляетъ неизбѣжное послѣдствіе всего хода современной промышленности и общественной жизни, — между прочимъ новѣйшей техники, превращающей мелкія домашнія и ручныя ремесла и промыслы въ крупную механическую промышленность, и нищеты массы рабочихъ классовъ, въ особенности когда она въ формѣ фабричнаго пролетаріата. Тѣ идеальныя понятія о призваніи несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, выше нами упомянутыя

осуществимы только въ высшихъ общественныхъ классахъ, которые, съ одной стороны, матерьяльно обезпечены, а съ другой стороны, если трудятся и производятъ, то преимущественно на умственной почвѣ, въ области такъ называемыхъ либеральныхъ профессій. Даже средніе классы большею частью затрудняются въ осуществленіи этихъ идеальныхъ понятій, и въ примѣненіи ихъ къ своей дѣйствительной жизни; они лишь въ видѣ исключенія не заставляютъ женскій полъ въ своихъ семьяхъ увеличивать промышленною работою семейный заработокъ и даютъ подростающимъ поколѣніямъ способы закончить свое образованіе вплоть до полнаго рабочаго возраста. Какъ бы ни была математически вѣрна та экономическая истина, что количество женскихъ и дѣтскихъ рукъ работающихъ на фабрикахъ и конкурирующихъ съ работою взрослыхъ мущинъ на столько понижаетъ рабочую плату послѣднихъ, и что ихъ заработокъ нисколько не уменьшился бы отъ совершеннаго упраздненія женской и дѣтской работы, вслѣдствіе уменьшенія предложенія рукъ и возвышенія размѣра рабочихъ платъ (къ тому-же домохозяева выйграли бы сверхъ того нравственное и матерьяльное благоустройство въ своихъ домахъ и семьяхъ), но эта отвлеченная истина совсѣмъ разбивается о реальную дѣйствительность и наличныя неотложныя нужды рабочаго класса. Для того, чтобы совершился этотъ благодѣтельный кризисъ, т. е., возвышеніе (при упраздненіи женской и дѣтской работы) размѣровъ вознагражденія за работу совершеннолѣтнихъ мущинъ, нужно время, и даже значительное, въ теченіе котораго должны произойти глубокія потрясенія и страданія въ насущномъ существованіи рабочаго класса, вслѣдствіе чрезвычайнаго сокращенія способовъ его обезпеченія. Впрочемъ разсуждать вообще въ этомъ направленіи можно только съ точки зрѣнія мечтательныхъ воззрѣній на историческую жизнь, непримѣнимыхъ къ ея дѣйствительности и къ государственному дѣлу; исправ-

леніе общественныхъ недуговъ, обусловленныхъ всѣмъ историческимъ ходомъ жизни, если и совершается, съ успѣхами просвѣщенія и культуры, то весьма медленно, само собою и независимо отъ всякихъ государственныхъ мѣропріятій. Только въ виду этого соображенія, которое необходимо для дальнѣйшихъ нашихъ чисто практическихъ замѣчаній, мы и позволяемъ себѣ излагать всѣ эти общія мысли.

Всѣ европейскія правительства, по первому почину Англіи, уже давно борятся съ описаннымъ соціальнымъ и экономическимъ зломъ. Но всѣ они вынуждены были, въ принимаемыхъ ими мѣрахъ къ ограниченію женскаго и дѣтскаго труда идти путемъ постепеннымъ и медленнымъ, чтобы не нанести рабочему классу, преждевременными законодательными распоряженіями, болѣе вреда, чѣмъ пользы, или чтобы эти распоряженія не оставались мертвою буквою. Когда эти распоряженія упреждали естественныя, практически удовлетворимыя потребности и возможности улучшенія быта рабочихъ классовъ и не были соображены съ вопіющими насущными нуждами ихъ нищеты, то они или оказывались безплодными, встрѣчая непоборимое противодѣйствіе со стороны самихъ рабочихъ, или чрезвычайно ухудшали положеніе существъ, которыхъ они хотѣли облагодѣтельствовать. Таковы, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ первостепеннымъ знатокомъ дѣла *Іуромъ* (Ure) *), извѣстнымъ изслѣдователемъ великобританской промышленности, были многія послѣдствія закона 1833 въ Англіи, гдѣ однако законодательная дѣятельность по ограниченію женской и дѣтской работы началась уже съ начала 19 столѣтія; она только теперь, при громадныхъ успѣхахъ просвѣщенія и благосостоянія англійскихъ рабочихъ классовъ, приладилась къ ихъ обычаямъ и нравамъ. Напр. Іуръ сообщаетъ, что даже та-

*) См. *Gustav Cohn*, über internationale Fabrikgesetzgebung (Jahrbücher für nationalökonomie und Statistik, von J. Conrad, 1881. B. III, 4 u. 5 h., p. 380).

кая съ виду благодѣтельная мѣра, какъ воспрещеніе фабричной работы для дѣтей ниже 12 лѣтняго возраста, была для нихъ бѣдственна, потому, что изъ теплыхъ и относительно здоровыхъ фабричныхъ помѣщеній они были выгнаны въ скверныя жилища своихъ родителей и на улицу, подвергнуты несравненно худшимъ гигіеническимъ и нравственнымъ условіямъ жизни и вмѣсто фабричной работы занялись кражею и ниченствомъ. Англійскіе фабриканты, не желая, въ то время, подчиняться правительственному контролю надъ работою малолѣтнихъ, въ томъ возрастѣ въ какомъ она была съ ограниченіями дозволена, отпустили всѣхъ малолѣтнихъ и этимъ произвели ропотъ и усилили бѣдствія рабочихъ, заставившія усилить разныя благотворительныя общественныя пособія.

Въ виду всего этого, даже такой горячій приверженецъ общихъ началъ и задачъ новѣйшаго фабричнаго законодательства, какъ *Густавъ Конъ* *), самымъ настоятельнымъ образомъ указываетъ на вредъ слишкомъ быстраго хода этой правительственной дѣятельности и на необходимость ради успѣха дѣла, *постепенности и даже медленности въ этомъ* ходѣ, въ особенности по отношенію къ ограниченіямъ дѣтской и женской работы, на необходимость самаго тщательнаго соображенія этихъ ограниченій съ дѣйствительными и особенными обстоятельствами каждой страны и каждой рабочей группы. При этомъ онъ между прочимъ высказываетъ нѣкоторыя мысли, которыя необходимо нужно принять къ руководству въ правительственныхъ начинаніяхъ по этой части и которыя извлечены имъ не столько изъ умозрѣній, сколько изъ практическаго опыта, преимущественно Англіи,

*) См. вышеприведенную статью его (между прочимъ въ особенности стр. 342—381), въ которой указаны главныя черты въ историческомъ развитіи новѣйшаго фабричнаго законодательства въ разныхъ европейскихъ странахъ. Эта статья, также какъ и другіе труды того же автора въ томъ же изданіи заключаютъ въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія и соображенія по настоящему предмету.

Германіи и Швейцаріи и изъ производившихся тамъ изслѣдованій (enquêtes) дѣйствія новыхъ фабричныхъ законовъ и положенія рабочихъ классовъ. На эти мысли мы здѣсь бѣгло укажемъ, такъ какъ онѣ весьма примѣнимы въ настоящемъ случаѣ и къ Россіи.

Излишнія увлеченія отвлеченной филантропіи и сентиментальности при ограниченіи женской и дѣтской работы бываютъ пагубны для самихъ рабочихъ классовъ, когда они превосходятъ реальныя обстоятельства этихъ классовъ и дѣйствительныя средства къ улучшенію ихъ быта, которыми располагаютъ желающіе ихъ облагодѣтельствовать. Опекающіе и ограничивающіе права на трудъ опекаемыхъ, если не юридически, то нравственно, всегда берутъ въ извѣстной степени на свою отвѣтственность участь послѣднихъ и вызываютъ съ ихъ стороны требованія на вознагражденіе за лишенія, произшедшія отъ сокращенія источниковъ ихъ заработковъ. Когда распоряженіями администраціи сокращается, при нищетѣ рабочихъ классовъ, минимумъ ихъ насущнаго существованія, тогда не только возрастаютъ ихъ ожиданія административной помощи, но и дѣйствительно настаетъ неизбѣжная для правительства настоятельность оказывать, въ случаяхъ крайнихъ бѣдствій, тѣ или другія пособія. Между тѣмъ, при низкомъ нравственномъ и матерьяльномъ уровнѣ быта рабочихъ классовъ, изгнанныя съ фабрикъ дѣти и женщины подвергаются за ихъ стѣнами не только не лучшимъ, но часто гораздо худшимъ условіямъ жизни. Ограничивая работу дѣтей и женщинъ законодатель имѣетъ въ виду культурную задачу, улучшеніе быта рабочихъ, главнѣйше нравственнаго, *въ будущемъ*. Это будущее рабочіе цѣнятъ меньше, чѣмъ свое настоящее положеніе. Часто они (т. е., домохозяева, — отцы и мужья) эгоистически не хотятъ подвергать себя нѣкоторымъ матерьяльнымъ лишеніямъ, сократить свои расходы прихоти и роскоши (свое пьянство и гульбу) для блага будущаго поколѣнія и для нравственнаго

возвышенія своего семейнаго быта, но часто также, при ихъ крайней нищетѣ, сокращеніе заработковъ отъ ограниченія работы женщинъ и дѣтей, не принося послѣднимъ никакой пользы въ будущемъ, только наноситъ имъ страданія въ настоящемъ. Въ первомъ случаѣ, правительственное вмѣшательство и нѣкоторое давленіе закона на рабочіе классы благодѣтельны и обязательны для государства, обязаннаго даже принудительными мѣрами содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія и культуры народа. Тутъ нужно одинаково избѣгать запоздалыхъ мѣръ, какъ и преждевременныхъ. Нужно налагать на народъ, посредствомъ ограниченій фабричной работы и заработковъ, только ту тяжесть, которую онъ можетъ вынести, которая всякій разъ соотвѣтствуетъ его наличнымъ матерьяльнымъ средствамъ и историческимъ условіямъ его быта. Тоже самое можетъ быть сказано объ обязательномъ школьномъ обученіи и грамотности. Говоря о необходимости самаго внимательнаго уловленія момента для усиленія ограниченій женской и дѣтской работы и *мѣры* ихъ, нужной для каждаго момента и каждой страны, Конъ совѣтуетъ идти на этомъ поприщѣ *шагъ за шагомъ*, цѣлымъ рядомъ многократныхъ, постепенныхъ и послѣдовательныхъ мѣропріятій, которыя бы всякій разъ были сопряжены съ наименьшими лишеніями и страданіями для рабочаго класса.

Вышеизложенныя общія мысли объ ограниченіяхъ дѣтской и женской работы нужно имѣть въ виду при обсужденіи этого вопроса въ Россіи; вслѣдствіе ея многихъ особыхъ экономическихъ и общественныхъ условій вышеуказанныя соображенія, обязывающія къ осторожности, мягкости и постепенности въ развитіи законодательныхъ постановленій по этой части, еще болѣе примѣнимы къ ней, чѣмъ къ западной Европѣ.

Во первыхъ, вопреки общепринятому мнѣнію, давно устарѣвшему послѣ значительнаго подъема благосостоянія рабочихъ классовъ въ З. Европѣ и послѣ всѣхъ новѣйшихъ

статистическихъ изслѣдованій въ другихъ странахъ и у насъ, нищета этихъ классовъ, въ особенности фабричныхъ рабочихъ, гораздо сильнѣе у насъ, чѣмъ въ Западной Европѣ, и потому уменьшеніе заработковъ отъ узаконеннаго сокращенія работы женщинъ и несовершеннолѣтнихъ гораздо чувствительнѣе для нашихъ рабочихъ, чѣмъ для иностранныхъ. Къ тому же, не смотря на всѣ недавнія облегченія податной тяжести, лежащей у насъ на низшихъ классахъ, она (преимущественно по системѣ прямыхъ податей) еще далеко не такъ у насъ уравнительна, сравнительно со средствами плательщиковъ, какъ въ передовыхъ странахъ Западной Европы. А фабричный заработокъ дѣтей и женщинъ составляетъ значительный источникъ уплаты податей для нашихъ крестьянъ и мѣщанъ.

Во вторыхъ, дѣйствительныя благодѣянія, оказываемыя у насъ женскому полу и малолѣтнему возрасту сокращеніемъ ихъ работы на фабрикахъ, гораздо незначительнѣе у насъ, чѣмъ въ З. Европѣ, потому что домашній бытъ нашихъ рабочихъ гораздо грубѣе и хуже и въ нравственномъ и въ матерьяльномъ отношеніи. Если было замѣчено въ другихъ европейскихъ странахъ, какъ сказано выше, что несовершеннолѣтніе, лишенные фабричной работы законодательными постановленіями, бывали подвергаемы внѣ фабрикъ условіямъ жизни еще худшимъ, то это въ гораздо сильнѣйшей степени и гораздо чаще случается въ Россіи. Извѣстно, что многіе фабриканты, чтобы избѣгнуть стѣсненія и регламентацію, установленныя новыми законами для работы малолѣтнихъ, вовсе отъ нея отказались, даже и въ дозволенномъ возрастѣ, и общее число малолѣтнихъ на фабрикахъ значительно сократилось (въ однихъ мѣстностяхъ болѣе, въ другихъ менѣе, напр. въ иныхъ втрое, въ другихъ менѣе). Въ подмосковныхъ промышленныхъ краяхъ, мы видѣли этихъ малолѣтнихъ, которые вслѣдствіе новыхъ законовъ или гораздо меньше (напр. вдвое) работаютъ или вовсе не работаютъ на фабрикахъ. Какъ

ни утомительна была для нихъ работа на фабрикахъ, едва ли ихъ здоровье и въ особенности нравственность много выйграли и даже выйграли ли, что нибудь отъ условій жизни внѣ фабричныхъ мастерскихъ. Это относится главнѣйше къ малолѣтнимъ, оставшимся безъ всякой работы. Они, что называется, въ лучшемъ случаѣ, «галдѣютъ» т. е., шатаются въ корридорахъ фабричныхъ рабочихъ казармъ, на дворахъ и улицахъ безъ всякихъ занятій, посреди всѣхъ соблазновъ и грязи уличной жизни. Они ищутъ занятій въ разныхъ общественныхъ заведеніяхъ (трактирахъ, увеселительныхъ мѣстахъ, лавкахъ и проч.), гдѣ нѣтъ никакихъ ограниченій для работы несовершеннолѣтнихъ и гдѣ гигіеническія и нравственныя условія ихъ быта гораздо хуже, чѣмъ въ фабричныхъ мастерскихъ. Въ худшихъ и многочисленныхъ случаяхъ, они предаются, вслѣдствіе праздности, всякимъ порокамъ. Въ иныхъ мѣстахъ, было уже замѣчено полиціей размноженіе проступковъ и преступленій несовершеннолѣтнихъ вслѣдствіе сокращенія ихъ работы на фабрикахъ.

Предполагалось, что время, свободное отъ фабричной работы, будетъ проводимо малолѣтними въ школѣ, но это предположеніе, если и осуществилось, то въ самой ничтожной степени, ибо число школъ для фабричныхъ малолѣтнихъ весьма слабо увеличилось послѣ новыхъ узаконеній объ ихъ обученіи (объ этомъ будетъ еще сказано ниже). Для малолѣтнихъ-же, которымъ было отказано въ работѣ на фабрикахъ, способы обученія значительно сократились, такъ какъ они лишились доступа къ фабричнымъ школамъ, наилучше у насъ устроеннымъ. Нужно вообще замѣтить, что при недостаточности нашего народнаго образованія, въ особенности профессіональнаго, пребываніе и работа малолѣтнихъ на фабрикахъ, изъ которыхъ вырабатываются мастера,

*) На основаніи отчета главнаго фабричнаго Инспектора за 1885 (стр. 78) можно признать общій итогъ уменьшенія числа малолѣтнихъ на фабрикахъ *приблизительно* въ 12%.

много содѣйствуетъ этому образованію; эту хорошую сторону фабричной работы для малолѣтнихъ не должно терять изъ виду, когда слишкомъ односторонне говорятъ только о вредныхъ ея сторонахъ.

Предполагалось также, что малолѣтніе и несовершеннолѣтніе, уволенные съ фабрикъ вернутся въ свои деревни, въ кругъ болѣе благопріятныхъ гигіеническихъ и нравственныхъ условій жизни, и сверхъ того усилятъ собою количество рабочихъ рукъ въ сельскомъ хозяйствѣ, которое у насъ, въ послѣднее время, въ упадкѣ. Но относительно весьма значительнаго количества фабричныхъ малолѣтнихъ это предположеніе совершенно ошибочно, такъ какъ нынѣ, въ нашихъ промышленныхъ краяхъ, напр. подмосковныхъ, весьма разрослось чисто фабричное народонаселеніе и много крестьянскихъ семей окончательно водворились на фабрикахъ и около фабрикъ, совсѣмъ разставшись съ землею и деревней. Затѣмъ, приливъ свободныхъ рабочихъ рукъ, въ особенности несовершеннолѣтнихъ, къ земледѣлію не составляетъ для него никакого благодѣянія, такъ какъ онѣ именно ушли на фабрики вслѣдствіе своего излишества въ деревнѣ; рабочіе изъ крестьянъ набираются на фабрики преимущественно въ промышленныхъ губерніяхъ, въ которыхъ земледѣліе упало не вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ. Наконецъ, если не въ земледѣльческихъ краяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ промышленныхъ губерніяхъ, условія быта и гигіеническія и нравственныя въ деревняхъ для дѣтскаго возраста, въ общемъ итогѣ, почти не лучше, чѣмъ на фабрикахъ.

Въ третьихъ, нужно имѣть въ виду, что промышленная эксплоатація дѣтской работы родителями никогда не достигала у насъ такой крайней степени и жестокости, какъ въ Зап. Европѣ (въ особенности въ Англіи), гдѣ правительства и были вынуждены положить этому предѣлъ новѣйшими фабричными законами. Какіе бы ни были недостатки въ нашемъ національномъ характерѣ сравнительно съ западно-

европейскими націями, въ немъ (преимущественно въ простонародьѣ) заключается такъ много добродушія, мягкосердечія и нѣжнаго чувства къ дѣтямъ, какъ это не встрѣчается въ краяхъ Запад. Европы, проникнутыхъ новѣйшимъ индустріализмомъ. Мы говоримъ объ эксплоатаціи дѣтей *родителями, а не фабрикантами*, такъ какъ въ непосильномъ отягощеніи дѣтей работою виноваты главнѣйше и почти исключительно первые, а не послѣдніе. На это обстоятельство нужно также обращать вниманіе, когда полагаютъ, что несовершеннолѣтніе облагодѣтельствованы только потому, что они возвращены съ промышленныхъ заведеній въ семьи. Сверхъ того, нужно имѣть въ виду, что вообще патріархальный элементъ въ отношеніяхъ между нанимателями и нанимаемыми, противудѣйствующій злоупотребленіямъ на счетъ женскаго и дѣтскаго труда, хотя и уменьшился въ новѣйшее время, въ нашемъ фабричномъ мірѣ, но онъ все таки значительно и даже несравненно сильнѣе распространенъ у насъ, чѣмъ въ Западной Европѣ. Между тѣмъ, не смотря на все сказанное, наши новые фабричные законы ограничили трудъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ почти въ той-же мѣрѣ, какъ и всѣ западно-европейскіе.

Наконецъ, въ *четвертыхъ*, ограниченія дѣтскаго и женскаго труда особенно чувствительны для нашей промышленности потому, что увеличиваютъ стоимость или расходы производства фабричныхъ товаровъ, и безъ того болѣе высокіе, чѣмъ въ Запад. Европѣ.

Все выше нами изложенное нисколько не клонилось однако, въ нашихъ мысляхъ, къ порицанію вообще новѣйшаго нашего законодательства о дѣтской и женской работѣ на фабрикахъ и къ заключенію о необходимости его отмѣны; сущность его и истекающія изъ нея главныя постановленія нельзя не признать благодѣтельными для нашего рабочаго класса и почти соотвѣтствующими общему уровню его

быта и денежныхъ средствъ, какъ напр. опредѣленіе возраста (12 лѣтъ), ниже котораго не допускается работа малолѣтнихъ, назначеніе максимума числа часовъ этой работы въ узаконенномъ возрастѣ, безусловное воспрещеніе работы въ этомъ возрастѣ при разрушительныхъ для здоровья производствахъ, и т. д. Всѣ соображенія, высказанныя нами на основаніи общеевропейскаго опыта и особенныхъ условій нашего отечественнаго народнаго быта имѣли цѣлію только доказать необходимость крайней осторожности въ дальнѣйшемъ развитіи нашей законодательной и административной дѣятельности по этой части, съ тѣмъ, чтобы не принести черезъ него нашему рабочему классу болѣе вреда, чѣмъ пользы, или чтобы не дѣлать распоряженій для него безплодныхъ и лишь стѣснительныхъ для промышленности. Въ силу этихъ соображеній, всего менѣе возможно усиливать у насъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время, нынѣшнія ограниченія фабричной работы несовершеннолѣтнихъ и женщинъ, какъ того желаютъ иные слишкомъ усердные приверженцы этихъ ограниченій, и кромѣ того, нужно стараться вносить возможно болѣе мягкости въ практическое ихъ примѣненіе во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, на сколько это не наноситъ положительнаго вреда подрастающему поколѣнію. Никакъ не слѣдуетъ увлекаться излишними, практически неудовлетворимыми филантропическими къ нему чувствами, превосходящими реальныя требованія народнаго быта. Всего болѣе необходимо избѣгать, со стороны фабричной инспекціи, той подробной регламентаціи работы малолѣтнихъ и условій ихъ нахожденія на фабрикахъ, которыя усиливаютъ строгости закона и не совмѣстимы съ фабричными порядками. Такъ напр. опредѣленіе продолжительности перерывовъ въ работѣ малолѣтнихъ *исключительно по усмотрѣнію инспекціи* сопряжено съ большими неудобствами для фабричнаго дѣла (ст. 36 Инструкціи Министра Финансовъ чинамъ инспекціи). Необходимо всячески ста-

раться противудѣйствовать развитію явленія, которое было послѣдствіемъ новыхъ фабричныхъ законовъ, которое весьма вредно для промышленности и нисколько не полезно для подрастающаго поколѣнія рабочихъ, а именно огульному увольненію всѣхъ малолѣтнихъ и подростковъ фабрикантами, желающими избавиться черезъ это отъ стѣснительнаго за ними надзора со стороны фабричной инспекціи. Увольненіе всѣхъ несовершеннолѣтнихъ до 15 лѣтъ и даже до 17-ти (вслѣдствіе воспрещенія послѣднимъ ночной работы) въ такихъ промышленныхъ заведеніяхъ, обученіе дѣлу которыхъ должно непремѣнно начинаться съ ранняго возраста (напр. наборщики въ типографіяхъ) есть положительное зло для промышленности и для рабочаго класса.

Въ связи со всѣми изложенными общими мыслями, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно отдѣльныхъ постановленій этой части новаго фабричнаго законодательства, по тремъ главнымъ его предметамъ,—ограниченія возраста малолѣтнихъ на фабрикахъ, обученія ихъ и воспрещенія ночной работы женщинъ и подростковъ (до 17 л.).

Работа дѣтей отъ 12 до 15 лѣтъ ограничена 8 часами въ сутки, съ тѣмъ что она не можетъ продолжаться болѣе 4 часовъ сряду (законъ 1 Іюня 1882 г. I, ст. 1). Послѣ того, въ видѣ временной мѣры, Министрамъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено, разрѣшать работу малолѣтнихъ *по 6-ти часовъ сряду*, съ тѣмъ, чтобы она продолжалась не болѣе этого времени въ сутки, когда такая работа необходима на фабрикахъ и не вредна для здоровья дѣтей (законъ 12 Іюня 1884, IV). Почти всѣ фабриканты находятъ этотъ послѣдній порядокъ гораздо болѣе удобнымъ для фабричнаго производства и многіе испросили для себя разрѣшеніе на него. Продолженіе работы дѣтей только въ теченіи 4 часовъ несовмѣстимо съ обычною 6-ти часовою непрерывною работою взрослыхъ (по смѣнамъ); по этой причинѣ многіе фабриканты совсѣмъ отказались отъ работы мало-

лѣтнихъ. Поэтому было бы полезно, какъ полагаютъ нѣкоторые фабричные инспекторы, прямо разрѣшить всѣмъ фабрикантамъ 6-ти часовую безостановочную работу малолѣтнихъ, въ видѣ общаго постановленія, безъ испрошенія на то особыхъ разрѣшеній инспекціи и министровъ.

Составленный въ Министерствѣ Финансовъ (на основаніи закона 1 Іюня 1882 г.) и обнародованный Правит. Сенатомъ списокъ производствъ и отдѣльныхъ операцій, на которыхъ безусловно воспрещается работа малолѣтнихъ, недостигшихъ 15 лѣтняго возраста, требуетъ пересмотра, такъ какъ опытъ дѣйствія новыхъ фабричныхъ законовъ и свѣдѣнія, собранныя фабричными инспекторами, указали на нѣкоторыя производства, которыя должны быть исключены изъ этого списка, а другія къ нему прибавлены.

Чинамъ фабричной инспекціи предоставлено право, по личному усмотрѣнію и послѣ освидѣтельствованія черезъ врача, немедленно удалять съ фабрикъ малолѣтнихъ, хотя бы и узаконеннаго возраста, которые окажутся *болѣзненными* или по *недостаточному физическому развитію* неспособными къ порученной работѣ (ст. 33 Инспекціи). Это право чиновъ инспекціи слишкомъ широко; «болѣзненность, недостаточное физическое развитіе, неспособность къ работѣ» подлежатъ весьма разнообразному толкованію, зависящему отъ тѣхъ или другихъ личныхъ воззрѣній и влеченій. Во всякомъ случаѣ, цѣль этого постановленія выходитъ за предѣлы насущныхъ нуждъ нашего рабочаго класса (согласно тому что сказано нами выше).

По другому постановленію (ст. 34 Инструкціи) всякій малолѣтній свыше 6 лѣтъ «находящійся въ рабочемъ помѣщеніи фабрики признается работающимъ на ней». При условіяхъ нашего фабричнаго быта, когда цѣлыя семейства рабочихъ живутъ на фабрикахъ, точное соблюденіе этого постановленія довольно затруднительно, а между тѣмъ случайное нарушеніе его, безъ всякой вины фабриканта, подле-

жить взысканію съ него. Къ тому же оно совсѣмъ излишне.

Эти два послѣднія правительственныхъ распоряженія, которыя сдѣланы въ инструкціи Министра Финансовъ 1884 г. по надзору за исполненіемъ новыхъ законовъ о малолѣтнихъ и подобныхъ которымъ находится много въ этомъ актѣ, приведены нами лишь какъ примѣръ того значительнаго развитія узаконенныхъ ограниченій работы малолѣтнихъ и строгостей регламентаціи фабричной жизни, которыя даны закону административнымъ порядкомъ, не заключаются въ его буквальномъ смыслѣ, не соотвѣтствуютъ практическимъ условіямъ народнаго быта и весьма затруднительны въ своемъ исполненіи.

Относительно школьнаго обученія малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ мы ограничимся нѣкоторыми общими замѣчаніями. На этотъ предметъ были сосредоточены особенное вниманіе нашихъ новыхъ фабричныхъ законовъ и усиленная дѣятельность чиновъ фабричной инспекціи. Фабрикантамъ поставлено въ обязанность, чтобы они предоставляли возможность работающимъ у нихъ и не имѣющимъ свидѣтельствъ объ окончаніи, *по крайней мѣрѣ*, курса въ одноклассномъ народномъ училищѣ малолѣтнимъ возможность посѣщать школу не менѣе 3 часовъ ежедневно и чтобы они соотвѣтственно этому устроивали порядокъ работы въ своихъ заведеніяхъ. Тоже самое постановлено даже относительно малолѣтнихъ, окончившихъ упомянутый курсъ и относительно посѣщенія ими школъ съ *высшимъ курсомъ*, если въ данномъ мѣстѣ существуютъ такія школы. За неисполненіе этихъ постановленій фабриканты подвергаются штрафу до 100 р. Чины фабричной инспекціи обязаны наблюдать за точнымъ исполненіемъ этихъ постановленій, заботиться объ учрежденіи школъ при фабрикахъ, которыя ихъ еще не имѣютъ, о приспособленіи въ этихъ случаяхъ къ обученію малолѣтнихъ рабочихъ въ другихъ сосѣднихъ школахъ, или

объ открытіи особыхъ для того школъ земствами, городскими и сельскими обществами, церковно-приходскими попечительствами и частными лицами. Инструкціей Министра Финансовъ чинамъ инспекціи 1884 г. (ст. 55), имъ даже поставлено въ обязанность «*имѣть наблюденіе*, чтобы работающіе на заводахъ, фабрикахъ и мануфактурахъ малолѣтніе, не имѣющіе свидѣтельствъ объ окончаніи курса въ одноклассномъ народномъ или равномъ ему училищѣ, *посѣщали школу* не менѣе трехъ часовъ въ день или 18 часовъ въ недѣлю».

Исполненіе этого послѣдняго постановленія, не заключающагося въ самомъ законѣ, равнялось бы, при извѣстномъ его истолкованіи, къ которому даетъ поводъ неточность его редакціи, полной *обязательности* школьнаго обученія для фабричныхъ малолѣтнихъ. Вмѣстѣ съ обязательностью для всѣхъ этихъ малолѣтнихъ находиться ежедневно въ школѣ въ теченіи 3 часовъ, можно было выводить изъ этого и то дальнѣйшее заключеніе (въ связи со ст. 57 и 58 той же инструкціи), что если нѣтъ школы вблизи отъ фабрики, то владѣлецъ послѣдней *обязанъ* устроить школу на свой счетъ. Такому истолкованію, которое наложило бы на фабрикантовъ новую, не установленную закономъ повинность, и которое было бы весьма крутымъ нововведеніемъ въ нашемъ государствѣ, не имѣющемъ пока обязательнаго школьнаго обученія для народа, эта статья Инструкціи бывшаго Министра Финансовъ, подверглась въ первое время послѣ ея изданія (отчасти въ кругу фабричной инспекціи нѣкоторыхъ мѣстностей, отчасти въ печати). Позднѣйшія распоряженія правительства устранили это толкованіе, и этому нельзя не порадоваться. Такой важный шагъ въ государственной жизни какъ введеніе обязательнаго школьнаго обученія для народа долженъ быть очень зрѣло и продолжительно обдуманъ; онъ во всякомъ случаѣ, долженъ быть сдѣланъ не иначе, какъ посредствомъ законодательнаго акта, а не административнаго распоряженія (какова инструкція

министра подчиненнымъ чинамъ для исполненія закона), онъ не можетъ касаться только одной группы рабочаго класса, и наконецъ этотъ важный государственный шагъ едва ли возможенъ прежде, чѣмъ окончательно упрочится наша народная школа, находящаяся пока въ періодѣ разныхъ недоумѣній колебаній.

Хотя этотъ вопросъ объ обязательности школьнаго обученія для фабричныхъ малолѣтнихъ пока устранился, тѣмъ не менѣе усиленныя заботы, приложенныя новыми фабричными законами и ихъ исполнителями, — чинами фабричной инспекціи,—къ распространенію школьнаго обученія между малолѣтними, работающими на фабрикахъ, вызываютъ нѣкоторыя размышленія, о которыхъ нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ. Это обученіе, грамотность и умственное развитіе малолѣтнихъ рабочихъ были почти главною задачею всего новаго объ нихъ законодательства. Самое сокращеніе времени ихъ работы преслѣдовало преимущественно эту цѣль. Къ ней были направлены наиболѣе дѣятельныя усилія представителей фабричной инспекціи, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые ихъ отчеты.

Между тѣмъ, не смотря на все это, указанныя въ новыхъ законахъ мѣры къ усиленію школьнаго образованія фабричныхъ малолѣтнихъ и заботы о томъ чиновъ фабричной инспекціи оказались, согласно ихъ собственнымъ показаніямъ, *) весьма до сихъ поръ безъуспѣшны,—едва ли не безуспѣшнѣе, чѣмъ по всѣмъ прочимъ частямъ нашего новаго фабричнаго законодательства. Число обучающихся дѣтей и также школъ едва ли сколько нибудь увеличилось: число первыхъ даже уменьшилось вслѣдствіе уменьшенія вообще числа малолѣтнихъ на фабрикахъ. Если и открылись

*) См. между прочимъ отчетъ Главнаго Фабричнаго Инспектора за 1885 г., стр. 92—95.

весьма немногія новыя школы, то за то закрылись нѣкоторыя прежде существовавшія.

Этотъ результатъ новаго фабричнаго законодательства неудивителенъ вслѣдствіе многихъ причинъ, его обусловившихъ. *Во первыхъ*, постановленія о школьномъ обученіи фабричныхъ малолѣтнихъ были изданы совершенно врозь съ нашими общими законодательными началами по части первоначальнаго народнаго образованія, и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ *несогласіи*,—если и не въ противурѣчіи,—съ правительственными взглядами, возымѣвшими силу по этой части въ послѣднее время (напр. съ заботами правительства объ утвержденіи народной школы на церковной почвѣ). Самая задача распространенія грамотности и школьнаго образованія въ подрастающемъ поколѣніи фабричнаго рабочаго класса, хотя и находящаяся въ связи съ общими попеченіями правительства объ улучшеніи быта этого класса, не входила прямо въ задачи законодательныхъ и административныхъ распоряженій, направленныхъ къ охранѣ физическихъ условій работы и жизни малолѣтнихъ на фабрикахъ. Въ лицѣ чиновъ фабричной инспекціи явились совершенно новые правительственные органы въ сферѣ первоначальнаго народнаго образованія и воспитанія, нисколько къ тому не подготовленные и не призванные по главному существу своихъ обязанностей, занятій и познаній и ничего не имѣющіе общаго съ другими органами въ этой сферѣ, какъ правительственными по вѣдомству народнаго просвѣщенія, такъ и общественными,—земскими и городскими. Хотя всѣ народныя школы, въ томъ числѣ и фабричныя, находятся у насъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, но наблюденіе за устройствомъ школъ, въ которыхъ обучаются фабричные малолѣтніе, даже за порядкомъ занятій въ нихъ и ихъ программами возложены теперь на фабричную инспекцію и министерство финансовъ, сверхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія (см. разныя правила въ

инструкціи Министра Финансовъ 1884 г.). Если первоначальная народная школа, во всѣхъ своихъ видахъ и для всѣхъ классовъ народа требуетъ во всякомъ государствѣ единства въ своихъ основныхъ началахъ, то тѣмъ менѣе можетъ быть въ Россіи обособлено школьное обученіе фабричнаго класса, такъ какъ онъ, только въ видѣ исключенія въ немногихъ мѣстностяхъ, выдѣлился какъ отдѣльный классъ и большею частію, даже въ самыхъ фабричныхъ краяхъ, сливается съ сельскимъ или крестьянскимъ народонаселеніемъ. Сверхъ вопроса о необходимости общихъ началъ для первоначальнаго школьнаго обученія дѣтей, которыя столько-же принадлежатъ къ фабричному населенію, какъ и къ крестьянскому, спеціальное наблюденіе фабричной инспекціи (какъ и свидѣтельствуютъ о томъ ея чины) представляетъ непоборимыя препятствія, когда дѣти въ теченіе одного года то находятся на фабрикѣ, то въ своей деревнѣ. Это передвиженіе усилилось отъ дѣйствія новыхъ фабричныхъ законовъ.

Во вторыхъ, заботы самихъ фабрикантовъ объ устройствѣ школъ при своихъ фабрикахъ значительно ослабли вслѣдствіе новыхъ фабричныхъ законовъ, подобно всѣмъ добровольнымъ ихъ жертвамъ на пользу рабочихъ, согласно тому, что было сказано нами выше, въ началѣ этого труда. А фабричныя школы, лучшія какія у насъ существуютъ, въ особенности на крупныхъ фабрикахъ, всего болѣе содѣйствовали успѣхамъ школьнаго образованія нашихъ фабричныхъ рабочихъ.

Въ третьихъ, новыя правила о школьномъ обученіи фабричныхъ малолѣтнихъ и обязанности, возложенныя ими на фабрикантовъ, всего болѣе повлекли многихъ изъ послѣднихъ къ безусловному увольненію съ фабрикъ всѣхъ дѣтей, а съ этимъ увольненіемъ тѣ изъ нихъ, которые содержали школы, ихъ закрыли.

Какъ ни желательно распространеніе грамотности и школьнаго образованія въ каждомъ классѣ низшихъ и бѣд-

нѣйшихъ слоевъ нашего народа, а тѣмъ болѣе въ фабричномъ, но нельзя слишкомъ сожалѣть о безуспѣшности въ этомъ отношеніи дѣйствія новыхъ фабричныхъ законовъ— пока окончательно не устроилась и не упрочилась вся система нашей народной школы, подверженной въ настоящее время многимъ недоумѣніямъ. Искусственно усиленная дѣятельность государства по этой части, превышающая народныя силы, а въ особенности односторонне усиленная въ отношеніи къ одному разряду низшихъ классовъ, можетъ быть скорѣе вредна, чѣмъ полезна. Одно размноженіе народныхъ школъ, *какихъ бы то ни было*, и одно распространеніе школьнаго образованія, какого бы то ни было качества, не составляютъ сами по себѣ блага. Если хорошая школа есть великое добро для народа, то дурная школа есть величайшее для него зло. Сверхъ всего этого, неможемъ незамѣтить, что обязательность устройства школъ для фабрикантовъ, о которой у насъ не мало говорили, если бы и была возможна, то нисколько не желательна. Если многія наши фабричныя школы превосходны, то никакъ нельзя считать школьное дѣло призваніемъ фабрикантовъ и фабричныхъ управленій. Гораздо правильнѣе привлекать ихъ къ пожертвованіямъ на школы, содержимыя правительствомъ, земствомъ и городами для обученія малолѣтнихъ рабочихъ.

Наконецъ, относительно воспрещенія ночной работы женщинъ и подростковъ до 17 лѣтняго возраста на хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ, по закону 3 Іюня 1885 г. (распространенному распоряженіемъ Министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ въ 1886 г. на фабрики льнопрядильныя, льнотрепальныя и изготовляющія смѣшанныя ткани, согласно предоставленному имъ праву), нужно замѣтить, что эта мѣра повела за собою прекращеніе вообще ночной работы на упомянутыхъ фабрикахъ. Можетъ быть это произошло вслѣдствіе застоя промышленности, а въ болѣе оживленное время, женщины и подростки были бы

замѣнены для ночной работы взрослыми работниками мужскаго пола. Противъ этой мѣры не слышно впрочемъ жалобъ въ фабричномъ мірѣ, такъ какъ ночная работа сопряжена съ большими неудобствами для самихъ фабрикантовъ и для качествъ издѣлій. Она не была добровольно прекращаема ими вслѣдствіе конкуренціи, въ особенности въ эпохи промышленнаго возбужденія; тоже самое количество производства безъ ночной работы требуетъ расширенія фабричныхъ помѣщеній, увеличенія всѣхъ техническихъ приспособленій и затраты гораздо большихъ капиталовъ. Въ западно-европейскихъ странахъ (Англіи, Франціи, Бельгіи) ночная работа давно почти прекратилась, безъ всякаго воспрещенія по закону, кромѣ нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній, въ которыхъ она неизбѣжна.

Законъ 1885 г. изданъ въ видѣ опыта на три года (по 1 октября 1888 г.). Дѣйствіе его кажется можетъ быть продолжено, безъ особеннаго отягощенія промышленности и съ пользою для рабочаго класса (въ гигіеническомъ отношеніи). Не слѣдуетъ однако преувеличивать этой пользы, обусловленной бытомъ народа, согласно тому что мы говорили выше. Если женщины и подростки предаются, въ ночное время, вмѣсто работы гульбѣ и разврату, какъ мы это видѣли въ нѣкоторыхъ фабричныхъ нашихъ мѣстностяхъ (напр. въ Ивановѣ-Вознесенскѣ), то отъ этого болѣе вреда для народнаго здравія. При этомъ нужно замѣтить, что, въ случаѣ присвоенія упомянутому временному закону постоянной силы нужно въ точности поименовать въ немъ всѣ роды фабрикъ, на которые онъ распространяется, безъ предоставленія права распространенія дѣйствія закона посредствомъ административныхъ министерскихъ распоряженій (какъ нынѣ). Такое право возможно только при временномъ характерѣ этой мѣры; оно затрогиваетъ слишкомъ значительные личные интересы, чтобы нуждаться въ своемъ опредѣленіи законодательною властью.

V.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе нашего труда, мы считаемъ нужнымъ указать на нѣкоторые изъ общихъ выводовъ, которые могутъ быть, по нашему разумѣнію, сдѣланы изъ вышеизложенныхъ наблюденій и соображеній и которые имѣютъ наиболѣе практическаго значенія, хотя эти общіе выводы уже достаточно явствовали изъ нашего изложенія. Эти заключительныя общія замѣчанія будутъ сосредоточены нами на трехъ предметахъ новаго фабричнаго законодательства: узаконеніяхъ, касающихся отношеній между владѣльцами промышленныхъ заведеній и нанимаемыми ими рабочими вообще, ограниченіяхъ работы женщинъ и несовершеннолѣтнихъ въ частности и на новыхъ административныхъ органахъ, созданныхъ подъ наименованіемъ фабричной инспекціи.

Сущность новыхъ узаконеній, опредѣляющихъ отношенія, возникающія изъ договора найма между нанимателями и нанимаемыми въ промышленныхъ заведеніяхъ, также какъ и сущность всѣхъ новыхъ нашихъ постановленій и правительственныхъ распоряженій по этой части, нельзя не признать значительнымъ успѣхомъ въ нашемъ законодательствѣ и гражданской жизни. Всѣ прежнія наши узаконенія по этому предмету, изданныя въ періодѣ крѣпостнаго права и при совсѣмъ иныхъ формахъ промышленности, совершенно отстали отъ новѣйшихъ условій нашей гражданской и промышленной жизни. Можно сказать, что новыя узаконенія внесли твердыя начала права и способы его охраны въ сферу, прежде почти чуждую понятіямъ права и руководствовавшуюся весьма шаткими объ немъ понятіями, — большею частью только инстинктивными, обычными и не установленными закономъ.

Сохраняя неприкосновенною эту сущность новаго нашего законодательства о наймѣ фабричныхъ рабочихъ и ихъ отношеніяхъ къ хозяевамъ, необходимо однако пересмотрѣть отдѣльныя его постановленія, съ тѣмъ чтобы, на основаніи опыта ихъ дѣйствія и собраннаго обширнаго фактическаго матерьяла, устранить изъ нихъ многія оказавшіяся неудобства ихъ практическаго примѣненія, отчасти также и нѣкоторыя несообразности съ общимъ духомъ этого законодательства, неизбѣжно въ немъ происшедшія вслѣдствіе поспѣшности его изданія и новости самаго дѣла. На многія изъ этихъ постановленій, всего болѣе требующія исправленія и измѣненія, согласно нашимъ личнымъ наблюденіямъ, мы подробно указали выше (въ гл. II и III) и къ нимъ мы возвращаться не будемъ; могутъ найтись и другія нужныя передѣлки въ этихъ узаконеніяхъ и относящихся къ нимъ административныхъ распоряженіяхъ, уже указанныя въ ходатайствахъ заинтересованныхъ лицъ и также въ представленіяхъ и отчетахъ чиновъ фабричной инспекціи. Эта реформа или лучше пересмотръ нашего новѣйшаго фабричнаго законодательства никоимъ образомъ не должны быть *ломкою* его, столь всегда зловредною въ государственной жизни. Не должно желать при этомъ пересмотрѣ ни понятнаго шага въ исполненіи главныхъ задачъ, поставленныхъ правительствомъ, ни также новаго ускореннаго или «прогрессивнаго шага», какого желаютъ иные, съ отвлеченно теоретической или излишне филантропической точки зрѣнія, не считающейся съ дѣйствительнымъ и историческимъ бытомъ народа и его практическими насущными нуждами (таково напр. было бы дальнѣйшее развитіе законодательства и административнаго надзора въ смыслѣ большаго вмѣшательства правительства и его органовъ въ отношенія фабрикантовъ къ рабочимъ съ цѣлію *улучшенія* благосостоянія послѣднихъ).

Этотъ пересмотръ нашего новаго фабричнаго законодательства долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только *прак-*

тическимъ его приспособленіемъ или улучшеніемъ, съ сохраненіемъ его основныхъ началъ, соотвѣтственно всѣмъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ о нашей фабричной промышленности, какихъ не было нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Съ основными началами новаго фабричнаго законодательства и съ истекающими изъ нихъ правительственными цѣлями уже сжился нашъ фабричный міръ въ послѣднее время. Практическое исправленіе многихъ постановленій, возбудившихъ справедливое неудовольствіе въ этомъ мірѣ, усилитъ сочувствіе къ правительственной дѣятельности по этой части со стороны добросовѣстныхъ и человѣколюбивыхъ фабрикантовъ; такихъ у насъ не мало и ихъ дѣятельное участіе въ начинаніяхъ правительства совершенно необходимо для достиженія его цѣлей, какъ мы говорили объ этомъ выше. Также точно во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ тоже самое фабричное законодательство вырабатывалось и улучшалось постепенно, многократными пріемами, по одному и тому же пути.

Подъ *первенствующею задачею* государства въ настоящемъ дѣлѣ и подъ *основнымъ руководящимъ началомъ*, котораго слѣдуетъ держаться при пересмотрѣ фабричныхъ постановленій и во всей дальнѣйшей законодательной и административной дѣятельности по этой части мы понимаемъ: установленіе закономъ твердыхъ *юридическихъ нормъ* въ отношеніяхъ хозяевъ промышленныхъ заведеній и рабочихъ, или въ ихъ договорѣ найма и его исполненіи, судебную и полицейскую охрану истекающихъ отсюда взаимныхъ правъ и обязанностей обѣихъ сторонъ противъ обоюдныхъ правонарушеній, и надзоръ новыхъ спеціяльныхъ административныхъ органовъ за соблюденіемъ этого порядка съ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. При этомъ законъ и администрація должны строго воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства въ *экономическія отношенія* между нанимателями и нанимаемыми, въ *хозяйственное содержаніе* контракта найма и истекающія изъ него хозяйственныя условія фабричнаго быта, въ истекающія изъ до-

говора выгоды и невыгоды для его участниковъ, и не должны ни малѣйшимъ образомъ опредѣлять, ни даже касаться, *размѣровъ вознагражденія* за трудъ, прямо или косвенно возникающихъ изъ договора найма. Эта послѣдняя сторона отношеній фабрикантовъ и рабочихъ зависитъ единственно отъ естественныхъ законовъ, управляющихъ природою экономическихъ явленій и жизнею народнаго хозяйства и промышленности. Государственный законъ и администрація безсильны въ измѣненіи хода этой жизни и экономическихъ отношеній нанимателей и нанимаемыхъ; вторженіе ихъ въ эту область сопряжено только съ прискорбными практическими недоразумѣніями, между прочимъ съ неудовлетворимыми правительствомъ ожиданіями отъ него и притязаніями рабочаго класса. *)

---

*) Не можемъ не привести здѣсь словъ, сказанныхъ между прочимъ въ изложеніи отношеній правительства къ промышленности *Лоренцомъ Штейномъ*, первостепеннымъ современнымъ авторитетомъ въ наукахъ и народнаго хозяйства и административнаго права: «никогда не можетъ быть задачею государственнаго управленія прямо вмѣшиваться въ вопросы о цѣнѣ труда (или въ размѣры вознагражденія за него); оно должно предоставить регулированіе хозяйственной стороны рабочаго вопроса дѣйствію непреложнаго экономическаго закона цѣны за трудъ. Государственное управленіе также не можетъ устранить или уничтожить явленія противуположности интересовъ капитала и труда, какъ оно не можетъ уничтожить самые эти интересы и ихъ противуположность. Поэтому первымъ принципомъ правительства должно быть предоставленіе борьбы этихъ интересовъ самой себѣ до тѣхъ поръ, пока *она не нарушаетъ общественнаго порядка и права*. Оно должно заботиться только о томъ, чтобы свободное дѣйствіе естественнаго экономическаго закона, управляющаго отношеніями труда къ капиталу, не встрѣчало препятствій отъ *насильственныхъ дѣйствій* заинтересованныхъ лицъ. Государственное управленіе поэтому никогда не можетъ серьезно задумать взять на себя *разрѣшеніе рабочаго вопроса;* оно никогда не должно даже пытаться мѣшать той или другой естественной развязкѣ этого вопроса. Оно можетъ быть только *полиціей* въ этой области. Только въ этомъ смыслѣ понимаемъ мы задачу администраціи по установленію порядка труда въ промышленности» («*L. Stein.* Handbuch der Verwaltungslehre, 1870, p. 358»). Это мнѣніе знаменитаго германскаго ученаго, впрочемъ господствующее въ экономической наукѣ, потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что онъ нисколько не придерживается въ своихъ экономическихъ и административныхъ ученіяхъ школы безусловнаго невмѣшательства государства въ народное хозяйство (по формулѣ «laisser faire laisser passer»). Къ тому-же рабочій вопросъ, въ томъ видѣ, какъ онъ сущест-

Хотя, согласно тому, что сказано было выше, задачею, имѣвшеюся въ виду нашимъ правительствомъ, при изданіи новыхъ фабричныхъ законовъ, были именно установленіе юридическихъ нормъ для отношеній фабрикантовъ и рабочихъ, или для договора найма и охрана его исполненія правительственною властью; однако, къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ постановленіямъ этихъ законовъ,—можетъ быть и помимо прямыхъ намѣреній законодателя,—примѣшался характеръ упомянутаго выше правительственнаго вмѣшательства въ *хозяйственную* сторону отношеній нанимателей и нанимаемыхъ,—вмѣшательства, какъ бы предполагающаго улучшеніе быта рабочихъ, возвышеніе уровня ихъ благосостоянія (*сверхъ* улучшенія этого быта посредствомъ охраны прочности и точности исполненія договора найма). Этотъ характеръ примѣшавшійся къ сущности нашего новаго фабричнаго законодательства, вопреки его прямой задачѣ, получилъ еще болѣе развитія на практикѣ, подъ вліяніемъ усиленныхъ въ этомъ направленіи дѣйствій чиновъ фабричной инспекціи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Таковы напр. нѣкоторыя правила и распоряженія этихъ чиновъ относительно фабричныхъ лавокъ (утвержденіе ими росписанія продаваемыхъ товаровъ, ихъ качествъ и цѣнъ), и многіе другія правила и распоряженія, нами указанныя въ этомъ трудѣ.

Правительственный надзоръ за точнымъ соблюденіемъ договора найма фабрикантовъ и рабочихъ, лежащій на фабричной инспекціи, долженъ имѣть, — какъ мы объ этомъ много говорили,—преимущественно характеръ *репрессивный*, а *не превентивный*, или опекательный. Другими словами,—этотъ надзоръ долженъ быть направленъ не столько къ предупрежденію правонарушеній съ обѣихъ сторонъ, сколько

вуетъ въ западной Европѣ, еще не появился въ Россіи, и могъ бы быть только искусственно возбужденъ въ умахъ рабочихъ бюрократическими вторженіями въ ихъ экономическія отношенія къ хозяевамъ, хотя бы даже и съ благонамѣренными желаніями возвысить ихъ благосостояніе.

къ преслѣдованію ихъ и примѣненію къ ихъ послѣдствіямъ кары законовъ и къ возстановленію нарушенныхъ правъ, когда эти правонарушенія уже совершились. Хотя не желательному превентивному направленію этого правительственнаго надзора содѣйствовали главнѣйше усилія, впрочемъ добросовѣстныя, нѣкоторыхъ представителей фабричной инспекціи, однако это направленіе въ извѣстной степени указано имъ въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ новыхъ законовъ. Это направленіе дѣятельности новой административной организаціи стѣснительно для фабрикантовъ и ихъ управленія, вредно для рабочихъ, притупляя посредствомъ опеки чувство самодѣятельности и самоотвѣтственности, и отвлекаетъ чиновъ фабричной инспекціи отъ болѣе существенныхъ и болѣе плодотворныхъ ихъ обязанностей.

При этомъ, желая преимущественно репрессивнаго или карательнаго направленія въ нашихъ фабричныхъ законахъ и въ дѣятельности фабричной инспекціи и выставляя это общее начало, мы нисколько не хотимъ увлекаться теоретическимъ доктринерствомъ, не признающимъ разнообразія мѣстныхъ историческихъ особенностей и разныхъ ступеней умственнаго развитія народа. При невѣжествѣ и малограмотности не только массы нашихъ рабочихъ, но и большинства хозяевъ нашихъ промышленныхъ заведеній, въ особенности среднихъ и мелкихъ, *нѣкоторая доля опеки* надъ обѣими сторонами въ дѣятельности фабричной администраціи неизбѣжна пока для предупрежденія правонарушеній, весьма часто происходящихъ у насъ единственно отъ недоразумѣній, отъ непониманія законовъ и взаимныхъ правъ и обязанностей. Эта доля опеки должна заключаться главнѣйше въ *умственномъ и нравственномъ* содѣйствіи администраціи обѣимъ сторонамъ, а *не въ формальной регламентаціи* ихъ взаимныхъ отношеній и ихъ быта. Эта опека должна клониться къ постепенному, возможно большему сокращенію вторженія администраціи во внутренніе фабричные порядки и въ бытъ

рабочихъ, а не къ усиленію этого вторженія, какъ желаютъ иные.

При пересмотрѣ занимающихъ насъ новыхъ фабричныхъ законовъ, нужно было бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы подвергнуть пересмотру весь уставъ о промышленности фабричной и заводской. Весь этотъ уставъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нынѣ существуетъ и дѣйствуетъ въ общемъ составѣ Свода Законовъ (даже и въ изданіи Свода 1887 г.), заключая въ себѣ много узаконеній прошедшаго столѣтія, совершенно обветшалъ; многія вновь изданныя постановленія находятся въ прямомъ противурѣчіи съ нѣкоторыми статьями этого устава и все вообще его содержаніе отстало отъ условій промышленности новѣйшаго времени. Закономъ 3 Іюня о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы замѣнена глава 3-я Разд. II устава о промышленности фабричной и заводской Св. Зак. Т. XI (изд. 1879), *) какъ объ этомъ прямо выражено при обнародованіи этого закона. Правила 3 Іюня 1886 г., дѣйствующія въ губ. С.-Петербургской, Московской и Владимірской изданы въ видѣ приложенія къ этому уставу **). Но многія статьи и этого устава, и другихъ частей Свода Законовъ (главнѣйше X Т.), относящіяся къ тѣмъ-же предметамъ остались въ своей силѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ не соглашены и иныя находятся въ разногласіи съ упомянутыми новыми постановленіями (несмотря даже на новое изданіе XI Тома въ составѣ Св. Зак. 1887, которое появилось на дняхъ, въ то самое время, какъ мы пишемъ эти строки). Послѣднее замѣчаніе въ особенно сильной степени должно быть сдѣлано относительно правилъ 1886 г. о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и проч.,

*) Въ изданіи Св. Зак. 1887 г. эта 3 глава сдѣлалась *четвертою* того-же Раздѣла.

**) Въ изданіи Св. Зак. 1887 г. эти правила вошли въ составъ Устава о промышл. фабричн. и заводской, какъ отд. 5 гл. II. Разд. I и Отд. 3. Гл. IV. Разд. II.

распространенныхъ пока только на губерніи С.-Петербургскую, Московскую и Владимірскую (см. выше гл. III). Изо всего сказаннаго происходитъ много сбивчивости въ примѣненіи новыхъ фабричныхъ законовъ, въ судебныхъ разбирательствахъ по этой части, въ отношеніяхъ чиновъ фабричной инспекціи къ владѣльцамъ промышленныхъ заведеній и въ распоряженіяхъ первыхъ. Какія изъ прежнихъ узаконеній сохранили свою силу, и какія ее утратили, остается во многихъ случаяхъ весьма не яснымъ.

Но кромѣ новой кодификаціонной работы, которая должна привести въ порядокъ все наше фабричное законодательство и кромѣ указаннаго выше исправленія новыхъ фабричныхъ постановленій, оказывающихся неудобными на практикѣ, необходимо еще пополненіе нѣкоторыхъ въ немъ пробѣловъ. Уже давно *) и неоднократно былъ возбуждаемъ у насъ вопросъ о необходимости обновленія нашего фабричнаго законодательства, давно отставшаго отъ требованій промышленности.

Само собою разумѣется, что прежде всего должно быть въ точности опредѣлено самое *понятіе о фабрикахъ и заводахъ*, какъ особой категоріи промышленныхъ заведеній, къ которой примѣняются новыя постановленія, въ отличіе отъ другихъ, къ которымъ они не примѣняются. Объ этомъ мы достаточно говорили (см. гл. II). Упомянемъ здѣсь еще о двухъ пробѣлахъ нашего фабричнаго законодательства, находящихся въ тѣснѣйшей связи съ задачами новыхъ нашихъ фабричныхъ постановленій. Въ нихъ почти ничего не упомянуто о *санитарныхъ* условіяхъ въ промышленныхъ заведеніяхъ (напр. о вентиляціи, объ удаленіи нечистотъ и ядовитыхъ веществъ и проч.) и также

*) Около тридцати лѣтъ тому назадъ былъ составленъ особою Коммиссіей, при Министерствѣ Финансовъ (подъ предсѣдательствомъ А. Ѳ. Штакельберга), весьма тщательно занявшейся своимъ дѣломъ, проектъ новаго фабричнаго устава, оставшійся безъ послѣдствій.

объ охранѣ безопасности противъ разныхъ несчастныхъ случаевъ (напр. увѣчій рабочихъ отъ небрежнаго расположенія машинъ или тѣсноты, мѣръ предосторожности противъ огня, и проч.). Всѣ эти предметы заслуживаютъ для огражденія интересовъ рабочихъ гораздо болѣе вниманія нежели множество всякой безполезной мелочной реглементаціи отношеній хозяевъ къ рабочимъ, вкравшейся въ наши новыя фабричныя узаконенія; но этимъ предметамъ нужны многія опредѣлительныя законодательныя правила и надзоръ за точнымъ исполненіемъ ихъ весьма возможенъ для органовъ администраціи,—гораздо легче, чѣмъ ихъ вмѣшательство въ экономическія отношенія нанимателей къ нанимаемымъ. Между тѣмъ относительно санитарной части существуетъ въ новыхъ фабричныхъ постановленіяхъ только одно весьма неопредѣленное распоряженіе (ст. 40 Инструкціи Министра Финансовъ 1884 г. чинамъ фабричной инспекціи относительно малолѣтнихъ), что «окружные инспекторы и ихъ помощники обязаны, въ видахъ огражденія здоровья и жизни *малолѣтнихъ* рабочихъ, обращать вниманіе также и на устройство фабрикъ какъ въ санитарномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ». Относительно охраны безопасности имѣются только постановленія о паровыхъ машинахъ (Уст. о пром. фабричной, изд. 1887 г., Кн. I, Разд. II, Гл. 2), которыми далеко неограничиваются всѣ причины несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ.

Что касается до той части новаго фабричнаго законодательства, которая относится къ ограниченіямъ труда женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, то сверхъ исправленія нѣкоторыхъ частностей этихъ постановленій, указанныхъ нами выше (въ Гл. IV), нужно пріостановиться всякимъ *дальнѣйшимъ развитіемъ* упомянутыхъ ограниченій и законодательной дѣятельности по этой части. Этотъ общій выводъ изо всего нами сказаннаго по этой части (въ Гл. IV), ка-

жется достаточно мотивированъ всѣми изложенными нами соображеніями и наблюденіями (какъ въ Гл. IV, такъ и Гл. I).

Намъ остается наконецъ сказать нѣсколько заключительныхъ словъ о новыхъ исполнительныхъ органахъ по фабричной администраціи или о дѣятельности фабричной инспекціи. Желательное для пользы нашей промышленности и всѣхъ заинтересованныхъ въ ней сторонъ общее направленіе этой дѣятельности было достаточно выяснено въ теченіе всего настоящаго нашего труда. Какъ должно, по нашему убѣжденію, желать, чтобы во всемъ фабричномъ законодательствѣ, касающемся отношеній владѣльцевъ промышленныхъ заведеній и ихъ распорядителей къ рабочимъ господствовалъ характеръ по преимуществу репрессивный и карательный, а не превентивный и опекательный, также точно этого должно желать и относительно дѣйствій фабричной инспекціи. На нее все-таки слѣдуетъ смотрѣть какъ на *спеціальную отрасль государственной полиціи*, задача которой заключается въ охранѣ общества отъ правонарушеній, съ возможно меньшимъ стѣсненіемъ личной свободы и съ возможно меньшимъ вторженіемъ въ частную жизнь гражданъ. Всего менѣе должно смотрѣть на фабричную инспекцію, какъ на какой то новый органъ правительственной власти, призванный къ прямому экономическому улучшенію быта рабочаго класса (сверхъ косвеннаго улучшенія его посредствомъ охраны отъ правонарушеній другой стороны) и къ возвышенію уровня его благосостоянія матерьяльнаго и нравственнаго. Изъ подобнаго воззрѣнія на фабричную инспекцію, которому не чужды иные филантропы, могутъ возникать только самыя прискорбныя недоразумѣнія въ отношеніяхъ хозяевъ къ рабочимъ, неудовлетворимыя притязанія послѣднихъ и большія затрудненія для правительства.

Если будетъ безусловно устранено это послѣднее воз-

зрѣніе на фабричную инспекцію, если ея дѣятельность будетъ главнѣйше устремлена къ юридической охранѣ нанимателей и нанимаемыхъ противъ взаимныхъ ихъ правонарушеній и если новые законы подвергнутся указаннымъ нами исправленіямъ, вообще въ смыслѣ сокращенія вмѣшательства чиновъ инспекціи во внутренній бытъ рабочихъ и ихъ опеки надъ послѣдними, то ихъ дѣятельность значительно упростится и ихъ прямыя обязанности могутъ быть точнѣе и строже ими исполняемы. Тогда могутъ прекратиться ихъ постоянныя сѣтованія, наполняющія всѣ ихъ отчеты, на крайнюю затруднительность ихъ службы и на малочисленность ихъ личнаго состава. Иначе съ развитіемъ ихъ дѣятельности въ противуположномъ направленіи, пришлось бы увеличивать этотъ составъ и тѣмъ обременять, безъ нужды, государственное казначейство и плательщиковъ податей, т. е., промышленность и рабочій классъ.

Исполненіе обязанностей чиновъ фабричной инспекціи можетъ значительно облегчиться и съ величайшею пользою для дѣла, если они съумѣютъ найти для себя нравственную опору въ лучшихъ, образованныхъ и благонамѣренныхъ представителяхъ нашего фабрикантскаго міра, какихъ не мало, и сдружить ихъ съ своею дѣятельностью. Недовѣріе къ нимъ фабрикантскаго міра, будетъ всегда, при самыхъ возвышенныхъ ихъ намѣреніяхъ, служить наибольшею, ничѣмъ неотвратимою, помѣхою въ ихъ дѣятельности. Снискать это довѣріе должно быть одною изъ главныхъ ихъ заботъ. Первымъ вѣрнѣйшимъ къ этому средствомъ для фабричныхъ инспекторовъ было бы довѣріе къ лучшимъ представителямъ промышленности, которые, вслѣдствіе прискорбныхъ недоразумѣній, часто соединялись съ менѣе добросовѣстными фабрикантами въ борьбѣ противъ новыхъ порядковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не дорожить добрымъ нравственнымъ духомъ, который вообще водворился въ этой новой отрасли нашей администраціи и о которомъ мы уже гово-

рили (въ Гл. I). Желательно, чтобы этотъ духъ сохранился, чтобы при отсѣченіи всякихъ фанатическихъ стремленій къ дѣлу, какія иногда проявлялись и ему вредили, была убережена та любовь къ нему, которою вообще отличается личный составъ фабричной инспекціи. Эта любовь къ дѣлу, личный умственный интересъ къ нему, помимо всякаго формальнаго исполненія служебнаго долга, обусловливаютъ собою ту безукоризненную честность, которую признаютъ за этимъ личнымъ составомъ даже его недоброжелатели въ промышленномъ мірѣ. По этому желательно, чтобы это не всегда встрѣчающееся у насъ рвеніе къ дѣлу не остыло, какъ это у насъ нерѣдко случалось, и для этого всего болѣе необходимо, чтобы это рвеніе столько-же снискало къ себѣ уваженія со стороны высшихъ инстанцій, сколько необходимо, чтобы послѣднія воздерживали представителей новой администраціи отъ излишнихъ увлеченій, всего болѣе способствующихъ позднѣйшему охлажденію первоначальнаго жара. Личная любовь чиновъ фабричной инспекціи къ своему дѣлу между прочимъ произвела ихъ интересныя статистическія изслѣдованія, которыя пролили новый свѣтъ на нашъ фабричный бытъ. Желательно, чтобы эта часть ихъ дѣятельности возможно болѣе развивалась. Собранныя ими данныя должны послужить самымъ важнымъ матерьяломъ для будущихъ законодательныхъ распоряженій правительства.

Въ заключеніе, мы должны коснуться поднятаго вопроса о передачѣ фабричной инспекціи изъ Министерства Финансовъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и также о совершенной децентрализаціи учрежденія съ подчиненіемъ мѣстныхъ чиновъ фабричной инспекціи губернаторамъ. Какъ на причины для передачи фабричной инспекціи въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, указывалось на полицейскій характеръ этого учрежденія, совсѣмъ чуждый Министерству Финансовъ, и на пользу болѣе совмѣстныхъ, чѣмъ нынѣ,

дѣйствій фабричныхъ инспекторовъ съ общими полицейскими чинами, подъ руководствомъ губернскаго начальства.

Если бы въ составѣ нашего Министерства Финансовъ не находилась промышленная администрація (Департаментъ Торговли и Мануфактуръ), которая въ Зап. Европѣ составляетъ отдѣльную отрасль центральнаго управленія и которой, большею частью, подчинена фабричная инспекція, то не возможно было бы у насъ включеніе ея въ вѣдомство Министерства Финансовъ. Но при томъ значеніи, которое имѣютъ фабричныя постановленія, надзоръ за исполненіемъ которыхъ лежитъ на фабричныхъ инспекторахъ, для общаго хода промышленности, при непосредственномъ вліяніи на нее всѣхъ ихъ распоряженій и при совершенной неизбѣжности собираемыхъ ими наблюденій и свѣдѣній для соображеній и дѣйствій высшей промышленной администраціи (Департамента Торговли и Мануфактуръ) по всѣмъ ея частямъ, отторженіе фабричной инспекціи отъ Министерства Финансовъ представляется крайнѣ неудобнымъ. Для желательной, болѣе согласной съ общею полиціей дѣятельности фабричной инспекціи нѣкоторое большее, чѣмъ нынѣ, подчиненіе ея мѣстныхъ чиновъ губернскому начальству было бы полезно, но оно возможно и при удержаніи его въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ. Для противодѣйствія произвольнымъ дѣйствіямъ и злоупотребленіямъ въ сферѣ общей полиціи полезна отдѣльность отъ нея фабричной инспекціи; черезъ это устанавливается нѣкоторый взаимный контроль чиновъ этихъ двухъ отраслей мѣстной администраціи. Нѣкоторый полицейскій оттѣнокъ имѣетъ характеръ дѣятельности и другихъ органовъ мѣстной финансовой администраціи: податныхъ инспекторовъ и акцизныхъ чиновниковъ.

Полная децентрализація фабричной инспекціи, безусловное подчиненіе ея чиновъ губернскому начальству и упраздненіе Главнаго Фабричнаго Инспектора (или всякой высшей руководящей инстанціи въ кругу центральнаго государ-

ственнаго управленія) были бы вредны. Объединеніе исполненія фабричныхъ постановленій и дѣйствій фабричной инспекціи въ государствѣ посредствомъ центральнаго органа необходимо потому, что эта отрасль администраціи спеціяльная и даже техническая, и также потому, что мѣстное разнообразіе направленій этой администраціи создало бы для промышленности условія жизни разнородныя въ разныхъ краяхъ Россіи и невозможныя условія промышленной конкуренціи между ними. Переходъ-же фабричной инспекціи въ кругъ дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія (земскаго), объединяемаго посредствомъ судебной власти (у насъ Правительствующаго Сената), не возможно потому, что въ настоящее время не можетъ быть рѣчи о расширеніи компетенціи органовъ земскаго самоуправленія и они не имѣютъ у насъ всѣхъ прерогативъ правительственной власти. Сверхъ всего этого, съ упраздненіемъ всякой центральной инстанціи по фабричной инспекціи, прекратились бы отчеты ея чиновъ, въ которыхъ заключается обширный запасъ фактическаго матерьяла относительно промышленности и народнаго быта, нужный не только для науки, но и для правительственныхъ мѣропріятій.

Общій заключительный выводъ изо всего нашего труда истекаетъ самъ собою: нужно упорядоченіе настоящаго дѣла, съ сохраненіемъ его сущности, посредствомъ исправленныхъ новыхъ фабричныхъ постановленій, оказавшихся неудобными въ практическомъ примѣненіи и стѣснительными для промышленности, какъ для хозяевъ, такъ и для рабочихъ. При этомъ всего болѣе желательно упрощеніе этихъ постановленій и обязанностей фабричной инспекціи, съ сосредоточеніемъ и тѣхъ и другихъ на самыхъ главныхъ ихъ задачахъ. Упрощеніе дѣла фабричной инспекціи требуется уже одними нашими пространствами, недопускающими слож-

наго равномѣрнаго вездѣ надзора за фабриками. Черезъ упрощеніе, дѣятельность этой новой отрасли нашей администраціи всего болѣе войдетъ въ нормальную колею и утратитъ тотъ характеръ порывистости и теоретическихъ, филантропическихъ увлеченій, не признающихъ практическихъ условій промышленности и народнаго быта, который она отчасти получила у насъ и который былъ одною изъ причинъ, возбудившихъ раздраженіе въ фабричномъ мірѣ.

Нужно имѣть въ виду, что если это раздраженіе въ самое послѣднее время улеглось и объ немъ ничего не слышно, то главная тому причина заключается въ надеждахъ на пересмотръ и исправленіе новыхъ законовъ.

Безъ нравственнаго содѣйствія лучшихъ представителей фабрикантскаго міра, которые пока сторонятся отъ дѣла, исполненіе его задачъ, какъ въ этомъ сознаются сами чины фабричной инспекціи, сопряжено для нихъ съ крайними, почти непоборимыми затрудненіями. Это именно такого рода отрасль администраціи, которая всего болѣе нуждается въ добровольномъ ей содѣйствіи со стороны общественныхъ силъ. *)

Чтобы пріобрѣсти для себя это содѣйствіе фабрикантовъ, органы фабричной инспекціи должны прежде всего стать безусловно на нейтральную почву закона и его охраны между нанимателями и нанимаемыми. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣютъ передъ собою злоупотребленія и недобросовѣстность хозяевъ ко вреду рабочихъ, они должны стараться обращаться къ лучшимъ душевнымъ наклонностямъ первыхъ и пробуждать въ нихъ самодѣятельность къ исполненію закона. При русскомъ добродушіи, не чуждомъ и

*) Интересно, что эта самая мысль энергически высказана однимъ изъ главныхъ нашихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, бывшимъ фабричнымъ инспекторомъ Московскаго округа, *Проф. И. И. Янжуломъ*; см. заключеніе въ его статьѣ «Фабричный рабочій въ средней Россіи и Царствѣ Польскомъ» (Вѣстникъ Европы, 1888, февраль).

этой средѣ, это направленіе дѣятельности чиновъ фабричной инспекціи, можетъ быть часто весьма успѣшно,—во всякомъ случаѣ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ бюрократическій формализмъ, столь ненавистный нашему народу, и дѣйствія, руководимыя предвзятою мыслію о недобросовѣстности каждаго хозяина.

Дѣятельность новой отрасли правительственной власти должна быть направлена къ пресѣченію злоупотребленій столько-же со стороны нанимателей, какъ и нанимаемыхъ. Она должна вліять воспитательнымъ образомъ на дисциплину рабочихъ, въ которой они очень у насъ нуждаются и которая можетъ сильно пострадать, если между ними распространится мнѣніе, что чины фабричной инспекціи призваны только къ тому, чтобы ограждать ихъ отъ притѣсненій и обидъ со стороны хозяевъ,—быть какъ бы ихъ адвокатами.

Всего менѣе должна новая фабричная администрація задаваться мыслію объ улучшеніи быта рабочихъ и возвышеніи уровня его благосостоянія, посредствомъ дѣйствій, направленныхъ къ увеличенію вознагражденія за трудъ и заработковъ. Такія дѣйствія внушаютъ всего болѣе непріязнь фабрикантамъ, и она какъ нельзя болѣе справедлива; къ тому-же такія дѣйствія всегда останутся несостоятельными. Посреди возбужденія фабричныхъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, они могли бы искусственнымъ образомъ создать у насъ такъ называемый *рабочій вопросъ*, пока несуществующій въ Россіи.

Хотя польза новаго фабричнаго законодательства, ограждающаго рабочіе классы отъ злоупотребленій хозяевъ и ограничивающаго работу женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, и польза новыхъ органовъ власти, блюдущихъ за исполненіемъ этихъ законовъ и являющихся посредниками между нанимателями и нанимаемыми, всюду признаны въ Европѣ, и хотя въ западно-европейскихъ государствахъ было гораздо болѣе причинъ (волненія рабочихъ), вызвавшихъ эту правительственную дѣятельность, чѣмъ у насъ, но и тамъ здра-

вомысленные люди постоянно предостерегаютъ противъ излишнихъ увлеченій на этой почвѣ, и именно противъ мысли о возможности прямаго увеличенія благосостоянія рабочихъ классовъ посредствомъ этой дѣятельности. *)

Дѣйствительно крупныхъ осязательныхъ результатовъ новаго фабричнаго законодательства и фабричной инспекціи, ни по отношенію къ улучшенію быта рабочихъ, ни въ замиреніи ихъ распрей съ хозяевами, нигдѣ не замѣчено въ Европѣ. Всего любопытнѣе равнодушіе къ нимъ рабочихъ классовъ, смѣнившее первоначальное ихъ раздраженіе во многихъ краяхъ. Впрочемъ о дѣйствіи этихъ слишкомъ новыхъ законовъ еще рано судить, за исключеніемъ Англіи, гдѣ они зачались съ начала нынѣшняго столѣтія и постепенно вырабатывались до настоящаго времени. Хотя въ Англіи эти законы вполнѣ водворились въ жизни, они не имѣли однако рѣшающаго вліянія на бытъ рабочаго класса и на отношенія его къ нанимателямъ. Значительные успѣхи, сдѣланные Англіей какъ по улучшенію благосостоянія рабочаго класса, такъ и по сокращенію раздоровъ нанимателей съ нанимаемыми, были несравненно болѣе обусловлены другими причинами,—главнѣйше рабочими союзами и болѣе здравымъ пониманіемъ своихъ интересовъ съ обѣихъ сторонъ.

Какъ бы ни были полезны всѣ эти новые фабричные законы и надзоръ государства за отношеніями фабрикантовъ и рабочихъ, но должно всего менѣе терять изъ виду, что они безсильны къ устраненію самыхъ существенныхъ золъ, заключающихся въ новѣйшихъ формахъ фабричной промышленности (крупной и механической) для быта рабочихъ. Объ этомъ постоянно говорятъ всѣ занимавшіеся этимъ предметомъ. **) На облегченіе и возможное будущее исцѣ-

*) Ниже указаны сочиненія, въ которыхъ много говорится въ этомъ направленіи.

**) См. ниже въ примѣчаніи поименованныя нами иностранныя работы по этой части.

леніе этихъ золъ, и на прочное улучшеніе быта рабочихъ классовъ дѣйствуютъ другіе факторы государственной и общественной жизни: успѣхи умственнаго и нравственнаго развитія, какъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, капиталистовъ и всѣхъ ихъ должностныхъ лицъ, такъ и рабочихъ классовъ, болѣе разумное, болѣе дальновидное и болѣе гуманное пониманіе обѣими сторонами своихъ собственныхъ и чужихъ интересовъ (въ томъ числѣ болѣе воспитанныя чувства рабочихъ къ женскому полу и къ дѣтямъ), самодѣятельность и самопомощь рабочихъ, болѣе просвѣщенная организація ими своей домашней и общественной жизни; затѣмъ, большая производительность труда, съ успѣхами образованія рабочихъ общаго и техническаго и съ дальнѣйшими успѣхами промышленной техники, усиливающей производительность труда; улучшеніе всѣхъ вообще условій общественной жизни, наконецъ возрастаніе народнаго богатства, — однимъ словомъ, дальнѣйшее развитіе всѣхъ здоровыхъ элементовъ современной европейской промышленности и культуры и воздѣйствіе ихъ на больныя стороны послѣдней. На всѣ эти успѣхи государственные законы и правительственная власть могутъ имѣть только косвенное вліяніе, устраняя, на сколько это отъ нихъ зависитъ препятствія къ этимъ успѣхамъ, всего болѣе зависящихъ отъ *самодѣятельности* народа и его различныхъ общественныхъ классовъ.

Всего болѣе желательно, чтобы эта самодѣятельность была возможно болѣе поощряема и возможно менѣе усыпляема государственными мѣропріятіями. Такъ и въ настоящемъ случаѣ нельзя не желать, чтобы наши новые фабричные законы и ихъ исполнительные органы возможно менѣе парализовали личную добровольную дѣятельность фабрикантовъ на пользу рабочихъ и собственную заботливость послѣднихъ о нуждахъ своихъ и благѣ своихъ семействъ, и въ особенности, чтобы они возможно менѣе содѣйствовали развитію въ рабочемъ классѣ свойственной у насъ наклонности расчитывать

во всѣхъ нуждахъ на правительственную опеку и помощь. Къ этимъ мыслямъ клонилась вся настоящая наша работа и всѣ указанныя нами желательныя исправленія въ новѣйшихъ фабричныхъ постановленіяхъ. *)

---

*) Для подтвержденія правильности изложеннаго нами въ заключеніи взгляда весьма интересна вышеназванная статья *Профес. И. И. Янжула* «Фабричный рабочій въ средней Россіи и Царствѣ Польскомъ» (Вѣстн. Европы 1888, февраль). Авторъ, на основаніи личныхъ изслѣдованій въ промышленныхъ мѣстностяхъ привислянскаго края, доказываетъ, что тамъ бытъ фабричныхъ рабочихъ и ихъ отношенія къ фабрикантамъ гораздо лучше, чѣмъ въ подмосковномъ краѣ и средней Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объясняетъ, что это явленіе было уже ранѣе новыхъ нашихъ фабричныхъ узаконеній и объясняется болѣе сильнымъ умственнымъ развитіемъ фабрикантовъ и рабочихъ и ихъ болѣе зрѣлымъ пониманіемъ своихъ интересовъ, чѣмъ въ средней Россіи. Съ этимъ согласны и наши личныя наблюденія въ Лодзи въ 1883 г. (см. наши путевыя письма въ Рус. Вѣд. въ 1886 г.). Желающимъ ближе ознакомиться съ настоящимъ предметомъ, мы можемъ указать на слѣдующіе (кромѣ уже поименованныхъ) русскіе и иностранные труды, которыми мы пользовались: Труды Комиссіи, учрежденной Московскимъ Ген.-Губ. Кн. Долгорукимъ для осмотра фабрикъ и заводовъ, 6 частей, Москва 1880—1886 (Сборникъ русскихъ фабричныхъ законовъ и иностранное фабричное законодательство); Отчеты главнаго фабричнаго инспектора и фабричныхъ инспекторовъ; *Янжула*, Дѣтскій и женскій фабричный трудъ въ Англіи и Россіи; *Ходскаго*, Политическая экономія въ связи съ финансами, изд. 2-е, Спб. 1887 (глава VI); статья о фабричной инспекціи въ экономическомъ журналѣ Субботина 1887 г. № 4; статьи о фабричныхъ законахъ и инспекціи въ Русскихъ Вѣдомостяхъ за послѣдніе годы; *G. Schönberg*, Handbuch der Politischen Oeconomie, zweite Auflage, II B. 1886, XIX Gewerbe, 2 Theil; *P. Dehn*, Die deutsche Fabrikinspection (Zeit. für die gesammte Staatswissenschaft, 1882, 1. H.); статьи въ Jahrbücher für Nationalökonomie von Conrad, 1873 — 1887; *L. Elster*, Die Fabrikgesetzgebung und die Arbeiterschutzgesetzgebung in Deutschland; его-же, Amtliche Mittheilungen aus den Jahresberichten der mit Beaufsichtigung der Fabriken betrauten Beamten; *Adler*, Die Fabrikinspection, insbesondere in England u. Schweiz; *G. Cohn*, Die Durchführung des Schweizerischen Fabrikgesetzes; *G. Cohn*, Der Normalarbeitstag in der Schweiz; *Bayerdorf*, Die Jahresberichte der Fabrikinspection; *Scheel*, Die Fabrikgesetzgebung der Cantone der Schweiz; *A. Raffalovich*, La veritable portée des réformes sociales en Allemagne (Econ. Francais 1888); *P. Robiquet*, Les nouveaux projets de loi sur le travail des enfants (тамъ-же, 1887); *A. Thun*, Die Fabrikinspectoren in Deutschland, (Jahrbuch für Gesetzgebung im deutschen Reich, 1881); *Boyanowsky*, Die englischen Fabrik- u. Werkstättengesetze, Berlin, 1876; Berichte der K. K. Gewerbeinspectoren, Wien, 1885 — 1886.

Приложеніе II.

ОЧЕРКЪ УСЛОВІЙ БЛАГОСОСТОЯНІЯ И ЗАРАБОТКОВЪ СЕЛЬСКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ВЪ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

В. Г. ПИРОГОВА. *)

При экономическихъ условіяхъ, какія представляетъ Костромская губернія въ настоящее время, земледѣльческая промышленность не удовлетворяетъ насущныхъ потребностей населенія; продажа избытковъ земледѣльческаго труда составляетъ достояніе не многихъ мѣстностей края. Оттого, помимо земледѣлія, здѣсь существуетъ цѣлый рядъ другихъ промышленныхъ занятій, которыя въ большей или меньшей степени обезпечиваютъ матеріальныя средства жителей, составляя особенность той или другой части губерніи. Къ такимъ занятіямъ относятся: 1) работы на фабрикахъ и кустарная бумаго-ткацкая и полотняная промышленность, *въ югозападныхъ* уѣздахъ,—Костромскомъ, Нерехотскомъ, Кинешем-

---

*) Этотъ очеркъ составленъ для насъ, въ 1880 г., *В. Г. Пироговымъ*, членомъ-секретаремъ Костромскаго губернскаго статистическаго комитета, который извѣстенъ своими статистическими изслѣдованіями Костромской губ. При особенной добросовѣстности почтеннаго автора, этотъ трудъ вмѣстѣ съ тѣмъ дорогъ данными, лично имъ собранными или провѣренными. *В. Б.*

скомъ и Юрьевецкомъ; 2) отхожіе промыслы, *въ сѣверо-западной* группѣ уѣздовъ, — Галичскомъ, Чухломскомъ, Солигаличскомъ и Буйскомъ, и 3) лѣсные промыслы *въ восточныхъ* уѣздахъ, — Кологривскомъ, Макарьевскомъ, Ветлужскомъ и Варнавинскомъ.

Въ первой группѣ, юго-западной, замѣтно выдѣляются еще, по своему промышленному значенію и особенностямъ мѣстности: а) усиленнаго льноводства (около Костромы и Нерехты), и б) льноводства совпадающаго съ *усиленнымъ* развитіемъ фабричныхъ и кустарныхъ промысловъ (въ восточной части Нерехотскаго уѣзда). *)

До 1861 г., сѣверо-западные уѣзды представляли собою мѣстность преимущественнаго развитія помѣщичьихъ запашекъ и барщины и самыхъ значительныхъ оброковъ въ губерніи. Оброки эти доходили въ Солигаличскомъ и Чухломскомъ уѣздахъ до 30, 40 и 50 руб. съ тягла. Положеніе 19 февраля не принесло нигдѣ такой отрады, какъ въ этой полосѣ губ.; подъемъ благосостоянія населенія представляется здѣсь наибольшимъ.

Доказательствомъ нашей послѣдней мысли могутъ служить: а) массы земель, купленныхъ здѣсь крестьянами **); б) наимень-

---

*) Дѣленіе губерніи, въ промышленномъ отношеніи, можетъ быть сдѣлано не по уѣздамъ, а *по полосамъ*. Полосы эти слѣдующія: I) *отхожихъ промысловъ*, — уѣзды Галичскій и Чухломскій, большая часть Солигаличскаго, южная и сѣверо-восточная части Буйскаго, юго-западная Кологривскаго и сѣверо-западная Макарьевскаго; II) *лѣсныхъ промысловъ* — значительнѣйшая часть уѣздовъ Кологривскаго, Макарьевскаго, Варнавинскаго, Ветлужскаго и край Солигаличскаго и Буйскаго; III) *фабрично-заводской и кустарной промышленности* — край губерніи по правому берегу Волги, со включеніемъ по лѣвому берегу двухъ небольшихъ частей Костромскаго уѣзда (около г. Костромы и с. Краснаго); IV) *хлѣбопашества*, — отдѣльныя мѣстности въ уѣздахъ Буйскомъ, Кологривскомъ (по р. Межѣ), Ветлужскомъ, Варнавинскомъ, Костромскомъ и Кинешемскомъ; V) *льноводства* — полоса, выдѣляющаяся двумя пространствами въ приволжскихъ уѣздахъ, среди полосъ III и IV, и частью II.

**) См. поземельный списокъ Костромской губ., представленный въ центральный статистическій Комитетъ Костромскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, въ 1879 г.

шее накопленіе недоимокъ; по имѣющимся свѣдѣніямъ, оно представляло въ этой мѣстности, къ началу 1876 г., по окладнымъ государственнымъ доходамъ 0,9% и по оброчнымъ платежамъ 15,1% окладной суммы; между тѣмъ въ юго-западной группѣ уѣздовъ, соотвѣтствующія процентныя отношенія были 3,8 и 27,3 и въ восточной 31,7 и 97,1%; *) в) непосредственныя личныя наблюденія по этой мѣстности (см. ниже).

Болѣе или менѣе замѣтное возрастаніе уровня благосостоянія населенія наблюдается также въ мѣстности усиленнаго льноводства и также тамъ, гдѣ кустарные и фабричные промыслы существуютъ вмѣстѣ съ льноводствомъ.

Понизился экономическій уровень въ мѣстностяхъ фабричной и, особенно, лѣсной промышленности. Недоимки окладныхъ доходовъ представляются здѣсь самыми значительными. Въ Кинешемскомъ уѣздѣ, отличающемся наибольшимъ развитіемъ фабрикъ, недоимки достигали къ 1879 г. 12,9% и къ 1880 г. 13,6%; въ восточныхъ уѣздахъ, — какъ замѣчено ранѣе,— 47,7 и 46,7% оклада.

Въ лѣсныхъ уѣздахъ, на упадокъ экономическаго положенія крестьянъ имѣли вліяніе: а) рядъ, одинъ за другимъ слѣдовавшихъ, неурожаевъ и падежей скота и б) усиленная эксплуатація лѣсныхъ пространствъ, какъ самими лѣсовладѣльцами, такъ и лѣсопромышленниками. При хищническомъ характерѣ лѣснаго дѣла, часто случалось здѣсь въ послѣдніе годы, что количество выплавленнаго по рр. Унжѣ и Ветлугѣ лѣса превышало спросъ; цѣны на лѣсъ стояли низкія, и часть лѣса оставалась или совсѣмъ непроданною на пристаняхъ, или отдавалась въ кредитъ на долгіе сроки. Оттого

*) *Къ началу 1879 г.* процентъ недоимокъ по окладнымъ государственнымъ доходамъ былъ въ юго-западныхъ уѣздахъ 4,6, въ сѣверо-западныхъ 2,0, въ восточныхъ; и *къ началу 1880 г.* въ юго-западныхъ 4,3, въ сѣверо-западныхъ 3,2 и въ восточныхъ 46,7.

крестьяне, — большинство которыхъ работаетъ всегда «исполу» (или изъ другой извѣстной доли), а не за деньги,—возвращались каждый разъ съ ничтожными заработками.

Такіе *лѣсопромышленные кризисы*, повторяются здѣсь нерѣдко, и, раззоряя крестьянъ, даютъ себя чувствовать лѣсопромышленникамъ на столько, что вынуждаютъ сокращать, чуть не вдвое, дальнѣйшія лѣсныя заготовки, что отражается опять крайне невыгодно на рабочихъ.

Къ тѣмъ же приблизительно выводамъ относительно *достатка* населенія, приводятъ данныя объ обезпеченіи хлѣбомъ населенія, собранныя мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ черезъ сельское духовенство каждаго прихода.

Край, болѣе обезпеченный хлѣбомъ, представляетъ полоса отхожихъ промысловъ, и затѣмъ тѣ отдѣльныя части губерніи, населеніе которыхъ занимается по преимуществу хлѣбопашествомъ.

Мѣстность *съ недостаткомъ* хлѣба, на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ въ теченіе года, составляетъ почти вся лѣсная полоса губерніи, и, затѣмъ, недостатокъ хлѣба на 4—8 мѣсяцевъ оказывается въ четырехъ юго-западныхъ уѣздахъ (за небольшими исключеніями), гдѣ развита главнымъ образомъ фабричная и кустарная промышленность. *)

Что касается полосы льноводства, то лишь въ немногихъ частяхъ своихъ она заключаетъ мѣстности, имѣющія продовольствіе достаточное. Въ мѣстностяхъ этихъ, на сколько извѣстно, населеніе имѣетъ нужное количество собственныхъ или кортомныхъ луговъ по (рр. Костромѣ, Андобѣ и друг.).

Въ остальныхъ частяхъ той же полосы, гдѣ мало луговыхъ пространствъ, вліяніе льняныхъ посѣвовъ на хлѣбопа-

*) Причины, обусловливающія относительное значеніе различныхъ промысловъ для земледѣлія, указаны въ «Очеркахъ промышленности Костр. губ.», изд. губ. стат. Комитетомъ (стр. 16—18).

шество оказывается невыгоднымъ. Льноводство, по наблюденіямъ хозяевъ, требуетъ усиленнаго удобренія, или, другими словами, для содержанія скота, достаточнаго количества луговъ и корма; иначе оно истощаетъ землю и понижаетъ урожаи хлѣба. При недостаткѣ луговъ, бѣдность въ кормовыхъ средствахъ становится неизбѣжной тѣмъ болѣе, что ленъ вытѣсняетъ собой *яровые хльба*, составляющіе также важный источникъ корма для скота въ здѣшнихъ хозяйствахъ.

Послѣ этого общаго очерка Костромской губерніи, мы изложимъ болѣе подробныя свѣдѣнія, по нѣкоторымъ отдѣльнымъ ея мѣстностямъ и волостямъ, объ условіяхъ благосостоянія и заработкахъ сельскаго народонаселенія.

Ѳедоровская волость (Нерехотскаго уѣзда), — мѣстность усиливающагося льноводства. Ленъ служитъ здѣсь главнымъ источникомъ обезпеченія крестьянскаго населенія.

Двадцать лѣтъ назадъ крестьяне сѣяли льняное сѣмя почти только для себя, — мѣры 2 — 3, и не больше 5-ти; теперь послѣдній крестьянинъ высѣваетъ 7, 8, 9 мѣръ, многосемейные же, болѣе зажиточные крестьяне — отъ 15 до 20 мѣръ. Ближайшей причиной развитія льноводства служитъ постепенное повышеніе цѣнъ на ленъ. 20 лѣтъ назадъ ленъ продавался отъ 2 до 3 руб. за пудъ; пять лѣтъ назадъ — отъ 3 до $4^1/_2$ руб.; теперь (1879—1880 гг.) плохой ленъ продается по 5 руб. за пудъ, цѣна же хорошаго доходитъ до 7 и болѣе рублей. Въ свою очередь, повышеніе цѣнъ льна зависѣло отъ возрастанія числа льнопрядильныхъ фабрикъ и большаго требованія на ленъ за границу.

Кромѣ льна, поступаютъ въ продажу отсюда, въ небольшомъ количествѣ, рогатый скотъ, льняное сѣмя и холстъ. Цѣны на нихъ значительно поднялись въ 20 по слѣднихъ лѣтъ (до 1879); также какъ на всѣ предметы потребленія и на трудъ. Въ доказательство приводимъ слѣдующія данныя:

Цѣны:	1861 г.	1875 г.	1879 г.
хорошей коровы . . .	18—20 р.	25—30 р.	35—40 р.
овцы съ 2 ягненками .	3—4 р.	4—5 р.	6—7 р.
льняного сѣмени . . .	3 р. кадь *)	4 р.	5 р.—и болѣе
холста	1 р. 80 к.	2 р.	2 р. 30 к. (за новину)
на ржаной хлѣбъ. . .	45 к. пудъ.	60 к.	80 к.—и болѣе.
» ячмень	25—30 к.	45 к.	55 к.
» овесъ	20 к. мѣра.	30 к.	40 к.
» лѣсъ	50 р. десятина.	150 р.	200 р.
» тесъ	3 р. кряжъ.	5 р.	6 р.
» дрова березовыя . .	2 р. сажень.	3 р.	4 р. и болѣе.
» » осиновыя . .	75 к. »	2 р.	2 р. 50 к.
» лошадей	30—40 р.	50—60 р.	70—80 р.
» обувь кожаную . .	2 р. пара сапогъ	4½ р.	5—6 р.
» » валеную. . .	1 р. » »	2 р.	2 р. 50 к.
Работникамъ въ лѣтнее время	30 р.	40 р.	65 р.
Работницамъ лѣтомъ .	10 р. (за все *лѣто*).	20 р.	25—30 р.
» зимою. .	1 р. въ *мѣсяцъ*.	1½ р.	2 р. и болѣе.
Поденная плата на отхожихъ промыслахъ **) . .	20—25 к.	50 к.	70 к.
за извозъ	3 к. съ пуда.	5 к.	7, 8 и 9 к.

Общій уровень благосостоянія сельскаго населенія поднялся въ 20 послѣднихъ лѣтъ (до 1879), но въ незначительной степени; такъ что, при внимательномъ только наблюденіи, можно замѣтить нѣкоторые признаки возрастающаго благосостоянія.

Теперь крестьяне какъ-бы свѣтлѣе смотрятъ на окружающія ихъ явленія природы и стали менѣе суевѣрны. Вѣра въ порчу, колдовство и заговоры почти исчезла вовсе; знахари и колдуны перевелись, ***) въ болѣзняхъ обращаются уже къ врачамъ, а не къ знахарямъ. Нравы крестьянъ стали мягче, семейныя отношенія нѣсколько гуманнѣе; нѣтъ той грубости,

*) Кадь — мѣстная мѣра въ 3 четверика.

**) Относя къ нимъ работы на льнопрядильныхъ фабрикахъ въ Костромѣ, Ярославлѣ и пос. Пучежѣ.

***) Прежде, среди здѣшняго населенія, было три знахаря и столько же колдуновъ.

деспотизма и варварства въ отношеніяхъ мужей къ женамъ и родителей къ дѣтямъ; кулачное право ослабѣло, если не совсѣмъ еще прекратилось. Зато усилились несомнѣнно: неуваженіе къ старшимъ, пьянство, разгулъ молодежи.

Почти всѣ крестьяне сознали пользу грамотности. Но они не считаютъ еще нужнымъ заботиться объ основательномъ образованіи, находя достаточнымъ, если дѣти ихъ научились чтенію и письму, въ возможно короткій срокъ. Оттого крестьяне и предпочитаютъ иногда частныхъ грамотѣевъ школѣ. Стала видна заботливость объ опрятности и удобствахъ жилищъ и о чистотѣ одежды. Крестьянскія избы прежде большею частію были мрачныя, грязныя, тѣсныя и нерѣдко безъ дымовыхъ трубъ; зимою въ нихъ кормили скотъ. Теперь жилища строятъ болѣе свѣтлыя и просторныя и наблюдаютъ нѣкоторую опрятность, по крайней мѣрѣ въ праздники; курныхъ избъ не осталось вовсе; для скота строятъ теперь отдѣльныя избы. Зимой горницы освѣщаютъ керосиновыми лампами; для уничтоженія сырости покупаютъ желѣзныя печи. Молодой людъ одѣвается болѣе прилично; обувь домашняго приготовленія изъ льнянаго отрепья замѣняютъ валеной и кожаной. Многіе крестьяне завели самовары и пьютъ чай, чего 20 лѣтъ назадъ не было. Иные крестьяне проживающіе на фабрикахъ и получившій образованіе въ Нерехотскомъ городскомъ училищѣ, выписываетъ газету.

Неблагопріятныя условія—недостатокъ земли пахатной и сѣнокосной, почти совершенное неимѣніе лѣсной и отсутствіе въ массѣ крестьянъ достаточнаго образованія. Хотя молодой народъ уходитъ по зимамъ на фабрики, въ города Кострому и Ярославль, по, служа тамъ въ чернорабочихъ и вращаясь въ столь же невѣжественной средѣ, не только не пріобрѣтаетъ ничего для нравственнаго своего развитія, но получаетъ еще дурныя привычки и наклонности и нерѣдко теряетъ здоровье. Работая въ холодныхъ сараяхъ, на фабрикахъ получаютъ часто простуду; пыль же отъ льна, вдыхаемая въ огромномъ

количествѣ, бываетъ причиной легочной чахотки. Вообще дурное вліяніе на фабричныхъ производятъ удушливый и смрадный воздухъ, несвоевременный сонъ, заимствованіе дурныхъ привычекъ.

Оделевская и Новинская волости (Нерехотскаго уѣзда). — Раіонъ этихъ волостей лежитъ между торговыми селами Острецовымъ, Середой и Яковлевскимъ, изъ которыхъ, въ двухъ послѣднихъ, находятся миткалевыя и полотняныя фабрики купцовъ Скворцова, Горбуновыхъ, Сидорова и др. Мѣстность — фабричная и кустарныхъ промысловъ (ткачество миткалей и полотенъ), — съ значительнымъ развитіемъ льноводства.

Ткачествомъ занимались прежде на домахъ; но, съ появленіемъ и развитіемъ фабричнаго производства, большинство стало уходить на фабрики. Уходятъ какъ мужчины, такъ и женщины, не исключая дѣтей, которыя участвуютъ въ размоткѣ пряжи.

Съ 1861 г. количество сельскохозяйственныхъ произведеній въ краѣ, — ржи и ячменя, — постепенно уменьшалось, производство-же льна увеличивалось. Причина этому — появленіе фабрикъ, вызвавшихъ спросъ на ленъ; какъ продуктъ болѣе доходный, его стали сѣять въ большомъ количествѣ, въ ущербъ посѣвамъ ячменя и ржи. Независимо отъ этого, урожаи хлѣба постепенно уменьшались еще по слѣдующимъ причинамъ: съ развитіемъ промышленности, крестьяне увидѣли возможность болѣе легкой наживы, и лучшія силы направились на фабрики; земледѣліе же отошло на задній планъ. Оттого стало случаться, что полоса поздно вспахана, не во время взборонена, пропущенъ день посѣва, и въ результатѣ получился скудный урожай. Для остававшихся дома стариковъ и женщинъ сдѣлался невозможнымъ надлежащій уходъ за такимъ количествомъ скота, какое нужно для удобренія полей. Съ уменьшеніемъ же скотоводства, стала еще замѣтнѣе сокращаться производительность почвы. Фабрики сдѣлались тормазомъ для земледѣльческой промышленности.

Въ пять послѣднихъ лѣтъ,—съ расширеніемъ фабрикъ и усиленнымъ спросамъ на ленъ,—производство послѣдняго возрасло приблизительно на половину; производство же ржи и ячменя, соотвѣтственно этому, сократилось на $^1/_6$ часть.

Промыслы крестьянъ за тотъ же періодъ времени подверглись разнымъ измѣненіямъ. Въ 1876 и 1877 годахъ заработки крестьянъ упали, потому что фабриканты и коммисіонеры ихъ, удерживаясь отъ риска въ военное время, значительно сократили производство и, при излишкѣ рабочихъ, понизили плату. Тѣ же обстоятельства дали возможность имъ эксплуатировать рабочихъ усиленными штрафами. Оттого, одни изъ крестьянъ остались безъ работы; другіе же, болѣе зажиточные, не хотѣли работать сами. «Лучше», говорили они, «проспать на себя, чѣмъ безъ толку работать на другихъ». Съ 1878 года промышленность оживилась снова. Фабриканты усилили производство, число коммисіонеровъ увеличилось, задѣльная плата поднялась, и раздача пряжи открылась безостановочно для всѣхъ желавшихъ работать; въ концѣ концовъ, заработки поднялись въ такой же степени, въ какой упали раньше. Сбытъ льна, съ поднятіемъ фабричнаго дѣла, также значительно оживился.

Общій уровень благосостоянія населенія представляетъ здѣсь замѣтный подъемъ къ лучшему. Унаслѣдованная крестьянами отъ крѣпостнаго права бѣдность какъ-бы потеряла свою силу. Въ былое время, жилища крестьянъ имѣли жалкій видъ: у одного на-боку изба, у другаго провалился дворъ, у третьяго сарай съ раскрытой крышей и т. под. Теперь почти всѣ ветхія лачуги замѣнились порядочными избами, плетневые дворы и сараи — постройками изъ бревенъ. Прежде крестьяне довольствовались самой грубой пищей, почти не знали пирушекъ, о разгулѣ и не думали; теперь справляютъ продолжительные, дорого стоющіе праздники и при всякомъ удобномъ случаѣ (часто въ рабочую пору), позволяютъ себѣ долгіе прогулы. Въ крѣпостное время, для мужика были роскошью

простыя деревенскія пошевни: теперь лакированныя выѣздныя санки и нарядная сбруя встрѣчаются нерѣдко. Крестьянинъ довольствовался сѣрымъ армякомъ, а дубленый полушубокъ былъ достояніемъ немногихъ; теперь всѣ любятъ пощеголять и такъ или иначе находятъ возможнымъ удовлетворять этой потребности. Затѣмъ, многія селенія и отдѣльныя лица пріобрѣли покупкой значительное количество земли. Встрѣчаются, конечно, и рѣзкія исключенія изъ этого; именно есть цѣлыя деревни, гдѣ вслѣдствіе особенныхъ злоупотребленій свободой и разныхъ случайностей, положеніе крестьянъ крайне неудовлетворительно.

Уровень умственнаго развитія представляетъ пока немного утѣшительнаго; грамотность подвигается медленно. Нравственное же состояніе населенія прямо поражаетъ своимъ упадкомъ. Пороки,—пьянство, бранчивость, мелкое воровство, развратъ, взаимныя обиды, драки и проч.—не только извиняются, но и считаются чуть не похвальнымъ дѣломъ. Въ частности, фабрики служатъ источникомъ порчи нравовъ, а также и тормазомъ грамотности. Чтобы не потерять заработковъ, получаемыхъ дѣтьми на фабрикахъ и дома, крестьяне не такъ охотно отдаютъ дѣтей въ училища.

Развитію благосостоянія содѣйствуютъ вообще слѣдующія условія: 1) крестьяне имѣютъ здѣсь достаточное количество земли съ такою почвою, надъ которой можно смѣло трудиться, не рискуя быть обманутымъ; не смотря на плохое удобреніе, средній урожай ржи въ мѣстности — самъ 5 и ячменя—самъ $5^1/_2$; 2) спросъ на сельскохозяйственныя произведенія, при близости торговыхъ селъ и фабрикъ, всегда значительный; 3) населеніе пользуется возможностью имѣть постоянные заработки на фабрикахъ и дома, занимаясь ткачествомъ.

Главное неблагопріятное условіе для крестьянскаго быта,—это распущенность и пьянство. Ни одна сходка не обходится безъ выпивки; на каждой сходкѣ придумываютъ раз-

ные поводы къ обвиненію кого-либо, и каждая вина смывается непремѣнно водкой. Во время попоекъ, заводятся ссоры и драки, и вотъ новая вина и новая выпивка, затѣмъ новая драка, и опять мировая; случается, что цѣлыя селенія прогуливаютъ по нѣскольку дней сряду, въ рабочее лѣтнее время. Тоже зло и у рабочихъ на фабрикахъ. По окончаніи смѣны, — при получкѣ денегъ, — составляется всегда компанія гулякъ, къ услугамъ которой устроены около фабрикъ питейные дома и трактиры. Въ этихъ заведеніяхъ рабочіе прогуливаютъ не только нужныя деньги, но и рабочее время, подвергаясь значительнымъ вычетамъ.

Независимо отъ вычетовъ за прогулы, рабочіе подвергаются эксплуатаціи хозяевъ посредствомъ устраиваемыхъ при фабрикахъ лавочекъ, гдѣ продаются не только чай, сахаръ, свѣчи и проч., но и предметы роскоши (наряды и лакомство), невольно приманивающіе рабочихъ. Выдача производится здѣсь по книжкамъ, чтобъ не оплачивать заработковъ наличными деньгами и, очевидно, разсчеты ведутся не въ пользу рабочихъ.

Еще невыгодное обстоятельство одно: фабрики работаютъ безостановочно, и изъ рабочихъ бываютъ у дѣла одни день, другіе ночь. При этомъ, вмѣсто неявившихся во-время гулякъ, товарищи ихъ работаютъ безсмѣнно, иногда два, три дня сряду, что гибельно отзывается на здоровьѣ рабочихъ, и безъ того уже разшатанномъ.

Условій хозяевъ съ рабочими, получающими работу на домъ, не бываетъ *). Въ частности, не дѣлается договора и относительно задѣльной платы, которую хозяева назначаютъ сами по окончаніи работъ, или, по крайней мѣрѣ, не прежде января мѣсяца. Вслѣдствіе этого, ткачи, не надѣясь полу-

*) Все это написано до изданія новыхъ фабричныхъ законовъ, которые измѣнили къ лучшему отношенія хозяевъ къ рабочимъ, опредѣливъ юридическія нормы этихъ отношеній. *В. Б.*

чить должное вознагражденіе за трудъ, не всегда чисты на руку; потому и отношенія хозяевъ къ нимъ болѣе, чѣмъ небезукоризненны. Иногда и честные ткачи, — въ силу привычки хозяевъ и прикащиковъ сомнѣваться въ добросовѣстности и задавать страхъ каждому, — вынуждены бываютъ выслушивать всевозможную брань и нести незаслуженные вычеты. О дѣйствительно виноватыхъ, мы и не говоримъ уже. Бывали случаи, что весь мѣсячный заработокъ ткача удерживался въ видѣ штрафа. Вообще отсутствіе условій между рабочими и хозяевами служитъ для первыхъ поводомъ къ мелкому воровству; послѣднимъ же даетъ просторъ къ всевозможной эксплуатаціи.

Рабочіе, поступающіе непосредственно на фабрики, за извѣстную плату, — вмѣсто всякихъ условій, — получаютъ книжку, на одной сторонѣ которой пишется заработокъ, а на другой плата наличными деньгами, харчами, штрафами и проч. Съ этой-то книжкой рабочіе и разгуливаютъ по трактирамъ, кабакамъ и лавкамъ, гдѣ, смотря по заработку и полученной уже платѣ, пользуются кредитомъ. Не рѣдко случается при этомъ, что чистый денежный остатокъ по книжкѣ, слѣдующій къ полученію рабочимъ, равняется нулю; такъ какъ одна часть заработка осталась въ трактирахъ и кабакахъ, на другую взяты предметы излишества, и часть поступила въ штрафы.

Нельзя не пожелать поэтому, чтобы число трактировъ и питейныхъ заведеній около фабрикъ было сокращено по возможности. Желательно также, чтобъ фабриканты не принимали дѣтей на фабрики ранѣе 14-ти лѣтняго возраста, и работы производились мужчинами и женщинами порознь, или въ разныя смѣны. Тогда родители имѣли бы меньше поводовъ лишать дѣтей обученія грамотѣ, а молодежь не такъ беззазорно относилась бы другъ къ другу.

Ширяихская, Горковская и Горкинская волости (Нерехотскаго уѣзда), — мѣстность кустарныхъ промысловъ и работъ на фабрикахъ.

Въ послѣднія 20 лѣтъ, ручное ткачество миткалей (до 1879), здѣсь значительно сократилось, вслѣдствіе развитія механическаго производства сосѣднихъ фабрикъ. Въ пять послѣднихъ лѣтъ (до 1879), промыселъ ткачества подвергся рѣзкимъ колебаніямъ. Плата за основу, доходившая 15 или 20 лѣтъ назадъ до 2 руб. 50 коп. и даже до 3 руб., понизилась до 1 рубля, а передъ войной 1877 г. и во время ея до 80 к. Съ 1878 г. работы оживились, и плата за тканье основы поднялась до 1 руб. 40 коп., работавшіе же миткаль изъ собственной, а не «хозяйской» пряжи получали прибыли съ основы до 3 руб. Ближайшую причину возвышенія цѣнъ составлялъ удачный сбытъ товаровъ на ярмаркахъ Нижегородской, Ростовской и др.; къ тому же и заготовка товара, при предшествовавшихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, была относительно небольшая. Въ 1879 году работы шли безостановочно, хотя и не съ большимъ повышеніемъ цѣны, такъ что позднѣйшая плата съ основы, въ 550 зубовъ или шестисотной, не превышала 1 руб. 20 коп.

Уровень благосостоянія крестьянъ въ 20 лѣтъ здѣсь замѣтно понизился; такъ какъ усилившіяся работы на фабрикахъ обезпечиваютъ рабочихъ менѣе, чѣмъ домашній трудъ, доставлявшій ткачамъ относительно большія выгоды. Доказать это могутъ слѣдующія соображенія. Если въ прежнее время домохозяинъ имѣлъ въ семьѣ 3 стана, — въ мѣсяцъ на нихъ сработывалось 6 основъ и, по средней цѣнѣ, получалось отъ 10 до 12 руб. Деньги получались и расходовались черезъ руки одного домохозяина; лишнихъ расходовъ на квартиру, верхнее платье и обувь не было. Пища семьи, — хлѣбъ и приварокъ, — была общая и притомъ полученная отъ собственнаго хозяйства; изъ заработанныхъ денегъ оставалось купить соль, уплатить повинности, и, смотря по остатку, завести одежду и обувь, или, въ концѣ зимы, запастись хлѣбомъ, на случай недостатка. Кромѣ того, при занятіи промысломъ на дому, каждый членъ семьи имѣлъ возможность

отдѣлять часъ или два времени для ухода за домашнимъ скотомъ; оттого и скота было больше, онъ содержался лучше и земледѣліе шло успѣшнѣе. При распоряженіи-же хозяйствомъ одного лица, объ оброчныхъ недоимкахъ не было и помину.

Не то въ настоящее время: каждый членъ семьи, перешедшій на фабрику, заработываетъ почти столько-же, сколько заработывали дома всѣ 3 лица, при 3-хъ станкахъ, т. е. отъ 10—12 руб. въ мѣсяцъ. Деньги каждый рабочій получаетъ и расходуетъ самъ; причемъ необходимые расходы его могутъ быть приняты слѣдующіе:

за квартиру платитъ каждый .	1	руб.
за хлѣбъ и харчи.	3	»
на верхнее платье, рубахи и обувь.	3	» *)
на чай и сахаръ	1	»
на мелочи около	1	»
Итого до . . .	9	руб.

Остальные 3 рубля изъ заработка 12 руб. легко уходятъ на прогулъ въ питейныхъ домахъ и трактирахъ,—во время дачьки или праздниковъ. При строгомъ же воздержаніи отъ мотовства, свободные отъ расходовъ 2—3 руб. употребляются всего чаще на наряды. Отсюда видно, сколько получитъ хозяинъ дома отъ своихъ промышленниковъ,—для поддержанія хозяйства и уплаты денежныхъ повинностей. Несравненно болѣе помогаютъ дѣти и подростки, отъ 14 до 18 лѣтъ,—еще не выбившіеся изъ подъ отцовской власти и доставляющіе въ домъ отъ 3 до 5 руб. въ мѣсяцъ.

При названныхъ условіяхъ, жизнь фабричниковъ вообще

*) Въ 6 мѣсяцевъ, съ осени до весны, фабричники обыкновенно расходуютъ на обувь и платье отъ 15 до 20 руб.

привольная,—въ ней замѣчаются щегольство, страсть къ нарядамъ, склонность къ разгулу; но вмѣстѣ съ тѣмъ и охлажденіе къ тому тяжелому труду, которымъ только и можетъ держаться земледѣльческое хозяйство. Потому, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, жилища крестьянъ похожи на раззоренныя гнѣзда,—стоятъ безъ дворовъ или безъ задней пристройки, отломанныхъ и проданныхъ на покрытіе недоимокъ. Количество скота далеко недостаточное для удобренія земли; пища крестьянъ скудная; денежныя повинности никогда не выплачиваются вполнѣ и выбиваются, въ большей части случаевъ, съ трудомъ.

Съ расширеніемъ фабричнаго производства и закупкой капиталистами почти всѣхъ мѣстныхъ лѣсовъ, послѣдніе истреблены на столько, что крестьянамъ приходится ѣздить за 7 и за 10 верстъ за сучьями или хворостомъ на отопленіе,— не говоря уже о матеріалахъ для построекъ. Между тѣмъ 10 или 15 лѣтъ назадъ тысячи десятинъ строеваго лѣса были подъ руками въ нашемъ краѣ, и цѣнность не только отопленія, но и построекъ не стоила и половины, сравнительно съ настоящимъ временемъ.

Промышленники (хозяева), раздающіе на домъ основы для миткалей, также какъ и крупные фабриканты, до конца зимы не объявляютъ цѣнъ за работу. Сами ткачи, не имѣя въ виду другихъ занятій, обыкновенно не спрашиваютъ о цѣнѣ и, въ концѣ концовъ, получаютъ плату, назначаемую произвольно, или по примѣру фабрикантовъ; послѣдніе же, назначая цѣны, соображаются будто-бы съ положеніемъ рынка, спросомъ на товаръ и проч.

На самыхъ фабрикахъ рабочіе получаютъ плату съ куска, или штуки; заработокъ этотъ выдается по книжкамъ, гдѣ отмѣчается количество сработанныхъ кусковъ, и затѣмъ штрафы за неисправную работу и прогулы. Обезпечивая самихъ рабочихъ, фабричные заработки могли бы поддерживать и ихъ домашній бытъ, если бы треть, а иногда и по-

ловина полученныхъ денегъ не шла на расплату съ сосѣдними трактирами и кабаками. Послѣдніе всегда устраиваются при фабрикахъ, если не самими фабрикантами, то, по сдѣлкѣ съ ними, сторонними лицами.

Приходъ села Рыльева, Галичскаго уѣзда, — мѣстность отхожихъ промысловъ. — Часто случается слышать, что прежде крестьяне и дворовые люди жили веселѣе и лучше, что прежде крестьянъ, неимѣвшихъ лошадей («безкобыльниковъ») не было, что поборовъ было менѣе. Причина такихъ отзывовъ понятна: сберетъ бывало помѣщикъ, по окончаніи полевыхъ работъ, или въ годовой праздникъ, своихъ крестьянъ, выкатитъ имъ пива и вина, угоститъ ихъ хлѣбомъ—солью, и преданіе объ этомъ праздникѣ остается до сихъ поръ; о томъ же, что подобный праздникъ бывалъ одинъ или два раза въ годъ обыкновенно забываютъ. Что не было «безкобыльниковъ» совершенная правда. Помѣщикъ наблюдалъ, чтобы каждый домохозяинъ имѣлъ лошадь, и часто давалъ свою, часто прощалъ за нее плату; но вѣдь это значило жить на счетъ другаго и вовсе не показывало зажиточности крестьянскаго населенія. Поборовъ было не меньше, но рѣже,—раза три въ годъ,—но за то большими кушами. Въ настоящее же время, хотя поборы и мелочны, но за то излишне часты и многочисленны, напр. сборъ на сотскаго, потомъ недѣли черезъ три на страхованіе строеній, сборъ земскій, сборъ на волостныя правленія, сборъ подушный, выкупной и проч. Весьма естественно, у многихъ крестьянъ должно было явиться убѣжденіе, что податей стало больше, и что поэтому жить имъ труднѣе. То, что нынѣшній рубль добыть значительно легче, нежели прежній, въ разсчетъ не принимаютъ, — наприм. нынѣ для полученія рубля надобно продать только $1^1/_4$ пудъ ржи, а прежде 3 или 4 пуда. Корова (полуторница) стоила 10 р. ассигнац., а теперь 12 р. сер.; рабочій стоилъ въ недѣлю 1 руб. сер., теперь же 3 руб. Такимъ образомъ, чтобы заплатить

20 руб. сер. оброку, нужно было прежде проработать недѣль, а нынѣ 7 недѣль. Съ другой стороны, прежній оброкъ въ 20 руб. равнялся 66 пуд. ржи (по 30 к.), которые стоили-бы въ позднѣйшее время 52 р. 80 к. (по 80 к.).—За три же дня «задѣлья» или «барщины» теперь не взяли бы и 50 руб. въ годъ.

Независимо отъ этого, понизилась, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, самая цифра податей и оброковъ на 16—20 руб. съ 20—25 руб. въ прежнее время.

При всемъ этомъ крестьяне стали и денежнѣе, потому что получили возможность свободно уходить и заниматься отхожими промыслами, безъ чего едва ли бы они могли сдѣлаться зажиточнѣе. Въ прежнее время (если не платили оброка) они отбывали и задѣльную повинность на помѣщика, обработывали и свои поля; вставали на работу раньше, уходили позже, прогульныхъ дней было меньше. Кромѣ того теперь они имѣютъ болѣе расходовъ на пищу, на питье, одежду, постройки и проч.

Цѣны на рабочій скотъ, если смотрѣть на количество рублей, противъ прежняго увеличились, напр. что стоило прежде 10 р., то теперь 20—30 р. Если же сравнивать цѣны на скотъ съ цѣнами на личный трудъ и хозяйственныя произведенія, то можно сдѣлать выводъ, что цѣны остаются тѣ же, если еще не ниже прежнихъ. Напр. лошадь, стоившая прежде 35 руб. ассигн. (10 р. сер.), теперь стоитъ 25 руб. сер. Чтобы купить ее, въ прежнее время требовалось продать 33 пуд. ржи (по 30 к.), или проработать 10 недѣль (по 1 р. въ недѣлю), нынѣ же, чтобы купить ее, необходимо продать 31 п. ржи (по 80 к. пудъ) или проработать $8^1/_2$ недѣль (по 3 р. въ недѣлю).

Затѣмъ увеличилось по крайней мѣрѣ вчетверо потребленіе крестьянами мяса, такъ что нынѣ домохозяинъ расходуетъ обыкновенно на свое семейство до 2—5 пуд. мяса.

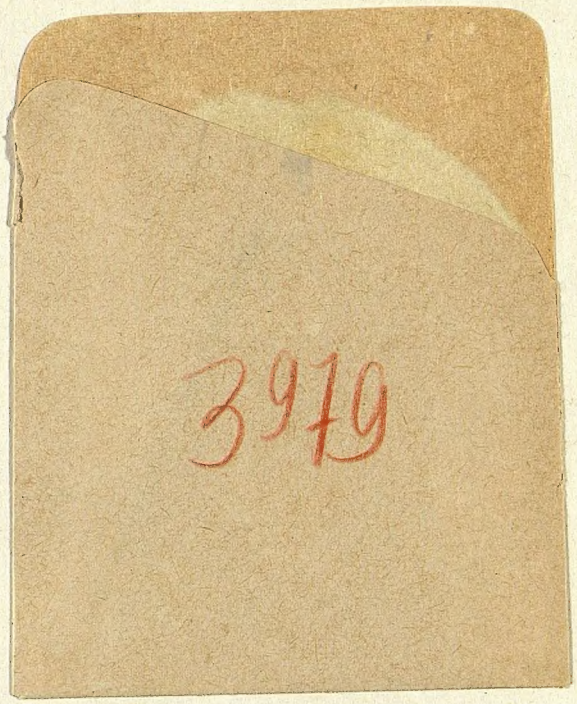
Разумѣется 2 — 5 пуд. очень недостаточно для семьи, но все же и это замѣтное улучшеніе.

Во столько же разъ возросло потребленіе пшеничной бѣлой муки; впрочемъ и теперь выходитъ въ годъ на семью не болѣе 1—3 пуд. муки.

Вообще улучшеніе въ пищѣ замѣтно. Прежде рожь мололи ручными жерновами, а теперь это случается очень рѣдко,—когда нѣтъ времени съѣздить на мельницу (въ сѣнокосъ или жниву), или когда трудно туда ѣхать (въ распутицу). Кромѣ хлѣба, пекутъ такъ называемаго «ситные» изъ ситной муки, или пироги съ начинкой, и, чтобы ѣсть ихъ свѣжими, пекутъ почти каждый день. Въ Галичѣ покупаютъ бѣлую капусту, огурцы, и многіе заготовляютъ въ прокъ. Кромѣ того, часто (особенно въ годовые праздники) пьютъ чай и проч.

Въ настоящее время у рѣдкаго изъ крестьянъ нѣтъ полушубка овчиннаго или даже лучшей «романовской» овчины; сшить ихъ стараются получше и покрасивѣе, отарачивая котикомъ и мерлушкой,—правую полу вышиваютъ узорами; почти у всѣхъ есть поддевки изъ фабричнаго сукна, сапоги кожаные и валяные; ходить въ лаптяхъ, кромѣ работы, считаютъ неприличнымъ. У женщинъ и дѣвушекъ сарафаны и платья ситцевые, часто полушерстяные и полушелковые, платки шерстяные или шелковые; рубашки праздничныя изъ ситца и бѣлаго коленкора. Дома крестьяне строятъ прочнѣе, удобнѣе и красивѣе; избъ часто двѣ, — жилая и скотная. Печь въ жилой избѣ бѣлая, окна косящатыя съ большимъ просвѣтомъ; полы моютъ чаще и нѣтъ прежняго неряшества. Посуда большею частію каменная и если деревянная, то красиво сдѣланная. Почти въ каждомъ домѣ есть свѣчи, мѣдные подсвѣчники и проч. Все это—теперь дѣло обыкновенное, прежде составлявшее рѣдкость. Тоже самое можно сказать и относительно сосѣднихъ мѣстностей.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА


3979